

№ 40

23953

к

Дзедзбул

Дылашбул

избранное

23953

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алма-Ата — 1951

Редактор *Н. Мелешко*
Художник *Н. Ходжиков*
Тех. редактор *С. Ицанов*
Корректор *Н. Муханова*

*

Сдано в набор 18-IV-1951 г. Подписано
к печати 16/X 1951 г. Изд. № 102. УГ06913
Бум. 84X108^{1/2}_{дз} — 4,62 бум. л. — 13,32 п. л.
(11,9 уч.-изд. л.). Тираж 10000.
Цена 10 р. б.

г. Алма-Ата, Гостипография №1 Казполиграф-
издата при Совете Министров КазССР.
Заказ № 368.

ЖАЛОБА

Вьется у муллы в руках
Ивовый зеленый прут...:
Вся спина моя болит,
Как теленок, я избит,
Мое тело раны жгут,
Эти частые побой
Мне покоя не дают.

Твой язык, мальчишка, злой.
Получай за это прут!
Лучше б не учиться мне,
Путь не преграждайте мне...:
В чем так провинился я? —
Объяснение дайте мне.

Разве школа у муллы?
Сгорбив плечи, ходит злынь,
Из халата, как из торбы,
Ловит жертву глазом злым.
В белой он чалме, урод,
Верблюдицей он ревет.

Что же это за урок?
Слово к сердцу не идет.
Школа горькая, прощай!
Мне во сне явилась песня,
Сердце, песней закипай!
Мой отец! К мулле насильем
Ты итти не заставляй!

САРЫБАЮ

Сареке, принес на суд я этот стих,
Взвесьте тайны наши, разберитесь в них.
В руки взяв домбру, желаньем я горю...
Сын ваш ждет оценку слов и дум своих.

У худого человека, Сареке,
Дума в небе, голова же на песке.
Ростом мал Макра, но в мыслях — исполин..
Дар почтенья разве будет им один?

Вот один сгибает всех казной своей,
Слово умное не терпит богатей.
Весь на свете черный мусор он собрал.
Ищет яму, где б свалить его скорей.

А другой вразвалку ходит, не поймет:
Что же делать? Всем заглядывает в рот...
Третий знает все дороги и пути,
Но сарканенному можно ли итти?

А четвертый думой мчится в небосклон,
И луну и солнце жадно ловит он...
Пятый сделал красноречие кнутом,
Сев на лебедя, кулана ловит он...

С кем из них мне быть у жизни на пиру?
Вы обидитесь, коль сам я изберу.
Суйеке, подумав, скажете вы мне:
— Только песня в жизни самый верный друг!

ДЕВУШКА КЕМШАТ

Красой Кемшат душа моя хмельна!
В бобровой шапочке, кокетливо она
Лисицею алтайской изгибаясь,
Не подпускает близко скакуна.

Как сокол с высоты б ее схватил,
Была лицом ко мне обращена!
К высокогрудой сердцем я взлетал,
В байге к копытам пыль не подпускал.

Стервятник падаль ел, а я, орлом
Взлетая ввысь, на выбор дичь хватал.
Для белой шуки в озере степном
Был смолоду упругим я крючком.

Не привлекателен я внешне, но душа
У вольного поэта хороша.
Лицо с душой не сходны иногда,
Должна она понять, моя Кемшат.

Весенний не увянет ли цветок?
Красе прелестниц не пройдет ли срок?
Не кажется ли тусклым целый мир,
Когда закат приходит на порог?

Примером свою речь я украшал,
Словами говорит моя душа,
Язык мой не спокоен, о Кемшат,
Что много думать, девушка? Решай!

ДОЛЯ БЕДНЯКА

Кара-тас, Узун-Агач
Калкабая слышит плач:
Просит хлеба на пикетах
У почтовых передач.

От куска не будешь сыт.
Отбирает полод стыд.
Босоногий и без шапки
На снегу голодный спит.

Как не сжалиться над ним?
Время черное, тугое!
Труд и пот, пролитый им,
Ничего в степях не стоит!

Не идет и пища впрок,
Слабнут кости рук и ног.
И в глазах от доли страшной
Застывает югонек.

Безвозмездно что дается?
Даже близкий и родной
Скажут: — Он еще добьется,
Он не старый — молодой!

ШАЛТАБАЮ

Взором мрачным смотришь в дали,
Думая, что ты один.
Волостных мы повидали
И не мало, господин!
Черным потом обливался
Ты на выборах своих.
И богатством ты швырялся,
Был приветлив, щедр и тих.
Был ты всем, как друг и брат,
Всем кричал ты: «Жамагат!»
А когда добился власти,
Никому ты стал не рад.
Не приветлив ты, не мил,
У тебя не раз я был, —
Как не гневаться Джамбулу,
Коль с обидой уходил?
Голова твоя вскружилась!
Как баксы, что не найдет
У больного жизни жилу,
Измучаешь ты народ!

МАНКЕ

Волостные Жангалыка всюду ходят
И курносым носом, как по ветру, водят.
Ой, проныры все они. Глаза зажмутив,
Мзду везде себе находят.

Говорят они и хитро и протяжно,
Раздирая горло свое болью.
Где пожива видится неважной,
Там несут мешок, набитый солью.

И кряхтя под тяжестью убого, —
Недовольных сладко ублажают,
А потом с поддержкою от бога
До краев карманы наполняют.

ЗАВЕЩАНИЕ

Эх-ма, эх, бренный мир — непокой.
Люди в нем — караван кочевой...
Мир веселый оставят. Пройдут
Через свой перевал вековой.
Входишь с голосом звонким ты в свет,
А при выходе — голоса нет.
Колшибай оставляя для сынов
Образец поучительных слов:
— Чистым сердцем, приятель, дыши!
В добром деле ты счастье найдешь, —
Славных подвигов не совершив,
Что из жизни с собой унесешь?
Все сокровища мира собрав,
Не найдешь ты в богатстве добра.
Светлой памятью, вечной, святой,
Будет жить и сиять над тобой
Лишь добро, что ты миру несешь!
Остальное в могилу с собой
В белом саване ты не возьмешь.

СОБАКА БАЯ КАДЫРБАЯ

Конь мой усталый разбил свои ноги.
Конь мой ослеп и оглох на дороге,
Конь мой голодный не может итти,
Конь мой вздохнул и упал на пути...
Где же коня мне другого найти?

Ноги коню я кошмой обвязал,
Дари-траву к ушам привязал,
Мух малахаем от ран отогнал
И раздавил на спине у коня
Жирного, как чиновник, слепня.

Старый колодец в жарких песках
Я по верблюжьим следам отыскал,
Друга холодной водой напоил,
Гриву погладил и раны промыл.

Конь вострепнулся, конь задрожал,
Конь мой любимый тихо заржал.
Я на потник заезженный сел,
В степь посмотрел и песню запел:
— Ты, мой любимый, терпи до поры,
Нет нам помощника, кроме домбры!

Солнце в далеких горах потонуло,
Вышла луна — вдохновенье Джамбула.
Вижу с вязанкой саксаула
Едет джигит на буланом коне,
Громче запел я. Он едет ко мне.

— Шырагым, о-эй, узнаешь ли Джамбула?
Кто ты, откуда, какого аула?
Хранит ли аллах у тебя табуны?
Хватило ль калыма тебе для жены?
Сыты ли дети в юрте твоей?
Много ли у тебя сыновей?
Пышна ли дочери старшей коса?
Много ли в юрте твоей кумыса?
Плюнул жигит и оставил коня:
— Нет ни жены, ни детей у меня,
Ты ли в вводе раздобудешь огня?
Ты ли не знаешь нашего бая?
Мяса поешь ли у Кадырбая?
Ты ли, изведавший столько дорог,
Ступишь на Кадырбаев порог?
Зол Кадырбай и невесел с утра, —
Сдохла у бая собака вчера.
Был он смертелен — укус каракурта,
Пес, завывая, метался у юрты.
Бай Кадырбай над подохшей собакой
Выл, как шакал, и ругался, и плакал,
И приказал, чтоб со всех концов
В аул хабарчи привели певцов.

Бай обещает полсотни баранов,
Двух иноходцев и море айрана,
Новый халат в серебре и парче
И чаю душистого сто кирпичей.
И третью жену он свою отдает
Тому, кто его доброту воспоет,
И верность собаки его воспоет,
И жир о богатстве несметном составит,
И кюями байскую силу прославит.

* * *

Пели жирши день и ночь, голосили,
Пели жирши, Кадырбая хвалили...
«О-э-х, заглянула б луна в табуны,
Зависть затмила б сиянье луны,
Меньше у неба звезд золотых,
Чем у тебя овец молодых,
Бай Кадырбай, ты и молод и статен,

Род твой богатый и славен, и знатен,
Сам губернатор тебя уважает,
Сам губернатор к тебе приезжает,
А губернатор придет не зря,
В милости ты, Кадырбай, у царя.
И атаманы казачьих станиц
Охотятся вместе с тобой на лисиц,
В юрте богатой, испив кумыса,
Пальцами круто ведут по усам...».

* * *

Пели жирши, Кадырбая хвалили,
Слезы они над собакою лили,
Вой разносили жирши по аулам.
Вспотели. Очередь за Джамбулом.
Бай приподнялся над белой кошмой,
Блещет нагайка с тесьмой золотой,
Бросил мне бай жирный мосол
И к сундукам своим отошел.
Лисьи свои прищурил глаза,
Выпил кисе кумыса и сказал:
«Слыхал я, ты вольные песни поешь,
Слыхал я, что ты не в ауле живешь,
А бродишь степями, как Коркыт бродил,
Слыхал я, что зло ты в душе затаил,
Слыхал я, что ты, называясь горою,
В долинах народ возмущаешь домброю.
Иди же поближе да, скинув пайпаки,
Спой ты мне песню о верной собаке!

* * *

Кюй по аулам кречетом взвился.
Песней своей я к жирши обратился:
«Льстивы, блудливы ваши слова,
Гнулись они, как сухая трава,
Правда великая в них не жила,
Сила народная в них не цвела.
Горечь за вас мое сердце хлестнула,
Слушайте верную песню Джамбула:
Кто вольностью дышит — богатым не будет,
Кто лижет подметки — сапог не добудет,

Кто стонет да плачет над бийским порогом,
Слез у того наберется немного.
Кто беден умом, тот овечкою блеет,
Кто песен не знает, тот жить не умеет,
Кто шею не гнул перед баем богатым,
Тот до могилы не будет горбатым.
Кто песню свою продает за барана,
Тот мухи ничтожней, трусливей кояна,
Блудливей хорька и трусливей тушкана.
Прослушал, жирши, я ваши слова,
Они перед баем легли, как трава,
Злоба горячая в сердце хлестнула.
Бай Кадырбай, ты послушай Джамбула.
Собака твоя неплохая была,
Она табуны для степей берегла,
Которые ты, как голодный шакал,
В наших аулах безрадостных крал.
Собака твоя по зеленым увалам
Стаи голодных волков прогоняла,
С волком вступая в неравную схватку.
Зная собачью горячую хватку,
Волки боялись ее, как огня.
Она берегла и овцу, и коня,
Хвост свой пушистый не поджимала,
Волчьей кровью ковыль поливала,
В сопки волчицы неслись впопыхах,
Оберегая свои потроха.
Собака неплохо степям послужила,
Радостью нашей она дорожила,
Она и под солнцем и при луне
О нашем заботилась табуне.
А ты, ненавистный, с ханскою сворой
Проходишь степями злодеем и вором,
Не дай тебе бог ничего, кроме блох,
Жить бы собаке, а ты бы подох!

АЙТЫС С АЙКУМЫС

Д ж а м б у л:

Коня я упарил, был путь мой далек,
Моя Айкумыс, моих дум огонек,
Весь пыл молодой для тебя я сберег,
Поспешность мою не считай за порок.

А й к у м ы с:

Спеша, поздороваться даже забыл,
Никто тебя вежливости не учил!
Когда бы твой ум с расторопностью жил,
Сокровище пеба рукой ты б схватил.

Д ж а м б у л:

Я мог ли к тебе, Айкумыс, не спешить?
Я молод, о скалы я бьюсь, чтоб любить,
Я ночью и днем лишь тобою живу.
Тебе ль для худого добычею быть?

А й к у м ы с:

Никто о своей не узнает судьбе...
Гулять по аулам привычно тебе,
А я для кочевий чужих рождена,
Себя не тревожь, хлопоча обо мне!

Д ж а м б у л :

Пойдешь за плохого ты в нерадостный час,
Ты птице чудесной подобна сейчас,
Тогда ж до могилы пробудешь в беде,
И синие мухи забьются у глаз.

А й к у м ы с :

Ты самоуверенным, милый, не будь,
Как будто всех девушек спас ты, Джамбул.
Зачем же расстался с родным ястребком
Умеющий зорко предвидеть судьбу?

Д ж а м б у л :

Несчастны джигит и любимая с ним,
Коль смех и веселье неведомы им.
Душа ненасытная страстью горит,
И жду я, желанной надеждой томим.

А й к у м ы с :

Надеждой джигит, как победой живет,
Но дума покоя душе не дает.
Всезнайкой не будь и короче, мой свет,
Скажи поскорее желанье твое!

Д ж а м б у л :

Хочу я не пуговицу надавить,
Хочу я не песней тебя удивить.
От слов не бежишь ты, а дело стоит,
Сама б поняла, не прося говорить.

А й к у м ы с :

Джамбул, на слова ты скупой. Не дрожи,
Проси же яснее, язык развяжи...
Ну чем я пленила сегодня тебя,
Желанье свое, не таясь, ты скажи.

Д ж а м б у л :

Аул мой летует на Кок-Сенгире,
Иссякло терпейе там ждать на заре.
Поймешь, коль позволишь мне тронуть сейчас
Твой холм на груди, что укрыт в серебре.

А й к у м ы с :

Не дам прикоснуться, Джамбул, не вини:
Я с праздника честь доведу до родни.
Есть сказ: добрым словом будь сыта душа.
А нрав твой хороший пусть память хранит.

Д ж а м б у л :

Моя Айкумыс, что же делать, прости!
Разъедемся, тайну не выдав в пути,
Лицо твое в памяти я сохраню,
Пока огонек не погаснет в груди.

АЙТЫС ДЖАМБУЛА С КУЛМАМБЕТОМ

Кулмамбет:

Я — Кулмамбет, по кличке Кулан-айан,
Знает творец, что это мне не в изьян.
Роду Албан я, роду Дулат я петь
Буду сейчас, внимањем их осиян.

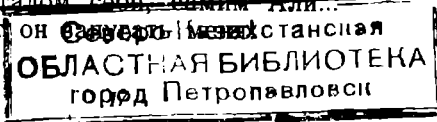
Я, Кулмамбет, Кулан-айаном слыву,
Слушайте в сердце вписанную молву.
Вас я, люди родов Албан и Дулат,
Всех собравшихся слушать меня зову.

23952

Род мой — Кулан-айан, я — Кулмамбет,
Песней увлечь вас ныне даю обет.
Пусть, если может, жалкий соперник мой
Даст мне достойный, даст мне смелый ответ.

Вызов мне слали певцы со всех сторон.
Быть им рабами — общий для них закон.
Есть еще — как его? — этот, ну, Джамбул.
Он, мол, акын... — Зачем же таятся он?

Ждет он, как бы врасплох застать меня,
Чуть зазеваюсь, начнет он таскать меня.
Мнит Сейтбатталом себя, еемим Али...
Нет, не сумеет он ~~Савур~~ ~~Мезит~~

Вон курдюком не он ли, баран, тряхнул?
Нравится, что ль, вам скудный его нагул?
Пусть же выходит, коль вправду акын.
Этот — как его звагы там? — ну, Джамбул!

Кликнул бы ты Джамбула, эй куманек!
Мне на расправу живо б его привлек!
Я — иноходец в роде Албан-Дулат,
Сыщется ль равный мне по прыти конек?

Я ль не скакун на все четыре ноги?
С честью я выходил из всякой байги.
Если и он других обгонягь горазд,
Кликни его и нам сойтись помоги.
Вызвал тогда Джамбула Худайберген.
Сдвинулись люди-всех родов и колен,
И Кулмамбет среди них сказал, смеясь:
— Вот кто желает быть старшим, — мне взамен!

— Эй, — он сказал Джамбулу, — разинь-ка рот!
Многих акынов прошиб холодный пот,
Многим, таяясь со мной, пришлось кряхтеть,
Многих, ловчей чем ты, я брал в оборот.

Д ж а м б у л:

Старшим — первое место в пору игры.
Жертву волчица ждет на склоне горы.
Стоит иных седин черный волос мой,
Я, чтобы честь снискать, прибыл к реке Или.

К у л м а м б е т:

Рвешься ты в бой, приветом нас не почтив,
Вижу, что ты невежествен и спесив.
Долго ль в колодец упасть кувырком?
Что же, лети, уж если ты столь хвастлив.

Тут вот голь беспросветная сидит,
Зелень неразумная сидит,
Дерзко со мной соперничать норовя,
Руки свои почесывая, сидит.

Видишь, обсели меня, как мошकारа,
Взять Кулмамбета вздумали на-ура.
Деять их тут, пусть ты за троих сойдешь —
Будет битва и с одиннадцатью сора.

Вздумал, ища траву, ты снег разгрести:
Грозным выглядеть хочешь в чужой шерсти.
Выдрин тулуп надев, не стал ты сильнее:
Собственный мех для счастья отрасти.

О всемогущий творец! Видишь ли ты?
День Кулмамбета настал — в страхе шуты.
Где оседлал коней род Албан-Дулат,
Там ковыляет жалкий Шапрашты!

Жалок тот род: в слезах молодуха там,
Бан там скот пасут, голодуха там.
Где оседлал коней род Албан-Дулат,
Шапрашты не собратся с духом там.

Род Албан-Дулат — всем родам старший:
Будет речь моя всюду разглашена.
Если поднял шум род Албан-Дулат,
Песнь Шапрашты шумом заглушена.

Думай сейчас — потом меня не кори,
Если не дрогнул, — вызов свой повтори.
Нет для меня помехи, бурю я
Несся не раз через мертвые пустыри.

Белый я лунь, а ты — петух на суку:
«Кукареку» кричишь да «кукареку».
Ровно из ваших шел один Суюмбай, —
Каждому прочему надо б дать клыску.

Эх, Джамбул, со мной ты не вкусишь удач,
Ждал ты веселья, но здесь ждет тебя плач.
Если б только Нуркан свой пригнал табун,
В землю б он втоптал шапраштынских княч.

Вижу я сразу, что ты за соловей:
Станешь петь — ничьих не всколыхнешь бровей.
Голову ль мне твою с хилых плеч сорвать?
Иль втоптать в такыр, глубже степных корней?

Нынче славу Джамбул мнил своей женой,
Завтра увидит он — есть жених иной.
Наши встретив стада, свой утратит след,
Скажет: «стала степь с пятку величиной...»

Истинных богачей видел ли ты, прыщ?
Ваш богач Шолокпай в наших глазах нищ.
Вот аул Майлыбай — у себя ты хоть раз
Мог ли видеть такой плотный строй жилищ?

Вот Бектембай, Тарпан и бек Токсеит:
Кто из ваших так, как они, знаменит?
Вот Ниязбек, Сарсынбаев знатный сын —
Днег сто тысяч в сундуке хранит.

Вот с чьим акыном тягаться ты дерзнул!
Масло не для тебя взбили мы, Джамбул!
Выпрямлюсь я, как прежде, тебя побив,
Ты ж назад поплетешься, хром и сутул.

Сын Утегенов был у вас Нуракан,
Дом их с ханом Шойбеком — черный курган.
Где Кобыкпай с Карабаем? След простыл.
Сатыбалды и Канаю стяг их дан.

Наш Усембай из рода Тлеукабыл.
Он соловьем народных сборищ прослыл.
Вам он давал коней для сбора плодов,
Разве, Джамбул, о нем ты теперь забыл?

Славен на весь Жайлымыс молла Сатим:
Он, благоденствуя, нами всеми чтим.
Горд Сегизбек любим из тысяч коней,
Каждым из них, словно гранат, налитым.

Дал Ормакаю Кыдыр сокровищ тьму.
В Мекке был Исмаил и надел чалму,
Их восприемником стал храбрый Манке:
Должное в песне как не воздать ему?

Есть Алпыстай еще и Малик у нас,
Беден, чтобы их описать, язык у нас.
Братья Татыны, Идрыс, муж Шуманак —
Каждый из них богат и знатен у нас.

Есть Аманжол в Каскарау и Ногайбай,
Скот без счета у них, им на земле рай.
Рано ложиться, поздно вставать им не грех,
Масло вкушают они, смакуют чай.

Вва, Малдыбай, от Кыдыра взявший сан!
Вва, Ажибай, что на помощь мною зван!
Мне замухрышка несчастный вызов шлет.
Разве прольется на землю мой айран?

В роде твоём, Джамбул, будто малых нет;
Якобы резвы все, мол, отсталых нет.
Но угрожавших киргизам предков их
Нет на равнинах, на перевалах нет.

В гости придя, не молчи, бровей не хмурь,
Дерзок со старшим ты, — это что за дурь?
Черноволос ты, с виду ты неказист.
Нет, не таков я: взглядись, глаза прищурь!

Дерзок со старшим ты. Стыдно, Джамбул, юн:
Разве на твой кобыз бог не надел струн?
Что же молчишь ты, будто живот болит,
Будто во рту у тебя вырос типун?

Как бы там ни было, есть один исход:
Будет родом моим твой унижен род.
Все мы богаты, вы же все — бедняки.
Век вам питаться милостыней господ.

Ждет мой род, чтоб я всласть тебя отодрал.
Мне возражать не станет и генерал.
Ну, соберись же с духом и рот открой,
Если, певцом назвавшись, ты не соврал!

Д ж а м б у л :

Чванство, — скажу я тебе, — немалый грех,
Нет у тебя, как видно, других утех.
Был я спокоен, зачем беснуешься ты.
Треплешь меня, кусаешь и рвешь при всех?

Я, коль заденут, грохну, как самопал,
Песни мои — ливень, пенный речной вал,

Речь моя льется из глубины души,
Кто мне перечит, — наверняка пропал.

Вскачь помчится конь, возглас заслышз «чу!»
Помощь от предков моих я получу.
Вихрем будет мне предок мой Карасай,
Смерчем клубясь, я недруга заверчу.

Пред Кулмамбетом мне вправду ль грош цена?
Мне ли отстать, как кляче от скакуна?
В честь Карасая сбоку пойду в обгон, —
Будет едва ли честь твоя спасена.

Птицы птиц не бьют, в небо не воспарив.
Ты, Кулмамбет, опрометчив, хотя сварлив.
Напустословил нынче ты сгоряча,
Шумной твоей похвальбы бесцелен разлив.

Я ведь тебе в отваге не уступлю.
Раньше тебя богатства я накоплю,
Я не теряю рассудка в час борьбы,
Я не подобен злобному кобелю.

Могут добром и дураки обладать.
Лживы, как лисы, счастье и благодать.
Хочешь ты, видно, про богачей бубня,
Им надоесть, а нам посмешищем стать.

Сгинь, Кулмамбет трескучий, сгинь,
Вместе с водой текучей сгинь!
Впрочем, не с ней: ведь воду пьют...
Лучше с попутной тучей сгинь!

Впрочем, тучи влагу дают...
С солнцем, чьи ласки жгучи, сгинь!
Впрочем, к утру и солнца ждут...
Лучше с пылью сыпучей сгинь!

Нет, пылинки к нам пристаю...
Лучше со мглой ползучей сгинь!
Нет, ее объятья степь обовьют...
Лучше с высокой кручей сгинь!
Впрочем, и там для нас приют...
Хоть в аду, приставучий, сгинь!
Как мне быть с тобой, Кулмамбет,

С лысой твоей башкой, Кулмамбет?
Что мне твой скот и твой приплод?

Я тебе, лысому, доложу:
Если за мной стоит народ,
Я всех баев превосхожу.
Зачинаются наши стада,
Где озера Алма-Ата.
До Кастека степь занята.
Нет рубежного знака нам:
Все до Каракыстака нам
Табунами занять пришлось.
Чтоб во лжи уличить меня,
Своего бы тебе коня
Десять дней подгонять пришлось,
Чтобы найти наш крайний табун,
Чтоб увидеть, что я не лгун.

Ку л м а м б е т:

Ишь, задрать норовит меня озорник!
Хватит ли сил у него сломить тростник?
Он бы подался назад, молокосос,
Если бы знатность и мощь наши постиг.

Лезет спорить со мной, словно сам богат!
Знаешь ли, сколько на той нужно затрат?
Кожа да кости — все, что ты накопил.
Чем ты похож на людей рода Дулат?

Овцам счет потеряло племя Баба.
Что ты пред ним? Подпруга твоя слаба
Чем ты кичишься, жалкий Шапрашты?
Не смехотворна ль вся твоя похвальба?

Д ж а м б у л:

Будь то Асыл, будь Шибылга,
Всюду моя ступит нога.
Если мощен ты, Кулмамбет,
Должен принять вызов врага.
Знатному роду ты слуга,
За богача прячешься ты,
С ним еще наплачешься ты.

Пусть у Бабы вдосталь ягнят —
Предки плохо тебя хранят.

Нечем, пока я здесь, козырнуть тебе,
Трудно из рук моих ускользнуть тебе.
О Карынбае не пой, о скряге нам, —
О богатырской спел бы присяге нам.
Нам о народном единстве лучше спой,
Спой о доблести ты, об отваге нам!

Ку л м а м б е т:

Кто богаче Дулата? Скажи, грубиян!
Даже Баба беднее, даже Албан.
Мыкают горе все твои земляки,
Нам богатейший край во владенье дан.

Овцы семь тысяч спин об изгороль трут,
Кони пять тысяч привязей буйно рвут;
Десять верблюдов золотом нагрузив,
Вьет Абеке шатер из шелковых пут.

Сын Утегена, бай Наракан, гляди.
Сотни коней не у него ль позади?
Золотом я лохмотья твои набью —
Песня сама умолкнет в твоей груди.

Многих еще восславлю я, погоди!
Есть Шенет еще — речь о нем впереди.
Сатыбалды, Эстемес, Ламак, Салмак —
В силу богатства наши они вожди.

Д ж а м б у л:

Мог бы и я поведать тут,
Как лопатой деньги гребут,
Как в мешки их сыплют у нас,
Как, самоцветами их покрыв,
На шестьдесят верблюдов кладут.
Даже верблюжий повод у нас
Из дорогого шелка плетут.

Но не об этом я петь хочу,
Я о богатстве таком смолчу.

Вдоль Ала-Тау мы полетим,
Мой родной Кастек посетим

И на другие богатства там
Мы с удивлением поглядим.

Славен не золотом мой Кастек:
Слава его — живой человек.
Слава его — батыры-друзья,
Мощные, как весенний поток.
Спрячешь ли мощь такую в мешок?
Не загрести лопатам ее,
Не обрести захватом ее.
Славятся благородством души
Наш Саурык и наш Суранши,
Копья сверкают у них в руках,
Луки и стрелы на кушаках,
Ткань их одежд чиста и бела,
Песни поются про их дела,
Нас в обиду они не дадут.

Каждый из них — подобье орла.
Плохо тому, кто мучит народ. —
Если мечами они взмахнут,
Если очами они сверкнут.

Надо, чтоб стих мой дальше откочевал:
Я Сыпатая славного не назвал.
Кто, как не он для Великой Сотни вождь,
Кто из батыров столь бесстрашен бывал?
Ласку его из вас постиг не один,
С вами не раз он сладкий чай распивал.

Духом богат он — бедных при нем не тронь,
Меч, а не деньги любит его ладонь,
Подвиг он любит, а ты здесь лень воспел,
Славишь никчемность, славишь байскую вонь.

Нет Сыпатаю равного молодца:
Пешему он, не моргнув, даст жеребца,
Даст и пешком пойдет, — Сыпатай таков.
Вот отчего влекутся к нему сердца.
Вдоль Ала-Тау имя его гремит,
Мир не видел подобного храбреца.

Мой земляк не чета твоим,
Ну-ка, давай на юг поглядим.
Там один старик проживал,
Беден он был, любил он труд,
Сыр из Туркмении добывал.
Не Желмая, а простой верблюду
Скудную ношу таскал за ним.
Подвигами своих сыновей —
Вот чем славен тот человек:
То — Байтеле, Камен, Джапак
И Даулет, четверкой всей
Ставшие честью земли своей.

Слушай меня, не перебивай,
Слушал ведь я тебя, Кулмамбет,
Ты мне успеешь дать ответ.
За Мырзабеком наши живут,
Иссиня-черными все слынут.
Хан их вышел из бедняков —
Разумом крепок народным он,
Духом тверд благородным он.
Весь Абельпейс у нас таков.

Слушай меня не перебивай, —
Есть у нас батыр Нурабай,
Есть его брат, батыр Али,
Род от Кашке они повели.
Низменность их народ заселил.
Был Кашке по-народному прост:
Если он врага примечал,
Он коню подвязывал хвост,
Радостным криком степь оглашал.
Объединил он свой народ...
Что ж, моя песнь, продолжим поход!

Стой, Кулмамбет, наступил мой час:
Станет твой взор могилы мрачней,
Если ты взглянешь на Серектас,
Грозное чудо наших дней.

Там Қилыбаев сын, Қожамбет,
Мощи его пределов нет,
Он — огнедышащий самопал,
Он с небесами в бой вступал,

Он на луну скалил клыки,
Благословенные огоньки
Взорам его бог даровал.
Коль на рассвете свой путь начну,
Я и к полудню не отдохну.
Даром ружья не вскину я,
Даром рукой не двину я.
Про Утеген и Казбек-страну
Я мимоходом упомяну.

Эти возвышенные места
Родиной были предкам моим.
Вспомнил о них я здесь неспроста:
Там шестерых своих сыновей,
Храбрых, как львы, взрастил Ибрагим,
Били врагов без страха они,
Были оплотом казахам они,
Каждый когтист и каждый зубаст —
Разве ваш род таких создаст?

Эй!.. Прислушайся, Кулмамбет, —
В баях твоих смысла нет,
Даром ты тратишь столько слов
На дураков и на ослов.
Дрязги, сплетни и клевета —
Вот чем ваша знать занята.
Тень на народ баи кладут,
Будешь и ты в этой тени.
Баям во век не буду сродни,
Байским добром не бахвалюсь я,
Бедностью не опечалюсь я,
В мощи народа — сила моя,
Цель народу ясна моя.
Богатырям я честь вездаю, —
Вот на какой я земле стою!
Не уступлю, Кулмамбет, тебе.

Ку л м а м б е т:

Наш Бекетбай в Каскарау — с ним сравнись!
Наши Тарпан с Токсеитом — вот дивись!
Бай Телитай многоконный, тоже наш.
Ну, откуда б у вас такие взялись?

Много ль у вас таких, скажи, богачей,
Как Соманак, Шоранбай, Сеит, Шекей?
Есть на Шокпаре у нас даже султан...
Вва, молись о продленье жизни своей!

Шапрашты — ты жалкий, бесхвостый пес!
Вот сковырнешься в яму — расквасишь нос.
Спесь нам твоя, заплатанный, не страшна,
В песне своей ты окоlesiцу нес.
Буду сидеть в печенке я у тебя.
Песни мои забурлят, как вешний плес.

Думал меня запугать ты. — Нет, шалишь!
Бая никем из бедняков не затмишь.
Лебеда наши орлы с лету когтят,
Вашим стервятникам гнать разве что мышь.

Кем ты кичишься, кем ты послан на бой?
Вашей кишмя кишашею голытьбой?
Лучше б веревкой живот ты свой стянул
Твой измочалю чепрак я под тобой!

Д ж а м б у л:

Всякий соперник кажется мне смешным.
Власть мне дана над всяким зверем степным.
Брось! Не бесись, ленивцев не восхваляй,
Целые дни вдыхающих черный дым!
Знают все: народ трудолюбивый мы.
Но и не бредим, как вы, наживой мы.
Все мы в ремеслах искусны, знаем вас.
Видели степи, горы, заливы мы.
Кровель столько в Алма-Ата,
Что с непривычки в глазах рябит.
Город Семей снегом скрипит,
И на кочевье пастух-овчар
Слышит, как строится Кызылжар.
К югу раскинулись Наманган,
И Андижан, и Маргелан.
Связаны торгом с Ташкентом они,
С нами ведут обмен там они.
Русский с казахом дружен теперь,
Локоть к локтю идет он с ним.
Этот союз нужен теперь,

Это мы всем теперь объясним,
Всем, кто захочет слушать нас.

Ку л м а м б е т:

Я, иноходец, чуть лишь заслышу «чу» —
Жалкого Шапрашты к могиле домчу.
Храбрость твоя ни к чему, шалый козел.
Сын нищеты вздумал дерзить богачу!

И Суранши наказан и Саурык,
Про остальных не стоит чесать язык,
Твой Суранши Сайрамским сартом сражен,
Надо ли было дразнить баев-владык?

Все, что ты плел про мужество, — дребедень.
Твой Суранши не к добру поднял кистень.
Тюкнул его хлипкий Сайрамский сарт,
Шкуру снял с него в благословенный день.

Спели ль что во спасенье его души?
Был погребен, как падаль, твой Суранши.
Страхом проникнись перед таким концом,
Лучше обряд молитвенный соверши...

Д ж а м б у л:

Зло проверяют люди только добром.
Я — скакун пред тобой, облезлым одром.
Горд я делами наших богатырей.
Недруга нашего верный ждет разгром.

Да, Суранши с Саурыком — ныне прах,
Но не срамит их это в наших глазах.
Кровь за народ пролить — есть ли выше честь?
Чтит их память недаром бедный казах.

Был твой родич, Максут, как ты, пустобрех,
Жадный, он с ближним грызться мог из-за крох.
Разве, как вол, наевшийся белены,
В корчах, у всех на виду, он не издох?

Дней не продлишь, хоть мир весь съешь,
Кулмамбет.

С байством своим поберегись, Кулмамбет.
Хуже ты Карекула. Шайтан твою
Выглядил, мне сдается, плешь, Кулмамбет.

Отпрыск Уака, грех твой слишком велик:
Ты, человека убив, сюда проник.
Кто воспретит мне голову снять с тебя?
Много в траве Арки осталось улик.

Я, Кулмамбет, громом тебя поражу,
Руки твои за спиной крепко свяжу.
Беглый убийца, тебя на травы Арки
К судьям твоим я завтра препровожу.

Был ты певцом Шоншарским — Дулатским стал.
Прежде худой, толстяком ты спесивым стал,
За три бешмета баям себя продав,
Сам глумиться над горем бедняцким стал.

Совести нет у тебя, как нет волос.
Скрыл ты и то, что сделал, и то, где рос,
Пусть разберут Люсебай, Сат и Манке,
Правда ль в моих словах иль ложный донос!

Лопнули струны у Кулмамбета тогда,
Он не нашёл сил для ответа тогда,
Спас от позора домбру свою Джамбул,
Честь он спас — и мир это понял тогда.

В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА

Пришел я к тебе из далеких степей,
Пришел я к тебе в мраморный мавзолей.
Бессмертный, родной, любимый,
Не умер ты! Не лежишь в гробу!
С живым с тобой говорит Джамбул
И в сердце несет твоё имя!

Стал мавзолей твой сердцем земли.
Волны народов к нему потекли
Потоком бескрайним, как годы.
Не умер ты! Не в гробу лежишь!
Ты каждый день живешь, говоришь
С родным своим народом!

Данишпан! Ты думал о каждом из нас,
Данишпан! Ты нас от шакалов спас,
Как солнце, согрел миллионы,
Миллионы тех, кто с нуждой дружил,
Миллионы тех, кто без родины жил,
Миллионы нас, угнетенных!

Когда я смотрел на звезды Кремля,
Я видел — в них блещет жизнь твоё
И твой завет последний.
Я слышу — в Кремле твоё сердце бьёт.
Там твой любимый орел живет,
Великий твой наследник.

На крыльях могучих он гордо несет
Победное, славное знамя твоё,

Он в бурях и грозах вырос.
И там, где орлиные взмахи легли,
Там счастье для всех угнетенных земли,
Для всех пролетариев мира!

Мой Ленин! Тебе эта песня сейчас,
Мой Ленин! Живешь ты в каждом из нас.
Как солнце, согрел миллионы,
Миллионы тех, кто с нуждою дружил,
Миллионы тех, кто без родины жил,
Миллионы людей угнетенных!

В завещанье оставлю им,
Правнукам, внукам и детям своим,
Чтобы такими, как ты, они стали
И отдали сердце и каждый свой шаг
Тому, в ком пылает твоя душа,
Тому чье имя — Сталин!

1936 г.

ЛЕНИН И СТАЛИН

До смерти Джамбул не забудет тех дней,
Когда он на поезде мчал по стране.

И мимо куда-то летела земля,
Мелькали сады, проплывали поля...

Шумела травую батырская ширь,
Неслись облака на Алтай, на Сибирь.

Пугливые чибисы с криком вились
Над желтой и быстрой рекою Арысь.

Над рисовым полем пылали лучи
В горячих просторных степях Кармакчи.

Катил на пески свой разгневанный вал
Вскипающий пеной, зеленый Арал.

Пасла табуны и растила хлеба
Красавица наших степей Актюба.

Потом засверкал восхищением взор:
Впервые увидел я волжский простор.

Катила могучие воды река,
И чайка кружилась бела и легка.

Какая страна! Сколько светлых чудес,
Под юртой высоких советских небес!

Я ехал, волнуясь. Я знал, что близка
Мечта моей жизни — столица Москва!

И вот она встала, мечты золотей!
Во всей лучезарной своей красоте!

Услышал я шум изумрудных садов,
Увидел я блеск бирюзовых прудов.

Дворцы и палаты, метро под землей,
Большие фонтаны воды голубой...

Я думал: здесь Ленин когда-то ходил
В расцвете своих титанических сил...

Посланец далеких казахских степей,
Пошел я туда, где стоит мавзолей.

Где светят, восторгом сердца опаяя,
Горящие золотом звезды Кремля.

Стоит мавзолей в самом центре земли,
Народы, как реки, к нему потекли.

Идут и таджик, и ойрот, и казах
С любовью в сердцах и с печалью в глазах.

Идут и афганец, и перс, и араб,
Как дети к отцу и как воины в штаб.

И я вместе с ними, волнуясь, вхожу,
Глаза поднимаю и жадно гляжу.
И вижу — в гробу он лежит, как живой,
Спокойный и мудрый, простой и родной.

Знамена склонились с любовью над ним,
Проходят народы, а он недвижим.

Не слышит, как я ему — сгорблен и сед —
Шепчу по-казахски сыновний привет.

И клятву шепчу ему — ленинцем быть,
По-ленински думать, бороться и жить,

И детям, и внукам, и правнукам — всем
Поведать и в песнях и в строфах поэм,
Что Ленин, как солнце, планету живит,
Что в Сталине ленинский гений горит.

Я самый счастливый певец на земле, —
Я Сталина видел в московском Кремле.

Я рядом с вождем всех народов **стоял**
И крепко могучую руку пожал.

Ту руку, которая твердо ведет
Два десятилетия вперед и вперед.

В сиянье счастливых и солнечных дней
Сто семьдесят пять миллионов людей.

Он разумом выше Памира и звезд
И к людям внимателен, ласков и прост.

Он мощью своей превосходит Арал,
И каждый бедняк в нем отца увидал.

Как солнце, он ясен, высок и могуч,
И греет народы теплом его луч.

Он, как океан, необъятно велик ..
Обидно Джамбулу, что беден язык.

И слов нехватает, чтоб так прозвенеть,
Чтоб сталинский гений достойно воспеть.

Я в степи пойду, когда солнце встает,
Из юрт позову я колхозный народ.

И грянем мы песню, и будет нам в лад
Греметь ниспадающий с гор водопад,

Трава шелестеть и журчать родники,
И тихо по ветру шуметь тростники.

И даже на самой далекой звезде
Слышна будет песнь о великом вожде!

1936 г.

КЛИМ-БАТЫР

Чингис-хан, с твоей сабли кривой
Кровь стекала густой струей.

Где ступала твоя нога,
Степь лежала мертва и нага.

Там, где двигались орды твои,
Утопали народы в крови.

Ты был хищник, палач и тиран, —
Вот в чем слава твоя, Чингис-хан...

Ты умел только жечь и рубить,
Не могу тебя с Климом сравнить.

Клим тебе, Чингис-хан, не чета,
Ему славу кричат речета.

Не потоки крови и слез —
Ворошилов нам счастье принес.

И счастливый свободный народ
Другом Сталина Клина зовет!

Славен был легендарный Али,
Дау якобы мог он свалить.

Не сдержи-де его Израил,
Он бы землю на плечи взвалил.

Как несла его славу молва,
Но ведь это одни лишь слова.

Это вымысел мулл и ложь,
Только в сказках Али хорош.

Как я Клима сравню с Али?
Силу Клима мы видеть могли.

Пой, акын, силу Клима славь,
Его сила не сон, а явь!

Клим арстаном сражался в боях,
Он не знал, что такое страх.

В годы трудной, большой войны
Разбросал он врагов страны.

Неспроста возрожденный народ
Другом Сталина Клима зовет!

Я смотрю в глубину времен—
Много было великих имен!

Искандер был известен всем,
Возвеличен в поэме Рустем.

Полководцы вели полки,
И знамена вились высоки.

Но их слава недолго цвела,
Кратковременною была.

Каждый, сколько ни был знаменит,
В новых битвах бывал разбит.

И в залитых кровью стейях
Оставался от славы прах...

Ты один, звездоносец Клим,
С полководцами несравним.

Ты проходишь дорогой побед,
У тебя поражений нет.

Ты народом крепко любим
И поэтому непобедим.

Тебя Ленин учил борьбе,
Тебя Сталин учил борьбе.

Ты мужал, закалялся в борьбе,
Нет по силе равных тебе.

Климу-джан я подарок ищу,
В табуне жеребенка рощу.

Тонконового сосунка
Холю, словно родного сына.

По весне сосунок будет тай,
Станет шерстка нежна и чиста.

Подрастет, будет резвый кунан,
Подивится ему Казахстан.

А потом зашумят по стране
О чудесном дунен-скакуне.

Май повеет душистым теплом,
Станет конь мой ходить под седлом,

Через реки и горы скакать
И в дороге не уставать.

И тебе, Клим, кто равен звезде,
Я вручу драгоценный дар.
Это будет в узорной узде
Золотой, огнегривый Тулпар!

1936 г.

АКСАКАЛУ КАЛИНИНУ

Здравствуй, здравствуй долгие годы,
Кровный брат мой, чей пост велик!
Вновь мы вместе — седобородый
Аксакал и Жамбул-старик.
Ты в аул наш освобожденный
Прошлой осенью приезжал.
Высшей истиной умудренный,
Там ты руку мою пожал...
В наш колхоз, чье имя — «Калинин»,
Ты, Калинин, приехал сам:
Было там торжество-мейрам,
Отдал степь ты навеки нам,
В край, что некогда был пустынен,
Путь открыл ты земным дарам;
Расцветает хозяйство наше,
Взрыта трактором целина,
Не видели мы весен краше,
Чем Калининская весна.
Вот на пастбище верблюжата
За верблюдицами спешат,
Возле маток своих ягнята
По душистым травам кружат,
И колхозные жеребята
Ржаньем душу нам веселят;
Пастухи тот скот сторожат.
«Степь должна быть скотом богата» —
Так сказал ты нам, друг и брат.
Скот наш вырастет во сто крат...
В горле песенника-жирши,

Песня праздничная, журчи!
Светит солнце сегодня всем,
Мой сегодня привет — салем
Михаилу, сыну Ивана.
Я приехал ему сказать:
— Посети нас, Калинин, опять,
Мы зарежем тебе барана,
Средь известных тебе степей
Будь почтеннейшим из гостей!

1936 г.

ПЕСНЯ НАРОДУ

Я ехал при солнце и при луне
На кара-айгыре, железном коне,
По самой чудесной на свете стране,
И радость пела во мне.

Кострами цветов пылали луга,
В недрах Урала пела руда,
На Волге шумели по берегам
Сияющие города.

Цветы украшали зелень ветвей,
Щелкал в вишневых садах соловей,
И девушки пели в раздолье полей
Весенних птиц веселей.

Я слышал: при солнце и при луне,
При яхонтовом закатном огне,
В каждой песне и в каждой струне
Радость звучит в стране.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

Джамбул в мавзолее у Ленина был,
Седую голову низко склонил
И тихо шепнул ему: «Ленин, ты жив,
Ты в полном расцвете сил.

Мы в Сталине видим твои черты:
Цели немерянной высоты,
Мысли невиданной широты,
Речи неслыханной простоты...
В Сталине ожил ты!».

Рука твоя, Сталин, нас в битву вела,
Мысль твоя, Сталин, победу дала,
Смотришь ты, Сталин, зорче орла,
Страна с тобой расцвела.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

Столицу мира Джамбул обошел,
В столице Джамбул чудеса нашел:
В Москве — свободы и счастья оплот,
Великий Сталин живет.

В Москве сады, как сплошной изумруд,
В Москве дворцы, как в сказке, растут,
Внизу под землей поезда бегут,
Вверху — самолетов гуд.

Столица — солнечной радости клад,
Столица — сталинской мудрости клад,
Столица — труда и счастья клад,
Там звезды Кремля горят.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

На разных наречьях в Москве говорят,
По-разному речи и песни звучат,
Но дружбу грузин с карелом крепят,
И русский казаху — брат.

Старый Джамбул с домброю в руке,
Почуяв, что юность кипит в старике,

Запел о великом большевике
На родном своем языке.

И все в Москве понимали его,
Как близкого родича своего.
Слушали песню с весельем в глазах
Русский, грузин и казах.

Сталин сумел народы собрать.
Братство племен и народов сковать:
Всесильна народов великая рать, —
Одна у них Родина-мать.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

Большой театр нам двери раскрыл,
Алый бархатный занавес взвил,
Сцену волшебным светом залил,
Сияньем огней ослепил.

На сцене, где выросло в блеске идей
Большое искусство русских людей,
Раскрылось цветущей весны молодежи
Искусство казахских степей.

Воскрес растоптанный ханами век
В знойном, как пламя, танце Жибек;
Смычком из кобыза извлек человек
Мелодию горных рек.

Плыли слова легенд и былин,
Пел, состязаясь с акыном акын,
И ширилась песня гор и долин,
Как вешний гром: «Жасасын».

Из сыбызгы, ручья звончей,
Журчала мелодия радостных дней.
Куляш, черноглазая дочка степей,
Пела, как соловей.

Видел и слышал старый Джамбул,
Край его сердце Москвы всколыхнул,
Раздался рукоплексаний гул,
Побратались Москва и аул.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

Кто были раньше казахи? Рабы!
В черной нужде мы гнули горбы!
Были жестоки, злы и грубы
Властители нашей судьбы.

Эпоха ускорила времени бег,
Встал и расправил горб человек.
Жизнь потекла свободнее рек
В счастливый сталинский век.

И вот возрожденный родной мой народ
Великому Сталину песню поет,
Слова в ней свежи и душисты, как мед.
Песня от сердца идет.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

Самого лучшего из людей,
Самого мудрого из людей —
Я Сталина видел. Сидел он в среде
Воспитанных им вождей.

Сидел Клим-батыр, смелый витязь войны,
Сияли звезды и галуны.
Калинин сидел в серебре седины,
Староста всей страны.

Рядом с Серго Каганович сидел,
На сцену со светлой улыбкой глядел,
А зал аплодировал и гудел
Героям великих дел.

Все видели: наше искусство цветет.
Все слышали: весь Казахстан поет.
Слава тому, кто народы ведет
По дороге счастья вперед!

Ты солнцем свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

Вернулись артисты степей назад,
Казахский народ за них горд и рад,
У многих теперь ордена блестят,
И силы во всех кипят.

Их Сталин видал, их Сталин слышал,
Из ложи им Сталин рукоплескал,
Их Сталин в Кремле, как отец, принимал,
Песням их и речам внимал.

Вернулся с ними и старый Джамбул
В родной Ер-Назар, колхозный аул,
Встречает Джамбула приветственный гул.
Будто ветер ветви качнул.

Пришел на собрание колхозный народ,
Джамбул на собрании песню поет.
И песня, как беркут, в небе плывет,
На борьбу и работу зовет.

В степях Казахстана травы шумят,
Рудой и нефтью край наш богат.
Цветет Казахстан, как огромный сад,
И нет нам дорог назад.

Сталин, ты слышишь удары сердец?
Первая песня тебе, мудрец.
Первая песня тебе, отец,
Родной и любимый отец!

Казахстан на восточных границах лежит,
Мы с винтовкой в руках бережем рубежи,
Мы клянемся тебе, человечества друг,
Что не выпустим ружей из рук.

Как с винтовкой аскер, я с подругой-домброй
Выйду вместе с народом в последний бой,
Будет песня моя — грозна и строга, —
Как снаряды, взрывать врага.

Ты солнце свободным народам дал,
Ты рай на земле народам создал,
С тобой мы счастливыми стали,
Великий ленинец — Сталин!

1936 г.

ПЕСНЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОРДЕНА

Джамбулу девяносто лет...
Я пел всю жизнь. Я стар и сел.
Но стал на старости кедей
Счастливей всех людей.

Я счастье выразить смогу ль?
Расцвел я, как душистый гуль,
Мне Сталин молодость вернул,
Помолсдел Джамбул.

Беру я орден и пою
И клятву верную даю —
Все песни обновленных дней
Отдать родной стране.

Вольется песня в шум работ,
Орлом над степью проплывет,
И будет чище серебра
Звенеть моя домбра.

Услышат звон моей струны
На шумных праздниках страны.
Жить стало лучше, веселей
На Родине моей.

Аскер с винтовкой ходит в бой,
Джамбул — с любимую домброй...
Я песней из каленых слов
Пойду разить врагов.

А песню лучшую мою
О Сталине я пропою,
Ее со мною запоет
Счастливым мой народ.

Ты, Сталин, — солнце наших дней,
Ты всех дороже и родней,
Тебе несем тепло сердец,
Мудрейший наш отец!

Я, вдохновляемый тобой,
Поеду в Казахстан домой,
И будет песнь моя звонка,
Как небо, высока.

Я по степям родным пойду,
Я песней путь в сердца найду,
И буду геть все веселей
О Родине моей!

1936 г.

УМЕР БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК

Пой от скорби и горя, Джамбул,
Пой печальней осенних рек.
Весть ползет из аула в аул:
Умер Горький — большой человек.

Буревестник крылья сложил,
Гордый сокол на скалы упал,
Он народам песней служил,
К светлой правде Родину звал.

Он пришел, когда ширилась тьма,
Был далеким ясный рассвет,
И молчала страна, как тюрьма,
В черном мраке проклятых лет.

Но во тьме его песни зажглись,
Как созвездья на небе ночном.
По стране его песни лились
И сердца зажигали огнем.

Ленин другом его называл
И творенья его ценил.
Сталин книги его читал
И, как верного друга, любил.

Он принес нам песни борьбы
Из жемчужин сверкающих слов.
Выпрямлялись от песен горбы
У забитых нуждою рабов.

В его песнях дымился восход,
День грядущий лучами горел,
И под песни его народ
Шел из мрака навстречу заре.

Над странюю плыла весна,
Свежих росных цветов полна.
Его старость была ясна
И прекрасна, как наша страна.

Отсверкал, откипел, отзвенел
Светлый, чистый, кипучий родник.
В нашей самой счастливой стране
Умер самый счастливый старик.

Плачьте струны из турьих жил!
Умер тот, кто лишь правде служил,
Кого Ленин великий любил,
Кого солнечный Сталин любил.

1936 г

Я СЛЫШАЛ СТАЛИНА

Снега Ала-Тау одеты в закат,
В последних лучах, как рубины, горят.
Звезда серебрится и в яблонный сад
По радио вести летят.

Я слышу их, хмуря суровую бровь,
И старое сердце волнуется вновь.
В Испании кровь, в Манчжурии кровь
И в Абиссинии кровь...

Но вот из далеких кремлевских палат
Овации горным потоком гудят,
Сердца согревая, планету будя,
Доносится голос вождя.

Волнуется мир, тишина разлилась:
Настал на земле исторический час,
С трибуны звучит, как могучий набат,
Вождя гениальный доклад.

Казахи в степях, грузины в горах,
Зыряне в лесах, белорусы в полях —
Народы, чтоб каждое слово сберечь, —
Слушают Сталина речь.

В ней пламя бушует, в ней мощь налита,
В ней сила, уверенность и красота,
В ней веет отцовская теплота,
Она кристально проста.

Слова Конституции миру звучат
И каждое слово теплее луча,
Светлее зари, яснее звезды,
Свежее, чем в августе плоды.

Ну как мне забыть этот день в ноябре,
Ну как мне не петь, не играть на домбре
И, сердцем котцу всех народов летя,
Не радоваться, как дитя!

Ты первый из гениев всех времен,
Ты дал всем народам счастливый Закон,
И я говорю тебе вместе с страной:
Спасибо, Сталин родной!

Ноябрь 1936 г.

ВЕЛИКИЙ СТАЛИНСКИЙ ЗАКОН

Песня моя, ты лети по аулам,
Слушайте степи, акына Джамбула!

Много законов я в жизни знал,
От этих законов согнулась спина.

От этих законов слезы текли,
Глубокие складки на лбу залегли.

Законы Аллаха, законы Аблязя,
Законы кровавого Николая.

По этим законам детей отбирали,
По этим законам людей убивали,
Девушек наших, как скот, продавали.

По этим законам аулы редели,
По этим законам баи жирели
И крепко на шее народа сидели.

По этим законам гуляли, как смерч,
Бесправие, голод и смерть.

Песня моя, ты лети по аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!

Маленький след дорогу рождает,
Море из родника вырастает,
Из камня упругая сталь выходит,
Из слова рождается мудрость в народе.

От жизни счастливой рождаются дети
Самые радостные на свете!

А с ними в колхозе рождаются песни,
Всех песен красивей, всех песен чудесней!

Звени же, домбра, по колхозным аулам,
Слушайте, степи, акына Джамбула!

Слушай, Кастек, Каскелен, Каракол,
Я славлю Великий Советский Закон.

Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит.

Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому юность цветет,

Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа,

Закон, по которому вольным джигитам
К подвигам смелым дорога открыта,

Закон, по которому в праздник наш
Овеяна славой родная Куляш.

Закон, по которому едут учиться
Дети аульные в школы столицы,

Закон, по которому все мы равны
В созвездии братских республик страны.

Пойте, акыны, пусть песни польются!
Пойте о Сталинской Конституции!

С песней, акыны, идите на сходы,
С песней о братстве великих народов,

С песней о Родине нашей цветущей,
С песней, к труду и победам зовущей.

Заботой согрел миллионы сердец,
Сталин — мудрейший, любимый отец!

1936 г.

ПЕСНЯ О МОСКВЕ

Горд и счастлив я, старый Джамбул,
Мое сердце поет, как струна,
Меня слышит не только аул,
Меня слушает вся страна.
Через степи и через Урал,
Через Волгу и через поля
Поезд, словно тулпар, меня мчал
Силой пара и силой угля.
И за то, что я мчался, как ветер, к Москве,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Ай, как Родина хороша,
Ай, как город Москва пригож!
Замирает от счастья душа,
По рукам пробегает дрожь.
Я б еще девяносто лет
Жил, как самый последний кедей,
Чтобы час побывать в Кремле,
Чтобы вновь посетить мавзолей.
И за то, что я песни пою о Москве,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

1
В сердце мира стоит мавзолей,
Спит в нем Ленин в тени знамен...
Но живительный свет земле
И в гробу излучает он.
У него ума океан,
Грел людей он сердцем большим,
Он был храбр и могуч, как арстан,

И в борьбе был несокрушим.
Сталин, солнце мое, я понял в Москве —
Сердце мудрого Ленина бьется в тебе!

В день, сияющий, как бирюза,
Был в Кремле я в кругу друзей,
Увидали мои глаза
Величайшего из людей.
Ты, чье имя достигло звезд
Славой первого мудреца,
Был внимателен, ласков, прост
И родней родного отца.
За радушный, отцовский прием в Кремле,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Я спускался с домброй в метро,
Был в волшебном дворце под землей,
Поезд мчал меня легче ветров,
Ослепляя звездой золотой.
Каганович! Ты Сталину друг,
Поезда твои славят Джамбул.
Песни рельс и колес перестук
Знает каждый казахский аул,
И за то, что творцов воспитал нам в борьбе,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Пышно братство народов цветет,
Счастлив русский, грузин, казах...
Наша родина — мира оплот,
Наше счастье добыто в боях,
А границы зорко хранит
Тот, кто в Сталине видит пример.
Для врагов неприступный гранит —
Клим-батыр, первый кзыл-аскер.
И за то, что винтовка готова к стрельбе,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

У меня халат из парчи,
Куний мех на шапке моей,
А вокруг цветы и лучи,
И улыбки весны светлей!
Счастье Родины расцвело,

Словно яблоневые сады:
Под твоим орлиным крылом
Мы живем, не зная беды.
За счастливую, светлую жизнь на земле,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

Ты эпоха — подруга моя,
Комсомол — ты ровесник мой!
Уезжая в степные края,
Я пою с родною страной:
Сталин в каждой мысли у нас,
Сталин в каждом сердце у нас,
Сталин в каждом деле у нас,
Сталин в каждой песне у нас.
Твоя жизнь кипит в труде и борьбе,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе!

1936 г.

Бессмертен твой образ! Ты жив в напряженной борьбе,
В огнях электричества, в чистом сиянии стали,
И в песнях народа, и в нашей счастливой судьбе,
И в том, кто один в гениальности равен тебе.
Кого мы зовем, как отца и водителя — Сталин!

1937 г.

ПЕСНЯ СЪЕЗДУ

Хозяевам Родины славной моей
Привет от акына счастливых степей.

Привет от кастекских цветущих аулов,
Избравших на съезд делегатом Джамбула!

С домброй я горячее сердце привез,
Я новую песню в подарок привез.

Широкую песню, как море небес,
Тебе, уважаемый съезд!

Смотрю я на степь —
В ней горела трава,
В покинутой юрте гнездилась сова,

Курай овивал одинокий курган
В проклятый народом заман...

Молились бродяги святым из Каабы
У изваяния каменной бабы.

Хранил каракурт надмогильный саман
В проклятый народом заман...

Холодные слезы роняя в песок,
Пел горькую песню безродный седок,

И шел, задыхаясь, мой караван
В проклятый, суровый заман...

В миражном тумане струился родник,
Судьбу проклиная, шагал проводник.

Буря срывала последний чапан
В проклятый, суровый заман..

Смотрю я на степь —
Ей конца не видать.
Смотрю я на степь —
Мою степь не узнать!

Где тропы хранили верблюжьи следы,
Цветут плодоносные наши сады,

Где с ветром катились в Дарью катуны,
Пасутся бесчисленные табуны.

В песках, где голодный скитался казах,
Струится река человеческих благ.

Где кляча ходила со сбитой спиной,
Летит златокрылый тулпар вороной.

Где баи царили да ханская кость,
Где даже собаке не сладко жилось,

Где жажда и голод, да смерть кочевали,
Где песни народные умирали,

Где рвал нашу радость стервятник двуглавый,
Восходит
Союзной республики слава,
И реют одиннадцать гордых знамен!

Приветствую сталинский мудрый закон!
Закон, по которому в славный заман
Республикой счастья цветет Казахстан!

На горной вершине с домброй я стою
И вместе с народом о счастье пою

Широкою песню, как море небес,
Тебе уважаемый съезд!

Любовью и радостью озарена
Обильная наша страна.

Как слава джигита, красива она —
Бескрайная наша страна.
Как беркут она белоплечий вольна —
Свободная наша страна.

Как волны Арала в прибое, сильна
Могучая наша страна.

Бурлива, как гордая кровь скакуна,
Чудесная наша страна.

Песни души, что весельем полны,
Как золотые звенят стремена.

Для всех поколений на все времена
Сталинским сердцем согрета она —
Любимая наша страна!

1937 г.

СЛАВЬСЯ В ПЕСНЯХ, СССР!

Родина, мой край благословенный!
Нет такой страны во всей вселенной,
Как лучами залитая ты.

Ты встаешь в сиянье и цветенье,
Как чудесный сон, как воплощенье
Пронесенной сквозь века мечты.

Погляжу я вдаль — цветут тюльпаны,
Как волшебные ковры Ирана,
Стелются колхозные поля.
Подниму глаза свои я кверху —
Самолет, как белоплечий беркут,
Проплывает в дальние края.

По пустыням зажурчали воды,
Зашумели мощные заводы,
Синий поезд рассыпает гуд,
Золотым зерном полны амбары,
Караваны, табуны, отары
Величаво по степям идут.
Мы стоим за родину горою,
Мы храним железною рукою
От врагов счастливый мирный край.
Мы за мир, хотя готовы к бою,
И текут медовою рекою
Все двенадцать месяцев, как май.

Мы живем семьей многоплеменной
Под счастливым сталинским законом,
Мы для стран других — живой пример.
И звени от тундры до Памира:
Славься в песнях, Сталин, гений мира,
И страна-батыр СССР!

1937 а

ПЕРВОМАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Взгляни, мой товарищ, от края до края
Идет торжествующей поступью мая
Под песню домбры, под напевы зурны
Счастливая юность советской страны...
Ковром изумрудным покрыта земля,
Цветами украшена юрта моя,
На крыльях серебряных к солнцу летят
Родные мои сыновья.
Одетые в богатырский наряд,
На страже границ неприступных стоят
Могучие сыновья.
В бескрайних, как небо, далеких морях
Плывут на своих боевых кораблях
Отважные сыновья.
Пасут табуны и ведут поезда
И строят волшебные города
Любимые сыновья.
Их с нежностью матери любит страна,
Им звонкая песня моя отдача,
Блестят на груди у сынов ордена.
Я в день Первомайский, сияющий, яркий,
Раздам сыновьям золотые подарки:
Орлиную меткость — стрелу Исатая —
Сберег я любимому сыну Алтая;
А меч Утегена, что ярче алмаза,
Сберег я любимому сыну Кавказа.
Коня Махамбета под красной попоной
Сберег я сынам горделивого Дона,
Чтоб были отважны и смелы сыны

На страже великой Советской страны!
Столетнее сердце от счастья поет,
По радостной Родине Сталин идет,
С ним солнце и звезды, цветы и луна,
С ним дружбы и счастья народов весна.
Идет он к границам, к заставам на вахты,
Идет к рудникам, опускается в шахты,
Идет по степи, где поют трактора,
И в юртах сидит у степного костра,
Встречает охотников в дебрях тайги,
Любуется смелым заездом байги.
На каике в море плывет с рыбаками,
В колхозе беседует со стариками,
Думы с ним делят узбек и казах,
Он говорит на всех языках,
И всем он понятен и всеми любим,
И сердце у каждого бьется лишь с ним.
Я, старый Джамбул из степей Джетысу,
Как майскую песню, как жизни красу,
Сталина знамя в руках поднимаю,
В крепких руках, и по свету несу.

1937 г.

ПЕСНЯ О ВЕСНЕ НАРОДОВ

Коня мне седлайте! Мне юрта тесна!
Над степью плывет голубая весна.

Запели у юрт черноглазые кыз,
Запенился нежный душистый кумыс.

Над гнездами вьются веселые птицы,
И ржаньем зовут жеребят кобылицы.

И белые лебеди в небе плывут
Над степью зеленою, как изумруд.

Цветущая степь! Ты волшебней мечты,
Огнем самоцветов сверкают цветы.

Пурпурные маки пылают, как пламя,
Степные тюльпаны блестят лепестками.

Но песни весенней чудесней и краше,
Цветешь ты, любимая Родина наша!

Одиннадцать стран в окруженьи врагов
Цветут, как одиннадцать пышных садов.

Звенят победителей голоса,
У нас богатырские чудеса!

Немало героев шагает меж лами,
Чьи гордые груди горят орденами.

Ни грозы, ни бури для нас не опасны,
И море, и суша, и высь нам подвластны.

Недаром же нас зарубежный народ
Ударной бригадой вселенной зовет.

Наш век громыхал канонадой походов,
Наш век стал весною счастливых народов.

И песня, как солнце, как кровь горяча,
И жизнь, словно степи, сияет в лучах.

Ликуйте и пойте, народы! Над нами
Великого Сталина имя и знамя.

И клич большевистский его боевой,
И слово, и воля, и гений его!

1937 г.

ПЕСНЯ О КУМЫСЕ

В проклятую пору, в тяжелые годы
Душили нас беды, томили невзгоды,
Мы пили арычную, желтую воду,
А бай — хмельной, золотистый кумыс.

В богатых кувшинах струею играя,
Ты радость давал только биям и баям,
Ты зависть внушал нам и был проклинаем,
Лишь байскую кровь согревавший кумыс.

Привычный напиток на праздничном тое,
Ты в байские глотки вливался рекою.
Без крепости водки, ты влагой степною
Бодрил, вдохновенный, душистый кумыс.

Но трубы борьбы прогремели над нами,
Мы с саблями встали под светлое знамя,
Чтоб баев прогнать и владеть табунами,
Дающими мясо, сыр и кумыс.

Где бай? В могилах и за рубежами,
В зловонной, наполненной змеями, яме,
Шипя от бессилья и злобы ужами,
Пожалуй, не пьют они больше кумыс.

Все наше: и степи до самой границы,
И воды в арыках, и овцы, и птицы,
И рыжие, словно закат, кобылицы,
И пахнувший солнечной степью кумыс.

Ты наши джайляу собой украшаешь.
В стахановцев новые силы вливаешь,
Здоровье героев страны укрепляешь,
Густой, ароматный и крепкий кумыс.

Так пенься, просясь в пиалу из кувшина,
Чтоб песни на тоях колхозных взвились,
Напиток батыров с просторов орлиных,
Холодный и чистый, как снег на вершинах,
Веселый и звонкий, степной кумыс!

1937 г.

ОБРАЩЕНИЕ К ДЕТЯМ

Вы здоровы, ребята? Я рад!
Словно пчелы, детишки жужжат.
Я, Джамбул, со старинной домброй
Очень рад погостить у внучат.

От годов, как верблюды, я горбаг,
Но люблю я улыбки ребят.
Вы похожи, внучата мои,
На степных сосунков-верблюжат.

Мир для вас беспечален и прост,
Ночь несет вам мерцание звезд,
Солнце ласково льет вам лучи
И лелеет счастливый ваш рост.

Сталин—самый большой из людей—
И отца вам и братьев родней,
Сердце Сталина греет, как луч,
Всех племен и наречий детей.

Всех кудесников Сталин добрей,
Он прислал вам тюки букварей,
Целый ворох игрушек и книг,
Чтобы лучше жилось детворе.

Сталин — словно чинар вековой,
Величав его ствол золотой,
Каждый листик его — бриллиант.
Хорошо вам под этой листвой.

Вашей радостью Сталин живет,
Он успехов в учении ждет.
Не бегите от книги — она
Золотые ключи принесет.

Пусть запомнит казах-пионер —
Сталин — самый высокий пример,
Самый мудрый из всех мудрецов,
Самый лучший отец из отцов.

1937 г.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Чтобы ты, малыш, уснул,
На домбре звенит Джамбул
Струны он перебирает
Доброй дедовской рукой,
Колыбель твою качает
И тихонько напевает,
Чтоб слетел к тебе покой.

Дремлет синяя звезда,
На джайляу спят стада.
Спят пуховые козлята,
Верблюжата спят в степи,
Золотые жеребята,
Крутолобые телята,
Тонкорунные ягнята,
Ты, малышка, тоже спи!

Спят кузнечики в траве,
Рыбки спят в Аму-Дарье.
Тишине глубокой внемля,
Над рекою спит камыш,
Спят цветы, озера, земли.
Отчего же ты не дремлешь,
Черноглазый мой малыш?

Засыпай, малыш-казах,
Ты в испытанных руках,
Сталин смотрит из окошка —
Вся страна ему видна,

И тебя он видит, крошка,
И тебя он любит, крошка,
За тебя, мой милый крошка,
Отвечает вся страна.

Ты один из сыновей
Светлой Родины своей.
О тебе — отца ретивей —
Сталин думает в Кремле,
Чтоб ты вырос всех счастливей,
Всех умнее, всех красивей,
Всех отважней на земле.

С детской радостной поры
Получаешь ты дары —
Их страна несет с любовью
В час, когда дрожит звезда, —
Мысли дар и дар здоровья,
Дар в беду не хмурить брови,
Золотого счастья дар.

Пред тобою мир широк
И просторы всех дорог.
Хор весенний соловьиный
Для тебя в садах поет.
Все цветущие долины,
Все заводы-исполины,
Руды, золото, рубины —
Это, милый, все твое.

Звезд ясней твои глаза,
Мягче шелка волоса,
Сложен складно ты на диво,
Ты собою красишь мир.

Проживешь свой век счастливо,
Черноглазый и красивый,
Славный, завтрашний батыр.

Мы росли совсем не так,
Нас держали, как собак.
И когда под солнцем мая
Пионерский шелк флажка

Алым маком мне кивает,
То дрожит слеза скупая
На глазах у старика.

Вырастай, джигитом будь,
Перед тобою светлый путь.
В возрожденном Казахстане
Зашагаешь пряником,
Пионером резвым станешь,
Комсомольцем смелым станешь,
Вырастешь большевиком.

Засыпай, малыш-казах,
Кзыл-аскеры на часах.
Отошли навек напасти,
Не вернется горе к нам.
При родной советской власти
Сталин всем принес нам счастье —
Малышам и старикам.

1937 г.

К КРАСНОЙ АРМИИ

Создал тебя в бурях народ трудовой,
Вели тебя Ленин и Сталин на бой,
Когда наша кровь по арыкам текла
И тьма боролась с зарей.

Ты силу и доблесть родила в боях,
Мужали джигиты твои на конях,
За землю, за воду, за солнечный свет
Ты билась на всех фронтах.

Пытались враги на Советы напасть,
Но ты отстояла советскую власть,
И стали рубиновую звезду
Враги и бояться и клясть.

Как сад, зацвела наша жизнь, но вокруг
Фашисты и баи сомкнули свой круг,
И ты, не слезая с горячих коней,
Внушаешь врагам испуг.

Снега Ала-Тау, как жемчуг, блестят,
Алтай и Кавказ, как алмазы, горят,
У вечных снегов, где гнездятся орлы,
Дозоры твои стоят.

В озерах долин розовеет заря,
Зреют хлеба золотей янтаря,
Орлиные очи дозоров твоих
Зорки, как в дни Октября.

Кровавая проклята нами война,
Чужая земля нам совсем не нужна.
Стадами, садами, землей и водой
Богата наша страна.

Но если стервятники, злобой полны,
Посмеют нарушить границы страны,
Ты, Красная Армия, взвей над землей
Знамена священной войны!

Ты бейся — бесстрашна, грозна и строга —
До полного уничтоженья врага,
Чтоб хищная свора могилу нашла
В сыпучих песках и снегах.

Когда ты, могучая, ринешься в бой,
Я, старый Джамбул, с певуньей-домброй
Во всех наступленьях буду с тобой,
Песней звеня боевой

1937 г.

Я ИЗБИРАЮ СТАЛИНА

I

Сталин, твой луч обогрел мое сердце,
В каждое сердце находит он дверцу.
Радость, любовь и тепло свое льет,
Сила и молодость в сердце живет!
Сила и молодость в сердце крепчает!
Песнями сердце тебе отвечает:
Струны Джамбула ты оживил,
Струны Джамбула ты одарил,
Душу Джамбула ты вдохновил,
Песни Джамбула ты окрылил,
Сердце Джамбула ты обновил,
Старость Джамбула остановил!
Ты повелел, чтобы радость кипела,
Да вечная юность о Родине пела,
О жизни красивой, как солнечный свет,
О жизни великой борьбы и побед,
В которых сияет, как звезды Кремля,
Великая вечная сила твоя!
Нет без тебя в моих песнях огня,
Родины нет без тебя у меня,
Нет без тебя ни домбры, ни мечты,
Ни счастья, ни радости, ни красоты.

II

Над синью морей, в голубых небесах,
В цветущих долинах, в горах и лесах,

Над полюсами в пурге и во льдах,
В аулах, поселках и городах,
От стойбищ кочевника и до столиц
Восходит, не зная пространств и границ,
Как человечества гордый маяк,
Закон. — В нем бессмертная мудрость твоя!

III

Восходит, не зная пространств и границ,
От стойбищ кочевника и до столиц
Закон, озаривший дорогу векам,
Закон, покоривший большевикам
Богатства и тайны, и силу земли
И небо, где наши плывут корабли.
Он, величавый, над миром встает,
Он человечество, смелый, зовет
К лучам коммунизма, к сиянию зари,
Которую Сталин векам подарил!

IV

Закон! Озарил он дорогу векам,
Он юность былую вернул старикам,
Он свежесть садов подарил пустырям,
Он счастье и радость вернул матерям.
Он вывел согретое солнцем весенним
Неустающее поколенье.
Он вывел народ мой из темноты,
Народу вернул вековые мечты,
И взял мой народ трудовыми руками
Богатства, что крали султаны веками,
Что рвали фашистские жандеты,
Проклятые хищники алаш-орды!

V

Новую песню послушать Джамбула
Собрался народ из колхозных аулов,
Собрался народ предгорных кочевок
Отдать свои думы напевам струны.
Сказали мне старые чабаны,
Сказали наездники из Дегереса,

Сказали доярки колхозов Келеса,
Сказали мне конюхи из Кызыл-Ата,
Сказали мне дети мои и внучата:
«Джамбул! Твои струны, как ноги куланьи,
Пусть с песней приносят и наше желанье,
Пусть с песней его до Москвы донесут;
Пусть с песнею в солнечный список внесут,
Как дорогой золотой самородок,
Любимых батыров степного народа,
Овеянных славой бессмертных побед;
Мы их выбираем в Верховный Совет,
Великих народов Великий Совет.
Ты первого в солнечный список впиши
Любимого жителя нашей души,
С кем в наших пустынях ручьи зажурчали,
С кем вечный пастух и безвестный скиталец
Любимую Родину отыскали,
С кем слезы горячие лить перестали,
С кем хлынули реки, что высохали,
С кем ожили степи, что вымирали,
С кем песни воскресли, что затихали,
О ком наши деды столетья мечтали!..
Впиши его имя, Джамбул! Это — Сталин!»

1937 г.

ПЕСНЯ О БОЛЬШОМ КАРАВАНЕ

От белых, как жемчуг, тьянь-шанских хребтов
До крымских садов и карельских лесов
Лежит широка, величава, сильна
Прекрасная наша страна.

От тундры, где снежная выюга люта,
До степи, что щедро теплом залита, —
Всесветною славой озарена
Могучая наша страна.

От шахт Украины до синих морей,
От гор Дагестана до русских полей
Кипящим весельем, как чаша, полна
Счастливая наша страна.

Над нами сияет небес синева,
Под нами, как шелк, зеленеет трава,
К нам солнце стекает потоком лучей,
Но мы не забыли стужу ночей.

Мы помним, как мучили нас палачи,
Мы помним удары байской камчи,
Мы помним позор, униженье и стон
И волчий проклятый закон...

Свети же, как солнце, наш мудрый закон,
Для всех Октябрем возрожденных племен!
Никто не писал никогда и нигде
Законов таких для людей..

Наш радостный труд охраняет закон,
И отдых нам предоставляет закон,
И женщин незыблемые права
Сияют в мудрых словах.

Все школы открыл для народа закон,
Спокойную старость лелеет закон,
Свободу для слова, что льется из уст,
Цветение мыслей и чувств.

А самым почетным из всех наших прав
Есть право с винтовкой стоять у застав,
Встречая ползущего ночью врага
Граненою сталью штыка.

Народы — великое братство племен —
Подняли, как знамя, счастливый закон.
Одиннадцать стран, свободных от пут,
Как братья родные живут.

Страна моя лучше и краше всех стран,
И что перед нею мираж-Гюлистан...
Забудь миражи, моя песня, и славь
Не сон, а чудесную явь.

Я вижу: идет по земле караван,
И в том караване одиннадцать страж.
Ковры каравана узорней мечты,
И блещут на кошмах цветы.

Восходы встают и закаты цветут,
В горах водопады гортанно поют,
Созвездия в небе ведут хоровод,
Идет караван и идет...

Вершинами, выше которых нет,
Ущельями, ниже которых нет,
Равнинами, шире которых нет,
Великой дорогой побед.

Пред ним изумрудные травы долин,
Серебряный рис орошенных равнин,
Пески золотые великих пустынь,
Морей неоглядная синь.

Но дальше и дальше идет караван,
К заветной мечте всех народов и стран,
К джайляу, где зори сияют вдали,
Где полное счастье земли.

Где явью встает золотой Жер-уюк,
Где сочен весенний невянувший луг.
Где светлые сны поколений слились,
В джайляу веков — коммунизм!

Об этом джайляу, о счастье для нас
Поведали миру Энгельс и Маркс,
Собрал караван туда Ленин в поход
И Сталин его ведет.

Он — гений и житель народной души,
Он самый испытанный из кош-басши
Он знает звезду, что рубином цветет
И прямо в джайляу ведет.

Людей он в халаты из шелка одел,
Для всех отыскал он счастливый удел,
И песни над всем караваном взвились
Про счастье и социализм.

— Но это, друзья, — он народам сказал, —
Не цель наших странствий, а лишь перевал.
Чем дальше, тем лучше дорога пойдет.
Джайляу все ближе. Вперед!

Восходы над росною степью встают,
Индийские радуги жарко цветут,
Мерцает и гаснет на небе шолпан, —
Все дальше идет караван.

В делах кош-басши помогают друзья,
Без них обойтись каравану нельзя.
Их в грозы и бури, в тайфуны и дождь
Батырами вырастил вождь.

Батыр Каганович, здоровьем цвети!
Провел ты для нас через степи пути.
Ты крикнул земле, покоряться веля,
И недра раскрыла земля.

И чистая сталь потекла, как вода,
И древние тайны открыла руда.
И черное золото, уголь, горит,
Тепло свое людям дарит.

Будь счастлив ты, Молотов, — славный батыр!
Декретам твоим удивляется мир,
Собрал воедино ты в сталинский план
Все силы, чем жив караван.

Калинин-батыр, будь здоровьем богат!
Храните, сказал ты, телят и ягнят.
Растут табуны и тучнеют стада,
Ушла из кибиток беда!

Батыр Микоян! Ты баранину, рис,
Душистые яблоки, сыр и кумыс
Даешь каравану. И свеж и румян,
Здоровьем цветет караван.

Гроза всех батыров — Ворошилов-батыр.
Ты самый большой на земле командир!
И враг уважать научился в бою
Каленую саблю твою.

Взмахни только маршальской саблей своей —
И весь караван оседлает коней,
И бурей помчится, сраженья ведя,
За Родину и за вождя.

Свидетель эпохи, старейший акын
Джамбул, озирающий землю с вершин,
Чей голос со всеми наречьями слит,
От полной души говорит:
Пусть солнечный Сталин, избранник всех стран,
И дальше ведет наш большой караван,
Туда, где мечты поколений слились,
В джайляу веков — коммунизм!

1937 г.

ГИМН ОКТЯБРЮ

В руки я снова с любовью беру
Спутницу радостных песен — домбру.
В сторону гляну — и песня моя
Льется, весенним потоком звеня.
Сед я, столетний, но всеми любим.
Перед великим народом своим
Крыльями счастья взмахнул и пою
Радостный гимн Октябрю.
Сед я, столетний, но думами юн,
Палец мой нежен к созвучию струн.
Песня, рождаясь, приходит на той
Звонкой, торжественной и молодой!
Славен поэт, если сердцем горяч,
Славен поэт, если сын Октября.
Славен источник, котрый дает
Славу поэту, а песне полет.
Этот источник — Октябрь, и в нем
Все мы бессмертную силу берем...
Помню я горькие дни в пустырях,
Не было теплой зари Октября,
Ханы разбили домбру на куски,
И, как иссохшее русло реки,
Песня была. Помутнели лады...
Я, как цветок без дождя, без воды,
Рос на распутье последней орды.
Я, как олень, потерявший следы,
Выхода сердцем искал из беды.
В светлых глазах становилось темно;
Думал я: видно, и мне суждено

Где-то украсить голодную степь
Белым своим ожерельем костей.
Громами грянул, кострами сверкнул
Грозный Октябрь — и старый Джамбул
Солнце увидел и солнечный стан.
Ленин великий повел караван —
Русских, казахов, киргиз и дунган.
Сталин повел на царей и господ
Освобожденный от рабства народ.
Радостен в радостной песне Джамбул.
Песня Джамбула зовет на борьбу,
Песня на подвиг зовет и на труд,
В песне народные думы живут.
Если источник на свет не проник,
Разве струится гремучий родник?
Если прилив не зальет берега,
Разве напьется в озерах сайга?
Если каналы в степи не прорыть,
Разве голодную степь покорить?
Если росой не покрыта земля,
Разве цветы зацветут на полях?
Счастья источник Октябрь, и в нем
Все мы бессмертную силу берем.
Всех нас одели в батырский наряд
Ленин и Сталин — творцы Октября.
Сердце Джамбула, горячее, пой,
Славь всенародный октябрьский той.
Песня Джамбула, ты крылья расправь
Дружбу народов и Сталина славь,
Ты из аулов Джамбула лети,
С горных вершин от Джамбула лети,
Ветер в полете тебя не собьет,
Эхо по миру тебя пронесет.
И никогда не замолкнуть домбре
В песнях о Сталинском Октябре!

1937

ПЕСНЯ О БРАТСТВЕ НАРОДОВ

Пришли ко мне люди на ясной заре:
— Сыграй нам о прошлом, ата, на домбре

Я тронул струну, но не в духе домбра.
В глухом ее голосе нет серебра.

Похож ее тихий обиженный звон
На жалобу ветра, на сдавленный стон:

Не хочет домбра расшевеливать раи,
Не хочет звенеть про кандалный заман.

Но старые раны, как угли, горят,
И песня взлетает, как стая орлят.

Жизнь была для народа тюрьмой,
Дышали народы отравленной тьмой.

Не видели люди из душных темниц
Ни солнца, ни зорь, ни волшебных зарниц.

Палач-император народы губил,
Как диких зверей, друг на друга травил.

И в ярости темной за сабли брались
Забитый казах и бездольный киргиз,

Вдыхая отравленный злобой туман,
Шел тюрок с кинжалом на землю армян;

Рыданий, проклятий и стонов полна
Катилась еврейских погромов волна;

Спадала волна, поднималась, и вновь
Дымила горячая братская кровь.

Но Ленин и Сталин, батыры земли,
Пришли и октябрьские зори зажгли.

Восстали мильоны забитых рабов,
Штыки повернув на заклятых врагов.

И рухнули своды позора и тьмы
Российской империи, душной тюрьмы.

Два сказочных десятилетия прошли,
И не узнать обновленной земли:

Горит в самоцветах Советский Союз,
Свободны казах, армянин, белорус;

Таджик и народ закаспийских сторон
И все шестьдесят возрожденных племен.

Смотрю я на север — светлее слюды
В полярном сиянии плавают льды.

Смотрю я на юг — изумрудны сады,
Качаются пальмы, стройны и горды.

Смотрю я, волнуясь, на Дальний Восток,
Там синий простор океанских дорог.

Смотрю я на запад — там, сердцу близка,
Рубинами в небе пылает Москва.

По всем необъятным просторам, везде
Я вижу веселую дружбу людей.

Где гневно свистели камча и картечь,
Я слышу спокойную братскую речь.

А где же вражда ослепленных племен?
А где же неписанный волчий закон?

Где сабельный звон, колыхание пик
И кровь, что потоком стекала в арык?

Исчезла племен и народов вражда
Под сталинским солнцем навек! Навсегда!

Бледны и бессильны слова у певцов,
Пред нами одиннадцать стран-близнецов.

И счастлив, и радостен каждый близнец:
Их мать — Конституция, Сталин — отец.

Их Сталин лелеет, растит и ведет,
Великое братство народов цветет.

На черную зависть и злобу врага
Священная дружба народов крепка.

Как клятва над Ленинским гробом, крепка,
Как в Арктике льды и сугробы, крепка.

Как Сталина светлая слава, крепка,
Как скалы вершин Ала-Тау, крепка.

Как наши Кремлевские стены, крепка,
Как новая сталь из мартена, крепка.

Как сила прибой Арала, крепка,
Как сплав тугоплавких металлов, крепка.

Ликуйте, народы! Цветите и пойте!
Дворцы из гранита и мрамора стройте!

Растите хлеба! Разводите сады!
В пустыни вторгайтесь разливом воды.

Чтоб нежные яблони там расцветали,
Мы с именем Сталина все побеждали.

Мы с именем Сталина все победим.
Клокочет заветная песня в груди —

В ней Сталину слава, любовь, уваженье,
Без края восторг, без границ восхищенье,

На всех языках и наречьях рахмет
За двадцатилетье великих побед!

Ноябрь 1937 г.

ПЕСНЯ ЛИКОВАНИЯ

Ликуй и звонко пой, страна, в день торжества побед.
Иди и выбирай, страна, Верховный свой Совет.

Как бирюза, горит лазурь, прекрасна и ясна,
Как будто нет снегов и бурь, и к нам пришла весна.

Сбылись чудесные мечты, и сны веков сбылись,
И рвется песня из юрты, как гордый беркут, ввысь.

Горит торжественно заря, в овраги скрылась тень:
Двенадцатое декабря — священный светлый день.

Жемчужины заветных слов сберег я для тебя,
Страна героев и орлов, любимая моя!

Мы за тебя вели бой, чудесный синий край,
Двенадцать месяцев твои — сплошной медовый май!

В песках пустынь звенит арык, и шепчут тополя,
И, как иранские ковры, колхозные поля.

И хлопка лебединый пух, и золото зерна,
И мед, и сливы, и урюк дасшь ты нам, страна.

Идет верблюжий караван, идут стада коров,
Гуртами славен Казахстан и статью скакунов.

Жак величавый слог поэм, заводов льется гул,
И самолеты в вышине, как беркуты плывут.

Для нас шумят хлеба в полях, для нас цветенье трав,
Раскрыла глуби нам земля, богатства все отдав.

Богатства недр, сады долин, соковища отар, —
Все это Сталин-исполин принес народам в дар.

Он написал для нас закон и мудрый и простой.
Как золотая пальма, он стоит над всей землей.

Любовью мы к нему полны, — он нам, как солнца свет,
Он первый депутат страны в Верховный наш Совет.

За Сталина, кем мы сильны, в декабрьский синий день
Мильоны рук моей страны опустят бюллетень.

И эти руки так дружны, что я сказать могу:
Мильоны рук моей страны — один кулак врагу.

Иду я с песней на устах, седой акын Джамбул,
Со мной, подняв счастливый флаг, идет родной аул.

Со мной в шелках, в сукне, в парче, прекрасна и сильна,
Идет в сиянии лучей голосовать страна.

Фашистский пес — кровавый враг не может запугать
Страну, умеющую так, как мы, голосовать.

Звените, домбры, серебром! Сияйте, небеса!
За Сталина мы отдаем сегодня голоса,
За лучших наших сыновей, за лучших дочерей, —
И будет жизнь еще светлей, богаче, веселей.

Кипит в седом Джамбуле кровь. Я звоны струн исторг;
Несу я Сталину любовь, и песню, и восторг.

Декабрь 1937 г.

ПЕСНЯ ПРО БАТЫРА ЧАПАЯ

Над Волгой-рекой, над хребтами Урала
Клубилися тучи и буря крепчала.
Под гул канонады, на страх генералам
Родился в народе Чапай.

Горели его соколиные очи.
Он видел сквозь мрак нависающей ночи,
Что хлеб осыпается необмолочен,
Что вражьей рукой сельсовет заколочен,
Что копыя и сабли отцовские точит
Врагами поруганный край.

И понял Чапай, что назрела расплата,
И выбрал Чапай в табуне казаната,
И выехал в степи он в бурке крылатой,
О камень копые наточив.

И крикнул Чапай, чтоб округа слыхала,
«Вставай, беднота, наше время настало,
Круши, голытьба, палачей-генералов,
Сражайся за то, чтобы солнце вставало,
За то, чтобы родина-мать расцвела,
За травы Тургая, за руды Урала,
За красную рыбу седого Арала,
За шелест актюбинских нив».

Поехал Чапай со звездой на папахе,
Пошли за Чапаем, забывши о страхе,
С ватагами русских башкиры, казахи,
Отряды киргизов, татар,

Чью землю топтала орда генералья,
В чье тело вгрызались зубы шакальи,
Чья кровь оплатила чины и медали
Поганого племени бар.

Поехал Чапай с обнаженным булатом,
Со сталинским крепким, как клятва, мандатом,
Был Фрунзе Чапаю и другом и братом,
Стальной Ворошилов Чапаю был братом,
Любимый наш Киров Чапаю был братом,
Бесстрашный Буденный Чапаю был братом
И пламенный Куйбышев был ему братом,
Пример их его вдохновлял.

Поехал Чапай, светлой правды носитель,
Посланец народа, разгневанный мститель,
Вожак бедноты и борьбы вдохновитель,
В папахе и бурке, — батыр-победитель, —
И враг перед ним задрожал.

Громя генеральскую конную лаву,
Рубил он налево, разил он направо,
Он вражеской кровью обрызгивал травы —
Летела его легендарная слава
В Кастек, в Орымбор и Тургай.

Как душная тьма от дневного сиянья,
Как тигра узнавшее стадо кабанье,
Бежали враги, прерывая дыханье
От грозного слова — Чапай!

От страшных ударов чапаевской сабли
Враги отступали, терялись и слабли,
И волчья их кровь, истекая по капле,
Дымилася черной рекой.

Бедняцкое счастье в сраженьях рождалось,
Пшеница на барской земле заседалась,
В серебряной Волге заря отражалась,
Закат догорал золотой.

Чапай говорил: «Польхайте, зарницы,
Звните по рощам, веселые пгицы,
Садами цветы и волнуйся пшеница,
Зеленый и солнечный край».

Пшеница шумит, на дожди не в обиде...
Но больше в просторное поле не выйдет,
Пшеницы колхозной в полях не увидит
Родной и любимый Чапай...

Его окружила поганая сила,
Горячая пуля Чапая скосила.
И стал ему вечной холодной могилой
Седой и глубокий Урал.

Чапай не вернется... Но дело Чапая,
Как вечные звезды, горит не сгорая,
Осталась чапаевцев грозная стая, —
И враг в них Чапая узнал.

Они не забудут Чапая родного!
Над Родиной небо цветет бирюзово,
Затихли бои, и колышутся снова
Хлеба на крутом берегу.

Чапаевец ходит, хлеба карауля,
В медовые, теплые ночи июля,
И каждое зернышко зреет, как пуля,
Смертельная пуля врагу.

Под сталинским солнцем страна расцветает.
Согреты заботою дети Чапая,
Увенчана славой чапаевцев стая,
Чапай всем народом любим.

Мы помним Чапая! Мы все наготове,
Звенит наше мужество в сталинском слове,
И землю, где капли чапаевской крови,
Мы кровью своей защитим.

Напрасно фашистских земель генералы,
Пронзительно воя, как ночью шакалы,
Мечтают и в Волге и в водах Урала
Горячих коней искупать.

Когда заиграет труба боевая,
Штыки засверкают от края до края,
Взовьем мы бессмертное знамя Чапая,
С которым нельзя отступать!

1937 г.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Я говорю «СССР» — и блещет синева озер,
Лежат ковры душистых трав в алмазных росах при
восходе.

Поют по рощам соловьи, горят, как жемчуг, выси гор,
И зори, яхонтов нежней, невольню мне на ум приходят.
Обильна родина моя! Тучнеют сытые стада,
Всесветна слава табунов, не счесть отар, что степью
бродят.

В полях зерно, в садах плоды, в земле чудесная руда.
Богатства юрт и городов невольню мне на ум приходят.
Народы родины моей живут, как дружная семья,
Десятки братских языков журчат ручьями на свободе.
Я чувствую кипенье сил и вдохновенье соловья,
И песня дружбы всех племен невольню мне на ум
приходит.

Я в детстве раннем кочевал полынной степью ханских орд,
Как надмогильные холмы, серели нищие аулы.
На хане царь сидел верхом, а хан от этой чести горд
Народ ногами попирал — и это освящали муллы.

В песках пустыни умирал мой обездоленный народ,
В глухой и душной темноте без прав, полунагой и босый.
Текла по родине река из горьких человеческих слез,
На каменистом пустыре, хирея, осыпалось просо.
Я лишь семидесяти лет увидел солнечный восход
И сразу, посветлев душой, запел, на старость не в обиде.
Увидел я, как разметал врагов разгневанный народ,
Я гений Ленина узнал и гений Сталина увидел.
Высок Кавказ. В седых снегах наш Ала-Тау исполнин;

И Крым, увенчанный чалмой жемчужных туч, уперся
в небо.

Но Ленин выше снежных гор и Сталин выше всех вершин,
Без них, двух гениев земли, родной народ счастливым
не был.

Они связали, как друзей, простор степей и ширь тайги,
Неву сроднили с Иртышом, Байкал и Балтику сдружили.
Сказали людям всех племен, где их друзья и где враги,
И, массы в битву поведя, союз народов утвердили.
Горит в цветах моя земля. Поет, ликуя, мой народ,
Одиннадцать свободных стран узнали счастье мирной
жизни.

В песках пустынь звенит арык, и степь, как сад, весной
цветет,

И радуги семи морей зажгли сиянье по отчизне.
Я говорю «СССР» — и золотой встает Алтай,
И Каспий вдребезги дробит светлозеленые громады.
И льдами Арктика шуршит, растит леса Карельский
край,

И склоны Грузии дарят народам гроздь винограда.
Я вижу груды серебра и слитки золота горой,
Фонтаны нефти и зерно, и уголь до сиянья черный.
И самолеты над землей, и поезд, мчащийся стрелой,
И караваны мудрых книг, и труд, веселый и упорный,
Я вижу праздники весны, джигитов в шелке и парче,
И стройных девушек страны в серебряных, как снег,
нарядах,

Я вижу зданья светлых школ и блеск театров средь ночей
И радостную жажду знать читаю я у всех во взглядах.
Я вижу дружбу меж людей всех языков и всех племен
И вместе с ними я врагов с великой страстью ненавижу.
В движенье мыслей и машин, в стремленьи быстрых
веретен,

В садах, цветущих на земле, в полях, где голубеет лен,
В декрете, изданном в Кремле, что к нам любовью
окрылен.

В стальном, летящем ввысь орле, что озирает небосклон,—
Во всех деяниях страны родного Сталина я вижу.
Мне девяносто третий год. Лета, как горы, высоки.
В степях и городах страны я не встречал акынов старше.
И старым сердцем слышу, там, где люди пели от тоски,
Теперь по всей моей стране гремят торжественные марши.
Прислушайтесь! Поет страна. Поют народы. В этот хор

Текут свободною волною, как в море реки, все наречья.
И славят сталинский закон и славят солнечный простор,
Цветенье сил, свободный труд, любовь и счастье человечье.
Поет страна. И хор племен до неба здравицу вознес,
Как будто грянул майский гром, легко откатываясь в дали,
Живи, родной СССР, средь волн стоящий, как утес!
Живи, любимый наш отец, великий мастер счастья —
Сталин!

1937 г.

МОЙ СТАЛИН, ТЕБЕ ЭТУ ПЕСНЮ ПОЮ!

Отец мой любимый, учитель родной,
Встречая восход над советской страной,
Тебе, счастьеносец, домброю звенит
Столетнего сердца горячий родник.
С тобою зарницу я в небе встречаю,
С тобою сижу я за чашкою чая,
С тобой я домбру поднимаю свою,
С тобой я любимые песни пою,
С тобой свое сердце в полет я пускаю,
С тобою счастливых внучат я ласкаю,
Отец мой любимый, учитель родной.
Ты — сердце, ты — голос поэмы степной,
Ты — радость народа, ты — жизни заря,
Ты — сила и слава и песня моя!

Учитель вселенной, тебе я пою,
Послушай, любимый, ты повесть мою.
Я прожил столетье, я вырос в народе,
Я — правды народной степной иноходец,
Я песнями баев и ханов косил, —
А песен я в долг никогда не просил.
Мечты золотые я в сердце носил, —
Я Коркыта имя усыновил,
Я песням Асана наследником был.
А жизнь тянулась, как след каравана,
А юность в безводных сыпучих барханах
Прошла верблюжонком, что жизни искал
У матери мертвой в холодных сосках.
Родившись, я пир ожидал на земле.

Напрасно. На серых курганах белел
Холодный навал черепов и костей.
И кровь выступала на каждом листе
Степного молчальника — карагача.

Стервятники в степь налетали в ночах, —
От крови опухший с собою их вел
Бескрылый, безногий двуглавый орел,
Не ведавший неба, не знавший земли.
Кровавые слезы народа текли,
И стоны неслись — их скрывала ночь —
О дочери милой, но продана дочь,
О матери нежной, но может ли мать
Любимому сыну любовь передать,
Коль скованы руки, глаза под курком.
А губы и сердце под вечным замком.

Я в б́урию родился под древней горой,
Столетье я в бурях скитался с домброй.
Мой Сталин, мой светоч, я только с тобой
Принес свою песню на радостный той.
И реки звенят, как разлив серебра,
И степь расстилается шкурой бобра,
Цветы, как джигитов отважных сердца,
Украсили степь от конца до конца,
И воздух хрустальный от песен гудит,
Джамбул, запевай и в поля выходи.

В колхозах пшеница густая растет,
Красавец комбайн тулпаром плывет,
Дары урожая в обилье несет
Для Родины милой народ.
Ко мне мои братья и сестры пришли
Со всей необъятной советской земли, —
Встречаю я в радостной юрте своей
Внучат, сыновей и любимых друзей.
Поэзии солнце взошло над аулом,
Где выросли песни и думы Джамбула.
Послушай, родной, над Кастекской долиной
Звенит солнцеструнный запев соловьиный,
Рождаются радостной жизни былины,
Разносятся песни родной Украины.
Узбеки, башкиры, уйгуры, грузины,

Собравшись в Кастек на мои именины,
Собравшись в ауле Джамбула на той,
Найдется ль на небе такое светило,
Поют о тебе, мой любимый, родной!
Ты видишь всю жизнь на столетья вперед,
Ты слышишь всю жизнь на столетья вперед,
Ты думы несешь на столетья вперед,
Ты жизнь ведешь на столетья вперед.
Тебе свою верную песню поет
Познавший проклятого прошлого гнет,
Стремящийся к коммунизму народ.
С тобой он, любимый, растет и цветет,
С тобою он любит, тобой он живет,
Готовый на битвы, готовый в поход,
С тобою, народного счастья отец,
Республика радости, смелых сердец,
Как солнце Востока, встает Казахстан,
С тобою, любимый, с тобой, данишпан!
Я Ленина в сердце горячем носил,
Мой Ленин, он вывел народ из могил,
Мой Сталин, ты юность мою воскресил,
Ты счастьем и радостью всех наградил.
Джамбул ни тепла и ни ласки не знал,
Джамбул, как во мраке цветок, засыхал.
Ты, солнечный Сталин, об этом узнал,
Ты песню Джамбула в Москве услышал.
За тысячи верст ты заботу послал,
Ты Ленина орден за песни мне дал.
Любимый, тобою награждена
Моя золотая, родная страна.
Гляжу я в столетья. Душа горяча —
Я вижу счастливую юность внучат.
Они, как джигиты в шавровом седле,
Едут хозяевами по земле.
Наш враг не добит, он змеею ползет,
Чтоб жалом гадючьим ужалить народ.
Я знаю, нас битва грядущая ждет,
Но Ленина орден и смерть не возьмет.
Великий, могучий, бессмертный народ,
С тобою, мой Сталин, с тобою пойдет.
И я, мой любимый, пойду за тобой,
В любую минуту пойду за тобой, —
С домброю, винтовкой и песнею — в бой.

Я весь мой народ поведу за тобой
За правду, за дружбу народов святую,
За Родину нашу, за степь золотую,
За песню столетнюю, молодую,
За песню, что вечным пожаром пылает,
За песню, которая страха не знает,
За песню, с которой не дремлет джигит,
За песню, с которою сердце не спит,
За песню, которая всюду с тобой,
Мой Сталин любимый, учитель родной.

НА РОДИНЕ СТАЛИНА

Могу ли молчать я, могу ли не петь я,
Встречая, как радость, второе столетье?
Мои сыновья коммунистами стали,
Внуки мои комсомольцами стали,
Правнуки пионерами стали,
А струны Джамбула петь не устали.
Глаза у Джамбула ярче хрусталин,
Сердце Джамбула смерти сильней,
Песни Джамбула ветра вольней,
Душа у Джамбула неба ясней.
Дума моя не бросает меня.
Я внукам сказал: «Оседлайте коня!
Пусть снова мои стремена зазвенят.
Поеду я Родину посмотреть,
Поеду я к самой высокой горе,
Где радость народа — Сталин родился,
Где счастья орел над вершиною взвился».
Внуки мои оседлали коня,
Мои сыновья проводили меня.
Я ехал полями, где вел за собой
Вольных джигитов Чапаев в бой.
Я видел Каспийского моря прибой.
Я видел одетые в бархат долины
Богатой и радостной Украины,
Где слава о Щорсе-батыре живет,
Где Днепр могучие волны несет.
Я видел кипучие волжские воды,
Я видел счастливую жизнь народа.
Как сказка, как слава легенды степной,

Родина встала передо мной,
Сравню ли ее с серебристой луной,
Сравнится ли солнце с любимой страной,
Найдется ль на небе такое светило,
Чтоб с ним мою Родину песня сравнила.

Сталин! Тебе эту песню пою.
Я видел твой домик, зимовку твою,
И медную лампу, и окна подвала,
Я видел постели твоей покрывало
И самовар, и узор орамала,
Тарелку из глины и ящик для хлеба,
Я видел над домиком вечное небо,
И целая жизнь в душе воскресала...
Обнять мне хотелось, поцеловать
Родную, простую, хорошую мать,
Что счастье земли в подземелье родила,
Что сына, как солнце, векам подарила.

Акын, твои струны полвека звенят,
Джолдас, посмотри, ты моложе меня.
Ты знаешь, как волки режут ягнят,
Ты знаешь, как степи летом горят,
Ты знаешь, как джут табуны уносил,
Ты знаешь, как голод аулы косил,
Ты видел, как ворон в небе носил
Царским раздавленное сапогом
Счастье народа, джолдас, твоего.
Ты посмотри и увидишь: из стен,
Сбросивших древнего времени плен,
Обложенных камнем, обмазанных глиной,
Выйдут любимцы казахской долины,
Выйдут герои народной былины,
Выйдут Бекет, Исатай, Кобланды,
Выйдет с джигитами Амангельды
И скажут: вот в этой зимовке сошлись
Мечты и надежды народов земли,
Мечты и надежды всех угнетенных,
Мечты и надежды всех разоренных,
Мечты и надежды всех матерей,
Мечты и надежды всех дочерей,
Мечты и надежды всех сыновей.

Мечты и надежды наших отцов
И лучшие песни наших певцов.
Их Сталин собрал, и сберег, и принес
Народам сквозь море лишений и слез.

Сталин любимый, тебе мое слово,
Ты вывел народ мой из темных зимовок,
Ты с теплой заботой родного отца
Нас поселил в величавых дворцах.
Ты реки хрустальные в степи пустил,
Ты наши пустыни в сады превратил.
Ты — гордость народов, их сила и слава,
Их вечная дружба, их вечное право.
На радость, на счастье, на жизнь и на труд
Народные думы тобою живут.
Любовь твоя молодость, силу вдохнула
В столетнее сердце седого Джамбула,
И я свои песни и жизнь свою
Тебе до последнего дня отдаю.

1938 г.

ПЕСНЯ О СТАЛИНСКОЙ МОСКВЕ

Здравствуй, именитая! Сердцу ты близка,
Золотом прошитая, красная Москва!

Поднялась ты, светлая, мрак пробив крылом—
Мрамором и деревом, сталью и стеклом.

Отгремев походами, мир и труд любя,
Фабрики с заводами встали вокруг тебя.

Не палаты царские, не дома-слепцы —
Встали пролетарские гордые дворцы.

Бьют фонтаны чудные голубой воды,
Манят изумрудные парки и сады,

От утра и до ночи мчат быстрее ветров
Трассой Кагановича поезда метро.

Вести в мире слышатся — ты чудес полна,
У Кремля колышется волжская волна.

Как восток пылающий, излучает свет
Штаб Москвы сверкающей—мудрый наш Совет.

Небеса штурмующий, встал, дворцов светлей,
Ленинский, волнующий сердце, мавзолей.

А над ним, былинами думы окрыля,
Зацвели рубинами пять огней Кремля.

Пять огней пылающих, пять огромных звезд,
Светом озаряющих наш батырский рост.

Ты в пору цветения. Ты нам всем близка,
Ты — сердцебиение всей страны, Москва!

Рвутся все народности мыслями к тебе,
Город светлой гордости, выросший в борьбе!

Запылав зарницами под крылом Кремля,
Светлыми столицами зацвела земля.

Ты, огненнолицая, краше всех зарниц,
Ты, Москва, столица десяти столиц.

Гул столиц сливается, на тебе их взгляд.
По тебе равняются Фрунзе, Ашхабад.

Минск, огнем сияющий, Ереван в цветах,
Киев расцветающий и Алма-Ата.

И Ташкент с чудесными шумами аллей,
И Тбилиси с песнями и с ковром пелей.

И Баку плечистое, и Сталинабад,
Где арыки чистые день и ночь журчат...

Песнями прославлена, всем сердцам близка —
Светлый город Сталина — красная Москва,

Где над гробом Ленина клятву он давал,
Где он Конституцию миру написал,
Где ведет народы он, излучая свет,
Все двадцатилетие славы и побед!

... Ноябрь 1937 г.

АЛМА-АТА

В парчовом халате, в чалме облаков,
Держа на плечах остроклювых орлов,
Над всем Казахстаном ты встал, Ала-Тау,
Седой, величавый свидетель веков.

Года пред тобой караваном прошли,
Хранишь ты все древние тайны земли.
Ты шепчешь их тихо седому Джамбулу,
И плещутся песни, как струи Или.

С тобой, Ала-Тау, сквозь сумрак и дым,
Мы слышали стоны тоски и беды
В эпоху Аблая и в век Николая,
И в годы владычества алаш-орды.

Но рухнул прогнивший, расшатанный трон,
Отвергнув навеки аллахов закон,
Ты снова рожден, золотой Ала-Тау,
С тобой, возрожденным, и я возрожден.

Смотри, Ала-Тау, белеет пахта,
У яблок румянец горит, как мечта.
В садах утопая, огнями сияет
Столица — красавица Алма-Ата.

Она электричеством озарена,
Веселья и радостных песен полна,
Она — колыбель народного счастья,
Всех кладов волшебных богаче она.

Крутая зима в ней белей молока,
Пышнее совиного пуха снега.
Она разоде́та в еноты, в куницы
И в пышные, мягкие лисьи меха.

В ней лето плывет ароматом цветов,
Дарит изобильем душистых плодов.
Арыки струятся прохладней кумыса,
А ветер нежнее иранских шелков.

Садился Джамбул на худого осла,
Костлявая кляча Джамбула несла,
Дырявая обувь была на Джамбуле,
И рваный халат ему жизнь припасла.

Нужда миновала. Возврата ей нет!
Парчовый халат на Джамбуле одет,
И Алма-Ата посадила Джамбула
В трамвай, чтобы мчаться по дороге побед.

Где скрип стародавних, тяжелых телег?
На автомобиле летит человек.
Ползут по полям трактора и комбайны,
Трамвай и Турксиб убыстряют свой бег.

Столица — красавица Алма-Ата!
Ты солнцем весны круглый год залита.
Тебя воспевают степные акыны,
И в честь твою громко кричат кречета.

Цвети, моя радость, краса моих глаз!
Я вспомню в пути тебя тысячу раз.
Я, словно орел, расправляющий крылья,
Готовлюсь в далекий полет на Кавказ.

Я всем расскажу в своих песнях простых,
Что еду из солнечной Алма-Аты.
От гордых жемчужных вершин Ала-Тау,
Из края обилия и красоты.

Еще я скажу, горделив и суров,
Что наши заставы не пустят врагов,
Что Алма-Ата и родной Ала-Тау
Хранят нашу Родину, счастье и славу.

КВЕРТЕТ

1937 г.

ПЕСНЯ ОБ ИСКУССТВЕ

Чтоб гордо запела родная домбра,
А песня звенела нежней серебра,
Удачи случайной, певец, не лови,
Ты струны певуньи-домбры obnovи.
Прислушайся к голосу каждой струны,
Как старый рыбак к переливам волны.
Но много ли может домбра рассказать
Тому, кто на ней не умеет играть?
Тому, кто ее не умеет держать,
Кто песни для кюев не может слагать
Такие, чтобы струны, вплетаясь в слова,
Могли заповедники чувств открывать?

Искусство нежнее ребенка, певец,
Искусство — горение наших сердец,
Искусство — могучая сила батыра,
Искусство — чудесное детище мира,
Искусство свободно, как взлет соколиный,
Искусство прекрасно, как пруд лебединый,
И грациозно, как поступь оленя.
Оно упоительней всех наслаждений.

Акыном ли тот по степям назовется,
Чья песня весенним разливом не льется?
Акын ли, кто в трубку беззвучную дует,
Чья песня, как песня костра, не бушует?
Акын вдохновенный и славный лишь тот,
Чью песню лелеет и любит народ,
Чью песню лелеет родная страна,

Чью песню и подвиги любит она,
Величьем народных героев полна!
Бессмертное слово проходит в века...
И песня седого певца-старика
Джамбула — столетнего большевика,
Хранителя дум и сказаний степных,
Как золотая прольется река
Во славу великой советской страны,
Чудесной, как молодость первой луны,
Блистающей под весенним дождем...
В Кремле гуртоправы с великим вождем
Заботу несут о колхозной отаре,
О новом ружье, о простом самоваре,
О хлебе, о счастье цветущих степей,
О славе Куляш и о песне моей.
Я молод и горд, я, проживший сто лет.
Я, выросший в бурях, народный поэт,
Несу свои песни и думы и чувства
Любимому Сталину — солнцу искусства!

1938 г.

КЛЯЧА И КОНЬ

Я встретил в седле своей жизни рассвет.
Была моя кляча худа, как скелет,
Шаталась она, и степной ветерок
Сумел бы свалить ее с ног.

Ползла с нее шерсть, был лоб ее лыс.
Над мокрыми струпьями мухи вились.
Слезились глаза постоянно у ней,
И в чёлке гнезвился репей.

Я ехал и пел. Мои песни лились
Про черные косы красавицы кыз,
Но стройная кыз, что джейрана резвей,
Смеялась над клячей моей.

На ярмарки и на базары я вез
Печальные песни страданья и слез.
На кляче худой из аула в аул
Скитался я, рваный Джамбул.

Когда ручейками сбегались снега,
В зеленой степи начиналась байга,
Весенний пробег вороных скакунов
Из байских степных табунов.

Что мне оставалось? Поодаль стоять,
От зависти горькие слезы глотать
Да ночью тоскливой в немой тишине
Мечтать о чудесном коне.

Ночами являлся мне конь моих снов,
Скакун темнорыжий, краса табунов.
Он жарко храпел и в просторы манил
И звонко копытами бил.

Он долгие ночи стоял предо мной,
Сверкая уздой, бегунец огневой.
Во мне поднималось кипение сил,
Отвага горела и пыл.

Но сон отлетал, и в полынном краю
Я снова садился на клячу свою
И ехал, бескрылую юность кляня,
Ночную мечту хороня.

Так юность прошла, и не ездил я вскачь:
Была моя кляча костлявей всех кляч.
Шли годы, и в черных ночах у меня
Исчезло виденье коня.

Когда я, как снег Ала-Тау, стал сед,
Узнал я счастливое слово «Совет», —
Пришла в моей жизни вторая весна,
Прекрасна, свежа и ясна.

Поднялся и ожил казахский народ,
Отнял он у баев джайляу и скот,
Навеки ушел, как от солнца туман,
Проклятый байский заман.

Колхозные бродят в степях табуны,
Привольно растут в табунах скакуны.

Сам Сталин отметил вниманьем меня,
За песни мои он послал мне коня.
Коня не сравнимой ни с чем красоты,
Коня лучезарной мечты.

Так вот он — сверкающий конь моих снов,
Скакун темнорыжий, краса табунов,
Он жарко храпит и в просторы зовет,
И звонко копытами бьет.

Его благородная поступь звонка,
Его лебединая шея тонка,
Алмазные брызги сорит он из глаз,
А шерсть его, словно атлас.

Уздечка на нем в дорогом серебре,
Узоры седла, как ковер на заре,
И радостно, как золотая струна,
Звонят на нем стремяна.

Как в снах моей юности, стал я крылат,
Во мне возрожденные чувства бурлят.
В крови моей снова кипение сил,
Отвага и песенный пыл.

Я рад обновить мой богатый наряд,
Халат, на котором узоры горят,
И орден Красного Знамени рад
Крепить на парчовый халат.

По светлой стране из аула в аул
Поехал нарядный, счастливый Джамбул,
Доживший до сталинской алой весны,
Когда так чудесно сбываются сны.

Цветы на полях, цветы на горах,
Сады в бело-розовых нежных цветах,
И стелются степи под песни ветров
Коврами пурпурных цветов.

Жемчужными брызгами бьет водопад,
Волшебные радуги в небе горят,
И знойно цветет, ослепляя глаза,
Высоких небес бирюза.

И я запеваю в цветущем краю
Всей грудью заветную песню мою.
И звучно ей вторит певунья-домбра
Напевом нежней серебра.

Пою я о том, кто с кремлевских высот
Великую правду народам несет,
Кто сердцем своим обогрел и меня,
Кто юность мне дал и коня.

Чье слово, как гром, над вселенной гудит,
Чье слово, как ветер, по свету летит,
Чье слово, как солнце, встает над землей,
Народы ведя за собой.

Чье имя на полюсе, в снежной глуши,
Чье имя на самой большой из вершин,
Чье звонкое имя герои дарят
Реке, породнившей моря.

В чью славу весенние степи цветут,
О ком водопады гортанно поют,
Кому улыбаются капли росы
И звезды звенят: «Жасасын!».

С цветами, со звездами, с горной рекой
Сливается голос взволнованный мой.
О Сталин, великий мудрец из Кремля,
Поет тебе славу земля!

Я НАРОДУ СЛУЖУ

Старые руки, возьмите домбру,
Солнце пригрело сегодня к добру...
Внимай моей песне, гора Май-Тюбе,
Песня поется сегодня тебе;
Песня расскажет о прошлой судьбе,
Песня расскажет о тысячах ран,
Песня не лжет, как мулла иль коран,
Песня народную правду хранит,
Песня тверда, точно горный гранит.
Внимай моей песне, гора Май-Тюбе,
Скоро сто лет, как пою я тебе,
Скоро сто лет, как друг друга мы знаем,
Думы и мысли свои поверяем...
В годы кровавые жил Чингис-хан.
Битвы, набеги, разграбленный стан...
Сколько голов накололи на пики!
Ой, Май-Тюбе! О народ мой великий.
Это тебя сек камчой хан-тюре,
Это тебя угнетал бай-тюре,
Это тебя и твой скот убивая,
Шли со знаменами толпы Аблая,
Это в степи, наживаясь в войне,
Ехал душить тебя злой хан Кене,
Ехал он страшный на страшном коне...
Ой, Май-Тюбе, ты, запрятав свой гнев...
Молча смотрела... Народ не смолчал.
Народ приподнялся, народ закричал..
Взял хана Кене он могучей рукою,
Сек хана Кене он его же камчою,

Тело его не засыпал землею,
Ой, Май Тюбе, ты грустить не хотела,
Ты не сокрыла поганое тело.
В прошлое вновь обращаю свой взор,
Что я там видел? Изгнание, позор,
Бедный народ в подчинении у ханов,
Которых клеймить никогда не устану.
Народ отделяли от ханов высоты:
У ханов стада, у народа заботы...
Ой, Май-Тюбе, и у склонов твоих
Видел я нищих, голодных одних.
Видел: ручьи Ала-Тау мутнели,
Черными делались стройные ели,
С криком верблюды брели по ночам,
Рыскали царские псы по степям...
Ой, Май-Тюбе, ты стонала: — «Я стыну!»
Снегом твою запорошило спину,
Льдом заковало крутую вершину,
Ханы и царь заковали народ,
Спрятался в нору растерянный крот.
Внимай моей песне, гора Май-Тюбе,
Новую песню спою я тебе,
Грозные ветры над миром летали,
Вершину твою от льдов расковали.
Молодость, силу мне вечную дали,
Солнца лучи надо мной заблестали
Стал я могуч, как чинара густая,
Песня из уст полилась золотая
От гор Ала-Тау до склонов Алтая.
Руки на домбре играть не устали,
Слово свое отливаю из стали,
Выковал сердце мне страстное Сталин,
Молодость дал мне заботливый Сталин!
Внимай моей песне, гора Май-Тюбе,
Многие думы скажу я тебе.
Стар был Джамбул, его песнь не старела,
Громким призывом над степью гремела,
Словом участия будила народ, —
Слово мое лишь с народом живет.
Сталин, великий Джамбулу сказал:
— Правду большую ты в песне сказал.
Грозным набатом твой голос звучал,

Юный степной аксакал.
Жил ты с народом, народу служил,
Народ твой песни, Джамбул, полюбил.
Служи же народу. Все в мире пройдет.
Но вечен народ, никогда не умрет!
Ой, Май-Тюбе, я народу служу,
Дружбой, любовью его дорожу,
Вместе с народом дорогой побед
Шагает столетний поэт.
Вместе с великим советским народом
Строит он школы, каналы, заводы,
Разводит сады, на границе стоит,
Труд созидающий песней хранит.
Акыну Джамбулу народ доверяет,
В Верховный Совет он меня избирает...
Ты дожил, Джамбул, до великого дня,
Седлайте, джигиты, Джамбулу коня,
Поеду я к Сталину вместе с домброю,
По струнам ударю умелой рукою.
И скажет Джамбул: — Да, бессмертен народ.
Но вместе с народом бессмертен и тот,
Кто к светлым победам народы ведет.

1938 г.

КОМСОМОЛУ

С измученным сердцем в забытом краю
Я встретил печальную юность свою.
Я света не видел, удачи не знал,
О счастье, о радости только мечтал.
Всю землю свою я пешком обошел,
Но доли счастливой нигде не нашел,
Не мог я укрыться, уйти от нужды
До белых волос, до седой бороды.
И грустно звенела родная домбра.
Пока не настала иная пора.
Пока не зажглась молодая заря.
Великих и славных побед Октября.

Зажег ее Ленин, зажег ее Сталин,
И светлые дни для народа настали,
И птицы поют у меня под окном,
И птиц я кормлю золотистым зерном.
И счастье, как птица, в руках у меня,
И сердце полно молодого огня.
И я, окрыленный и сильный, пою,
Я песнями Родину славлю свою.

Я соколом смелым взлетел в вышину
И вижу счастливую нашу страну.
Я вижу: моя обновилась земля,
Бушуют сады, расцветают поля.
Куда ни поедешь, куда ни пойдешь,
Как звезды, сияет моя молодежь.
Все внуки мои и мои сыновья, —

Большая моя, молодая семья.
Счастливое имя страна ей дала,
Страна комсомолом ее назвала.

Когда комсомольцы дерутся в боях, —
Травую подкошенной падает враг.
Врага комсомольцы всюду громят,
Как гордая стая бесстрашных орлят.
Их Сталин заботливо всех воспитал,
Им Сталин и силу, и мужество дал.

Хоть стар я, хоть прожил большие года.
Но молодо сердце мое навсегда.
Лишь только рукой проведу по струне, —
Итти с комсомольцами хочется мне,
Я старость свою забываю тогда.

Хоть стар я, но песня моя молода.
И песня о Родине светлой моей
Сплетается с хором моих сыновей,
Сплетается с хором моих дочерей,
И громом грохочет в просторах полей.

У вас, комсомольцы, горячая кровь,
Вы носите в сердце великую новь.
На вас я смотрю, и о вас я пою,
И лучшие чувства я вам отдаю.
Вы все родились на глазах у меня,
Вы все поднялись на глазах у меня,
Вы прожили двадцать сверкающих лет
В стране героических славных побед.
В горячих боях и в горячем труде
Вы первыми были всегда и везде.

Все двери пред вами раскрыла страна,
И ваша дорога светла и ясна.
И я говорю в этот радостный час,
Что нету на свете счастливее вас,
Что нету счастливей нигде матерей,
Что нету богаче и шире полей,
Что нету привольней озер и морей,
Чем в радостной, ясной отчизне моей.

Высокое солнце над Родиной встало, —
Зажег его Ленин, зажег его Сталин;
Их мудрая воля нам счастье дала
И к новым победам вперед повела:
Мы с нею заводы и фабрики строим,
И пашем, и сеем, и золото роем,
Мы с нею под звезды ведем самолеты,
Мы с ней побеждаем леса и болота,
Мы с нею полярные льды покоряем,
Мы с нею врага навсегда прогоняем
От наших высот, от заводов и сёл.
И с нею идет боевой комсомол!

И если враги, замышляя войну,
Опять нападут на родную страну, —
В бою мы покажем такую отвагу,
Что подлые недруги камнями легут!
Об этой победе я гордо пою,
Пою, забывая про старость свою.
Хоть стар я, но в бой на заклятых врагов
Итти с комсомольцами вместе готов!

Октябрь 1938 г.

ЗДОРОВЬЕ НАРОДА

Народные думы, живущие в слове,
Взвиваются стайей крылатых пословиц.
И нет им границ, и нет им числа,
Одну из них память моя сберегла,
Одну из них память моя воскресила!
В ней мудрость народная говорила:
Богатство не в золоте, добытом кровью,
Богатство и сила народа — здоровье!

Как злое виденье, встают из тумана
Страницы облитого кровью замана:
По хижинам нашим чума проходила
Да бритвою смерти аулы косила,
И оспа печатью позорного века
Ложилась на смуглом лице человека.
Под дикий шакалий полуночный лай
Купался в народной крови Николай,
Презренный палач, всех зараз воевода,
Укравший здоровье и вольность народа.

В сияющий сталинским солнцем заман
Народ мой свободен, как вольный арстан.
Он всюду, заботливый Сталин родной. —
И в городе шумном, и в юрте степной,
Он сердцем отца с теплотой и любовью
Проносит заботу о нашем здоровье,
Чтоб дочери Родины были стройны.

Чтоб были сыны у отчизны сильны,
Чтоб в каждом кипела прибоем волны
Могучая сила советской страны.

Примите, ученые, песню привета,
Сердечную песню степного поэта.
Здоровье народа дороже всего,
Богатство земли не заменит его,
Здоровье не купит никто, не продаст,
Его берегите, как сердце, как глаз,
Храните его и заботьтесь о нем,
Великая честь быть советским врачом.

Декабрь 1938 г.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СТАЛИН!

Он бедным богатства несметные дал,
Он бедных к владыкам земли приравнял,
Он плакавшим радость и счастье послал,
Он слезы народные остановил,
Он в бегство презренных врагов обратил.
Он — самый родной на земле человек.
Он в думах моих — золотой бай-терек,
Раскинувший гордо над зноем, над стужей
Могучие ветви из чистых жемчужин.
Рожденный народом, он мудро ведет
Дорогою солнца любимый народ.
Сильнее его моя память не знает,
Он правды лучами весь мир озаряет.
Мы раньше верблюжьими тропами шли,
А с ним нам от края до края земли
Открыты дороги, открыты просторы,
Что было далеким — становится скорым.
В Москве я встречаю торжественный той
Страны моей ясной, страны молодой.
Мы в день этот приняли счастья закон,
Сталинский мудрый великий закон.
Спасибо, мой Сталин, спасибо отец,
Спасибо тебе от народных сердец.
Сражаешь ты острою саблей своей
Врагов моей родины, гадин и змей,
Копье твоей правды, рожденной веками,
Народною силой пронзает и камень.
Да здравствует Сталин, развеявший тьму!
Да здравствует Сталин! Спасибо ему!

Декабрь 1938 г.

ПЕСНЯ О ВЫПОЛНЕННОЙ КЛЯТВЕ

Светлому Ленину песню свою,
Самую сладкую песню я лью.
Солнечный облик его вспоминаю,
Слово лучистое я подбираю,
Слово, рожденное вместе с вождем,
И сбереженное в сердце моем.
Песня жемчужине яркой равна,
Поднятой в море с глубокого дна.
Вождь мой, тебе запеваешь струна,
Облик твой. — зарево, взор твой — луна.
Ты пред глазами моими стоишь,
Ты, как гора золотая, горишь,
Тьму и туманы с земли разгоняя,
Светом немеркнущим мир озаряя.
Разве мы видели солнца восход?
Нет, мы не видели солнца восход.
Ленин родился — и стало светло,
Ленин родился — и солнце взошло.
Разве мы видели в небе луну?
Нет, мы не видели в небе луну.
Ленин родился — свежа и нежна,
Вышла над степью большая луна.
Разве мы знали, как розы цветут?
Ленин родился на счастье земли,
С Лениным розы в степях зацвели.
Разве мы жили когда без печали?
С ней мы рождались, с ней умирали.
Ленин родился — печаль умерла,
Ленин родился — и радость пришла.

Ленин — отец моих песен степных,
Солнца теплей ты, светлее луны,
Славной эпохи батыр-великан.
Горд Ала-Тау, гора высока,
Ленин, ты выше ее, ты горишь
Светом моей предрассветной зари.
Ехал в Москву я тебя повидать,
Ехал обнять тебя, поцеловать,
К сердцу столетнему крепко прижать.
Был в мавзолее я, долго стоял,
Взгляда, мой Ленин, с тебя не спускал,
Песню губами беззвучно шептал,
Ты предо мною бессмертный лежал.
Я, вождь мой, улыбку твою увидал,
Она озаряла родное чело.
Она излучала любовь и тепло.
Мне в эту минуту казалось, что вдруг
Расплавился мрамор холодный вокруг.
Я знаю, свидетель мне — прожитый век, —
Не умер ты. Есть на земле человек,
Умом и величием равный тебе;
Он — гордый орел, закаленный в борьбе,
Тебе свою клятву он вечную дал,
И клятву великую свято сдержал.
Ты завещал нам в суровые дни
Звание и честь коммуниста хранить.
Сталин поклялся, и клятва живет,
Партию любит, ей верит народ.
Ты завещал нам в суровые дни
Дружбу, единую силу хранить.
Сталин поклялся, и клятве верны
Люди могучей советской страны.
Ты завещал нам в суровые дни
Власть пролетарскую свято хранить.
Сталин поклялся, и клятва живет.
Власть пролетарскую враг не собьет.
Ты завещал нам в суровые дни
Родину нашу крепить и хранить.
Сталин поклялся, и клятва живет,
Родина наша, как солнце, встает.
Родина наша, отчизна моя,
Сталью одета, готова к боям.

Сталин орлиную клятву давал,
Сталин орлиную клятву сдержал.
Сталин весь мир за собою ведет,
В Сталине Ленин бессмертный живет.
Радостен день мой, и льется рекой,
Блестая под солнцем, поток золотой.
Дорогой цветов моя юность шагает,
И вечное солнце над нами сияет.
Мне Ленин любимый, мне солнечный Сталин,
И сердце, и жизнь, и дыхание дали.
За это с бушующей страстью поэта
Сердечная песня Джамбулом пропета!

1939 г.

ТАРАС

Слушал я звонкий запев соловьиный,
Слушал я песни твои, Украина.
В степи летели они по утрам,
Плыли, как лебеди, по водам Днепра.
Песни твои, мой любимый Тарас,
Вместе с народом я слушал не раз;
Горы склонялись, и степи внимали
Голосу гнева, страданий, печали.
Черное время тебя истерзало,
Песни железным арканом связало,
Руки твои в кандалы заковало,
В клетке холодной мечты схоронило
С родиной милой тебя разлучило,
Счастье непознанное отравило.
Пел ты, и плакал великий Тарас,
С кровью текли твои слезы из глаз.
Пел ты, и черные силы земли
Песен твоих заглушить не могли.
Жажду ты в пламенном сердце носил,
Песней царей и господ ты косил.
Вместе с тобою, товарищ желанный,
С песнею острой, как меч восьмигранный,
Старый Джамбул свою месть проносил.
Старый Джамбул, не пугаясь, разил
Баев и ханов, князей и царей,
Наших, Тарас, вековых палачей.
В степи казахов, в неведомы дали
Песню твою под штыками пригнали,
Светлую песню твою, Украина,

Смелую песню любимого сына.
Слушал я песню в голодных кстау,
Слушал в безмолвных степях Мангистау.
Шел и Джамбул этой черной дорогой
С цепью раба и разбитой домброй,
Шел я с тобою дорогой одной,
Шел я с тобой. Мы друг друга узнали,
Шли мы, два брата, и молча слагали
Песню свою на родных языках;
Ветры несли эту песню в песках. !
Шли мы, любимый, в безлюдье степном,
Шли мы и пели с тобой об одном.
Шли мы, как зубры, чуждаяся стада,
Шли мы, как зебры, на зов водопада.
В песнях хранили мы, в песнях несли
Правду великую. Долго мы шли...
Все, что лелеял ты, все, что искал, —
Я на любимой земле увидал:
Солнце лазури, счастливый народ,
Землю, что стала, как пышный елот,
В розах, цветах и дыханье степей,
В свежести наших озер и морей.
Сердце мое молодое стучит,
Слышишь, Тарас, твоя песня звучит,
Подняли песню два вечных титана —
На Украине, в степях Казахстана —
Ленин великий и Сталин родной.
Песня парит, как орел молодой,
Песня бушует, как горный прибой
Неумолкающего океана!
Песня бушует и песня зовет.
Враг недобитый к границе ползет,
К нашему житу, к степям и долинам.
Будь же готова, моя Украина,
Грозным ударом огня и булата
Встретить презренного черного ката,
Чтобы нашел он в последнем бою
Катову участь — могилу свою!

1939 г.

СЪЕЗДУ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Пусть голос мой мчится, как ветер степной,
Крылатая песня, лети над страной
До края земли через все океаны,
Как вестник победы, как сокол желанный,
Народу родному мое посвященье,
Героям, не знавшим в боях пораженья,
Героям, на счастье народа рожденным,
Партней нашей в боях закаленным.
Врагов ненавистных нещадно разя, —
Лети, моя песня, на радость друзьям,
Как сердце свое, посылаю тебя,
На съезд победителей, песня моя.
Ну как же от счастья друзья не цвести,
Ну как же от страха врагам не трястись,
И в памяти каждому не сберечь
Великого Сталина гордую речь!
На съезде Семнадцатом он говорил,
Я каждое слово в ауле ловил,
Казалось, что сам он, любимый, родной,
Сидел и беседовал в юрте со мной.
В борьбе и в победе прошло пятилетье,
Но прожитый год я равняю столетию.
Прошло пятилетье, — весь мир в восхищенье
Летит, как орел, в молодом оперенье,
На гибель врагов и на счастье друзьям
Страна моя, Родина, гордость моя.
Вошло Конституции вечной светило,
Лучами жемчужными мир осветило,
Враг извивался, как раненый змей,

Радостью бились сердца у друзей.
Под сталинским солнцем неугасимым,
Под сталинским знаменем непобедимым
Живем мы в обилье, богаты, сильны,
На пастбищах тучно растут табуны,
Омыта пустыня хрустальной водой,
Наполнен керсень ароматной едой.
Как море, волнуется хлеб на полях,
Дорога комбайна, как путь корабля.
Нам недра свои открывает земля,
Рождая высокие скалы угля.
И бьет водопадом с горы вековой,
Железо горячей бескрайней струей.
Кипучая нефть, как поющий ручей,
Течет по земле полногрудой моей.
Узором затейливым степи обвел
Моих караванов большой темир-жол.
Мои сыновья на тулпаре сидят,
Глаза, как светильники счастья, горят.
Враг извивался, как раненый змей,
Радостью бились сердца у друзей.
Под сталинским солнцем неугасимым,
Под сталинским знаменем непобедимым,
Встает моя родина в броне булатной,
С душой богатырскою, с шашкою ратной.
И, как облака, в поднебесных полетах,
Сомкнув свои крылья, плывут самолеты.
Змеиное сердце врага векового
Трепещет от страха и лопнуть готово.
Могучие танки готовы к боям,
Покорны, бесстрашным моим сыновьям.
И грозные пушки из верных бойниц
На каждой тропе непреступных границ
В глаза ненавидящие смотрят врагу
И счастье мое и мой труд берегут.

Враг извивался, как раненый змей,
Радостью бились сердца у друзей.
Под сталинским солнцем неугасимым,
Под сталинским знаменем непобедимым
Сокровище разума — Кремль сияет,
Опора народа сердца обновляет.
Лелеет, как в радостной юрте своей,

Там Сталин одиннадцать сыновей —
Могучих, счастливых своих сыновей.
С заботой отца им дает ордена,
И песня народная награждена,
Подобно отважным героям Хасана,
Чьи смелые подвиги любит страна.
На празднике Родины все на виду,
Хозяева жизни в почетном ряду, —
Профессора, агрономы, шахтеры,
Поэты, колхозники, комбайнеры.
Враг извивался, как раненый змей,
Радостью бились сердца у друзей.
Под ленинским знаменем Сталин родной
Могучий народ поднимает с собой.
За ним без числа на победный котан,
Овитые славой, идут топжарган,
Их сила, как луч, на булате, горит.
Вот вождь на трибуне. Наш вождь говорит.
Слушайте все: и Урал и Кузбасс,
Караганда, и Алтай, и Донбасс,
Слушай, колхозник, и ты, командир,
Слушай, чабан, комбайнер, бригадир.
Слушайте все, и для Родины милой
В дни эти с новой стахановской силой
В шахтах, забоях, полях и отарах
Вы приготовьте заветный подарок, —
Хлынули, чтобы, как песня певца,
Реки металла, железа, свинца,
Чтобы в колхозах дала нам весна
Семь миллиардов пудов зерна.
Враги окружают нас черным кольцом,
Глазами кровавыми смотрят кругом
И тянут костлявые руки свои
К горячему золоту нашей земли.
Чтоб голову вражью ударом снести,
Чтоб нечисть поганую всюду смести,
Будь начеку, мой великий народ!
Вооружайтесь, поэты, стихами,
Взвейте поэмы и кюйи, как знамя,
Зовущее к новым победам и славе!
Съезд победителей в песнях прославим,
Сталину верную клятву дадим, —
С ним побеждали мы, с ним победим!

Март 1939 г.

ПЕСНЯ ПОБЕДЫ

Доблестным бойцам и командирам
Первой Отдельной Краснознаменной
Армии Джамбул посвящает эту песню.

I

Много песен Джамбул сложил,
Много лет на земле прожил,
Много прошлых батыров знал,
Каждый стрелы стальные метал
И кольчугу каждый носил.
Под безлунным небом одни
Проходили горы они,
Задували в походах огни,
Чтобы каждый отведасть мог
Недожаренный мяса кусок,
Засыпали в лёгких шатрах...

Но батыров, чья слава в веках,
Заменили батыри мои.
У них пики острее стрел,
Каждый мыслью и телом смел,
Каждый предков грознее своих,
Звезды яркие на лбу у них...
Я их вижу — батыров страны,
Они в битвах закалены.
Как тулпары, они сильны,
У батыров могучий стан
Опоясала гибкая сталь.

У батыров знамя в руках...
Чтобы к нам не пробрался враг;
Как орлы, они мечут взор,
Где границы прошел узор.
Вижу Родины я дела...
Ты батыров, — им нет числа, —
Вырастила и создала.
В нашей жизни славен труд,
Рыбы стаями ходят в прудах.
На овечьих спинах в стадах
Птицы гнезда на счастье вьют.
Когда в старость годы пошли,
Я увидел богатства земли,
Что рудой серебра залегли.
И на этой счастливой земле
Песня счастья доступна мне,
Радость в песне моей цветет...
Навсегда Джамбул отдает
Сладость песни тебе, народ.
Под луною я песни лью,
Я под солнцем играю кюй.
И, касаясь серебряных струн,
Золотых касаясь ладов,
Я с домброю всегда пою...
У немых пограничных столбов,
На границе моей земли,
На границе богатств земли,
На крутых перевалах хребтов,
Пограничники залегли,
Там мои сыновья на часах,
А под ними советский стяг.
О походах моих сыновей,
Чьи летлицы знамен алей,
Кто отважен всегда в бою, —
Эту песню с любовью пою.

II

Самурай подлы и низки,
Словно волки, ощерив клыки,
С кровью порченою от ран
Вдруг полезли к нам на Хасан,
Где дремала озерная тишь,

Где ютилась беспечная мышь,
Вражки пули внезапно запели,
И снаряды, гремя, прилетели.
По-бандитски, из-за кустов,
Враг прицелился в красных бойцов.
И тогда, самураям в упор,
Поднялись батыры с озер.
Разрывая цепи в клочки,
Вышли танки, броневики;
Ощетинив стальные штыки,
Грозной лавой пошли стрелки.
Словно соколов в облаках,
Бомбовозы увидел враг...
Бомбовозы сбросили груз,
К небу взвился грохот и хруст.
Самураям стало невмочь, —
И, теряя доспехи свои,
Задыхаясь в поту и крови,
Побежали шакалы прочь.

Племя сталинских орлов,
Племя сталинских большевиков
Победило в бою врагов.
Грозной молнией блестя,
Утвердило красный стяг
На Заозерной сопке тогда.
Так было, так будет всегда.
Как бы ни был силен враг, —
Он будет растоптан в прах.
Не родился на свете тот,
Кто бы мог победить народ.
У героев в обычае нет
С поля битвы итги без побед.
Они дали клятву стране:
Бить врага в голубой вышине,
Бить врага на земле, на воде,
Бить на вражеском поле везде.
Этой сталинской клятве верны
Нашей Родины славной сыны.

У нас много чистых озер,
Много сопок и много гор,
Все народы в труде живут,
Грозен этот спокойный труд.
Если враг нарушит его, —
Он лишится навеки всего.
Нарушителей мы смеем,
В пух и прах разведем огнем.
На Хасане, где сопки косы,
Убедились японские псы
В мощной силе наших трудов,
Когда стаи красных орлов
Им задали жестокий урок...
Но ученье пошло не впрок.
Посидев, затаившись год,
Злобно скаля клыкастый рот,
На монгольский мирный народ,
Самураи решили напасть,
Чтобы прах его предков украсть,
Чтоб монгольский народ посесть,
Они костью точили меч.
Засвистели пули грозой,
Вражьи танки вступили в бой,
Самураи тучей густой
Над монгольской нависли землей.
Но монгольский мирный народ
С гневом пули дождем прольет,
И герои — народа оплот —
Как орлы, затемнив небосвод,
Прямо в тучу направят полет, —
Под ударами туча уйдет.
Мы умеем слово держать,
Мы умеем друзьям помогать.
Нам Монголия дорога, —
Наши соколы бьют врага,
У монгольских границ теперь
Не пройдет низконогий зверь.
На Хасане он смерть нашел.
За второй он, смертью пришел
К неприступной реке Халхин-Гол.
Не пройдет японский бандит,

Монгольский народ победит.
Не желает рабом он быть,
Хочет мирно, как мы, он жить,
Гостому, что наша страна
Всенародного счастья полна,
Потому что народы зажгли
В ней бессмертное сердце земли.
И для тысяч монгольских сердец
Наша Родина — образец, —
Потому монгольский народ
Самураев в бою разобьет.
Если станет война большой,
Наши армии вступят в бой,
Весь могучий советский народ
На народных врагов пойдет,
Смертоносный обрушит удар
И зареет японских псов,
Чтоб войны разжигать пожар
Неповадно было им вновь.
За страну, где свобода и труд,
На врага все народы пойдут...
Нерушима клятва людей
Перед Родиной свежлой своей.

1939 г.

ПУСТЬ СТАЛИН В ПЕСНЯХ ЖИВЕТ

Со всех концов страны
Акыны, степей сыны,
Творцы драгоценных слов,
Чья в песнях кипит душа, —
Приехали с Иртыша,
Приехали с Балхаша,
С Яика и с берегов
Бушующей Сыр-Дарьи
Дар песенный подарить.
Запев, как прибой волны,
Слова у вас — скакуны...
Явился и я с домброй,
И песню привез с собой,
Здесь, в сердце она моем,
Здесь песня любви о нем,
Здесь гимн души о нем,
Все думы мои о нем,
О Сталине о родном.
Любимец народов он,
Гений народов он,
На счастье земли рожден.
Расплавил он, сжег дотла
Черные скалы зла.
Он жизни холодный лед,
Расплавив, согрел народ.
Сердцу зачем гореть,
Если о нем не петь?
Силу он укрепил,
Голос мой обнови.

Он степных певцов
Радугой ясных слов,
Щедро так наделил.
День рожденья его —
День для нас дорогой.
Как же о нем не петь,
Как душе не кипеть,
Силам не пламенеть,
Сердцу не молодеть?!
Песню ему пою,
Кажется, что стою
Вровень я с Май-Тюбе;
Кажется, достаю
Я головой небес...
Сердце мое поет, —
Это поет народ,
Сил прибавляя мне,
Звучность моей струне.
Эй, акын Нурпеис,
Жду тебя на айтыс.
Эй, акын Орумбай,
Радостней запевай!
Сердце ты открывай
В песне, акын Нартай!
Калка и Нурлыбек,
Вас я позвал к себе.
Пусть каждый не будет нем,
Источник своих поэм
Откройте, чтоб хлынул с гор
Потоком наш звонкий хор.
Пусть в песнях твоих, певец,
Живет наш друг и отец,
Он счастье для всех кует,
Пусть Сталин в песнях живет!

Ноябрь 1939 г.

НАШ КИРОВ

Песня, ты образ его воскресила,
Песня, ты в степи лети и спроси:
— Разве он будет народом забыт,
Вестник победы и сокол борьбы?

Степи ответят: — Он с нами, он жив,
Славой героя народ дорожит.
Кирова память — Яик и Кавказ;
Острый клинок подымался не раз
Там на далеких крутых берегах,
Смелым ударом сражая врага.
Ленин бесстрашью его научил,
Сталин бесстрашью его научил,
Силу от партии он получил.
Пламенным словом вождя и бойца,
Волей к победе скрепил он сердца.
Был он понятен, как песня, красив,
Был он отважен и был он правдив,
Был он, как смелый орлиный призыв,
Был он, как океанский прилив.
Он, как костер на оленьей горе,
Он, как двенадцать ладов на домбре...

Вот он шагает в шинели простой
По казахстанской степи золотой;
Светлое небо и солнце над ним,
Он, окруженный народом родным,

На Ала-Тау восходит. С вершин
Видит он степь без господ, без старшин,
Степь без цепей, без султанов и мулл,
Видит счастливый колхозный аул!
Вот он привлечен родным Балхашом,
Вот он задумался над Иртышом,
В Риддерской шахте к забою идет,
В стане колхозном беседу ведет...
Радостью дышит, от счастья горит,
Он Казахстану, как сын, говорит:
— Край мой любимый, ты молод, богат,
Родина радости, Сталинский сад.
Край мой, ты счастье свое береги,
Помни, мой край, недобиты враги!

Песня, ты образ его воскреси!
Песня, ты в степи лети и спроси:
— Разве он будет народом забыт,
Вестник победы и сокол борьбы?
В городе Ленина Киров мой жил,
Городом Ленина он дорожил.
Был он, как буря, нещаден, суров,
К черному племени Мерзких врагов.
Страшен был Киров исчадию зла.
Пуля убийцы вождя стерегла,
Жалом змееныша из-за угла
Пуля орлиное сердце прожгла.
Разве от ветра заглохнет родник?
Разве от пули умрет большевик?
Разве у Сталина в гнездах Кремля
Не закаляются крылья орлят?
Разве они не готовы в полет
В битву за Родину и за народ?
Сталина племя не знает преград,
Сила народная, как водопад.
Красную Армию нашу не счесть,
Кони стальные у армии есть,
Птицы стальные у армии есть,
Танки стальные у армии есть,
Люди стальные у армии есть,
Красную Армию нашу не счесть!
Знают ее помещик и пан

И самуран, что шли на Хасан.
Если же снова ударит набат,
Если враги на страну налетят, —
Балтика встанет и гордый Кронштадт,
И от Алтая до самых Карпат
Грозный, могучий советский народ
С именем Сталина в битву пойдет.
Он за Отчизну, за землю свою
Будет, как Киров, бесстрашен в бою!

1939 г.

ЗАКОН СЧАСТЬЯ

Ну как не запеть, если сердце поет,
Ну как не запеть, мой любимый народ!
Встает над землею ликующий день,
Страна моя, яркое платье надень,
Домбра моя, золотом струн прозвени,
Пылайте, слова, как степные огни,
Взлетайте, слова, как крылатые кони,
Я песню пою о великом законе.
В Москву дорогую, в батырский аул,
Привез эту песню столетний Джамбул...
Сыны мои, дочери, пойте со мной
О светлом законе Отчизны родной.
Нам жизнь, как сказка, как счастье, дана,
А вспомнил другие Джамбул времена.
Сыны мои, прожил я много на свете,
Смотрите замана счастливого дети, —
Украсила голову мне седина,
Смотрите, согнулась Джамбула спина.
На этой спине и в грозу и в метели
Султаны, манапы и ханы сидели
С законом позора, с законом обмана
С законом, написанным палкою хана,
С законом, написанным ложью корана,
С законом, написанным плетью султана,
С законом шакалов, с законом волков,
С законом, омытым слезами рабов.
В ту пору, сыны мои, байским копытом
Была моя песня родная пририта.
И черных законов тупое копье

Поранило крылья и сердце мое.
Сыны мои, дочери, пойте со мной
О светлом законе Отчизны родной!
Вы учитесь в школах, вы все за работой,
Вас всех окружает любовь и забота;
Сам Сталин заботится ночью и днем
О каждом из вас, как о сыне родном.
Он счастья ключи человечеству дал,
Мой Сталин советский закон написал.
Закон моей родины. Счастья закон,
Он сталинским пламенным сердцем рожден.
Он — раннего утра большая звезда,
Он — наши растущие ввысь города,
Он в наших аулах колхозных и селах,
Он в наших построенных солнечных школах,
Он в нашей зажиточной жизни колхозной,
Он в Армии Красной, могучей и грозной,
Он в наших победных и смелых походах,
Он в сталинской дружбе и братстве народов.

УЧИТЬСЯ, МАЛЫШ!

Пой, домбра, тепло и нежно!
Ты учишься, малыш, прилежно,
В школе радостной учишься!
Жили мы в иную пору,
Не смотрели в нашу нору
Солнца теплые лучи!

Мы росли, малыш, в неволе,
Нас, как перекасти-поле,
По степям нужда гнала.
Наше детство было мукой,
Нашей школой и наукой
Палка байская была.

Ласки мы, малыши, не знали,
Мы голодными скитались
По горам и по долам.
Нам песок постелью были,
Мы с волчатами делили
Наше детство пополам.

Ты, малыш, как месяц светел,
Ты счастливее всех на свете,
Для тебя мой сад цветет.
Ты мой шустрый, мой веселый,
Для тебя открыты школы,
Для тебя Джамбул поет.

Ты учись, малыш, без лени,
Ты учись, малыш, как Ленин.
Всем примером будь всегда,
Быть бесстрашным, быть правдивым
Это значит — жить счастливо,
Не старея никогда.

В мире все тебе открыто:
Будешь ты, малыш, джигитом
В золотом сидеть седле,
Будешь умным, будешь смелым,
Будешь самым загорелым,
Самым крепким на земле,

Чтобы все свои старанья,
Силу, молодость и знанья
Светлой Родине отдать,
Чтоб тобой гордился Сталин,
Чтоб тебя, малыш мой, стали
И любить и уважать.

СЪЕЗДУ БОЛЬШЕВИКОВ

Звоном, чище серебра,
Ты полна, моя домбра.
Каждый лад молвой несется,
Ливнем свежим слово льется,
В сердце песня отдается.
Если я беру тебя.
Песню счастья я пою
В пору светлую мою.
Как Талгарский острый пик,
Как из горных скал родник,
Как поток горячих дней,
Песня Родины моей.
Как же струнам не звенеть,
Как же сердцу не кипеть,
Если ваш победный той
Я приветствую домброй?!
Я на праздник не один
Прихожу в венце седин,
А с большой семьей певцов —
Молодых и стариков.
Песней радости сердечной
Славлю съезд большевиков.

В съезде вашем, сыновья,
Силу жизни вижу я,
Славу, дружбу вижу я.
Думы новые свои
И могущество земли,
С вами мой родной народ

Сталин к подвигам ведет.
Вы в труде — пример для всех,
Там, где вы, всегда успех,
Молот славы — это вы,
Счастье наше — это вы,
И победами крепка
Всюду жизнь большевика.
Счастье мой народ искал,
Воду он искал в песках,
Он мечтал тулик иметь,
Уголь, золото и медь.
Вольным он мечтал пойти
По великому пути...
И о чем народ мечтал,
Все, что он в веках искал,
Как заветный дар реки,
Дали вы — большевики!
Смотрят с радостью отцы:
Вылетают их птенцы,
Блещут перьями стальными
Под лучами золотыми,
Опуская с облаков
Дождь свинцовый на врагов.
Незнаком героям страх
На морях, в лесах, в горах,
Поразрыты вражьи норы,
А железные заборы
Черных спутников войны
Гневной силой сметены.
Расскажи, домбра, пропой,
Как птенцы летели в бой
Тучей шумной, грозовой
За свою родную землю
И за свой народ родной!
В съезде смелых, сыновья,
Силу жизни вижу я.
Для народа вы всегда
Путеводная звезда,
Что дорогу озаряет
Нам на долгие года,
Силу бодрость нам дает,
К коммунизму нас ведет.
Как же мне не молодеть,

Как же песне не звенеть,
Если вся земля цветет,
Если вся земля поет,
Если Сталин вдохновляет
На победы мой народ.
Чувств и дум своих ларец
Открывает вам певец.
О родные сыновья!
Вы столетнего меня
Не считайте стариком,
Я иду большевиком,
Не склоняя головы,
Вместе с вами, как и вы.

К ПОРТРЕТУ АБАЯ

Что это? Абая ли это портрет?
Могущества слова и песни расцвет!
Умом и отвагою равно велик, —
Какой же с Абаем сравнится поэт?

Величье акына он гордо вознес,
Грядущему славным примером возрос.
Аргын и Найман удивлялись ему,
Словам, уподобленным яркости звезд.

Течением мысли, как море, глубок...
А сердце мне шепчет: — Он был одиноч...
Без радости, но с душой непреклонной,
С досадою гений из мира ушел.

1940 г.

ВИДЕЛ Я РОДНОЙ КАЗАХСТАН

Видел я родной Казахстан
В ненавистный злой заман.
Буйно травы в лугах цвели,
Вились золотом ковыли,
До крутых заснеженных гор,
Пышно лег богатый ковер.
Степь моя, как напев певца,
Без конца цвела, без конца,
Но цвела она не для нас —
Ханы крали счастье у нас,
Травы кланялися не нам...
Я ходил по сухим пескам
Необъятной моей страны.
Заметали след катуны,
Обжигал мою спину зной,
И барханы ползли за мной...
Видел я безлюдную степь
В ожерелье белых костей,
А под мергвой корой земли
В скалах каменных берегли,
В тайниках века берегли,
Как домбру бережет певец,
Уголь, золото, медь, свинец.
Не могла их достать рука
Бесприютного бедняка...
По степи струится река,
Были мертвыми берега,
Не скользил баркас рыбака
В серебристых ее волнах,

И терялась река в песках.
Видел я родной Казахстан
В ненавистный черный заман.
Шел усталый мой караван,
По горячим его следам,
Как собака, брела нужда.
И стонал любимый народ
Под ярмом царей и господ,
Под ярмом султанов и мулл
Задыхался в степях Джамбул.

1940 г

В ЧАС, КОГДА ЗОВЕТ СТАЛИН

Родину Сталин ведет на врага,
Родина светлая всем дорога,
Кровью батыров добыта она,
Дружбой народов она скреплена, —
Непобедимая наша страна.
В юрте спокойной останусь ли я,
Грудью за землю не встану ли я,
Звонких стремян не достану ли я,
Вместе с народом устану ли я
Петь свои песни в труде и в боях?
Эй, сыновья, оседлайте коня!
Вместе со Сталиным песня моя!

Мир молодой нашей радостью стал,
Солнцем народов из бездны он встал,
Ночью на нас через старый дувал
Черный шакал ненавистный напал.
В песне народ неспроста говорит:
«Зверь перед смертью от страха дрожит
И на открытое место бежит».
Место закрыто. Шакалу клыки
Выбьют советские наши штыки.

Эй, сыновья, оседлайте коня!
Вместе со Сталиным песня моя!
Вышли два мира неравных на бой —
Мир одряхлелый и мир молодой, —
Выползок гнусный фашистской змеи
И молодые орлята мои.

В песне народ неспроста говорит:
«Гада раздавим — орел воспарит».
Сталин — орел наш, а стаи орлят
Всюду с победой за ним полетят.
Слушайте, степи родные, меня:
Армии Красной ведите коня,
Лейся горячий чимкентский свинец,
Смертью для черных фашистских свиней.
Лейся рекою, балхашская медь,
Чтобы снарядам советским греметь.
Каспий широкий, побольше улов
Родина ждет от твоих рыбаков.
Хлопок и хлеб и свои табуны
В час грозовой отдадим для страны.
Сталин зовет нас в труде и в бою
Биться с врагом за Отчизну свою.
Край мой любимый, родной Казахстан,
Весь поднимайся на вражеский стан!

Июль 1941 г.

ПОЭМА ЛЮБВИ И ГНЕВА

1

Сын мой, радость отцовских глаз!
Барымтач налетел на нас,
Злой басмач налетел на нас,
Он, палач, захотел у нас
Солнце сталинское украсть.
Он шакалью разинул пасть,
Обнажил он свои клыки.
Сталин в битву повел полки,
Сталин в битву народ позвал,
Я коня тебе оседлал,
Богатырский меч наточил.
Ты садись в седло и скачи,
Немцам головы ты коси,
Мою ненависть пронеси,
Пронеси ты Джамбулов гнев,
Пронеси ты аулов гнев
В пепелящем врага огне!

2

Если встретится смерть тебе,
Перед нею, сын, не робей,
Спину ты перед ней не гни,
Ты узду назад не тяни,
Думы черные отгони.
Ты в глаза ей смелей взгляни,

Ты мечом посильней взмахни,
Ты скажи: — Сторонись, карга!
И увидишь — твоя нога
Через пропасть перешагнет,
Смерть с дороги твоей свернет,
Смерть бесстрашного не берет,
И тебя полюбит народ,
И воздаст он тебе почет,
И Джамбул о тебе споет,
И молва о тебе лойдет,
Сталин соколом назовет.

3

Ты во имя родной страны
Про свои забудь табуны,
Про аульные казаны,
Про расшитые чапаны,
Ни любимой своей жены,
Ни веселых своих детей,
Ни себя, мой сын, не жалея!
Ты и юрту свою забудь,
Под грозой расправляя грудь.
Вражьей кровью залей ты путь,
Настоящим воином будь!
Моих песен не осрами,
Змея Гитлера ты прижми
Богатырским своим плечом,
Отруби ему хвост мечом,
Жало гадины оторви,
Сапогом башку раздави,
А змеиное сердце вынь
И вонючим шакалам кинь.

4

Не давайся врагу живьем,
Бей копьем его и ружьем,
Будь отважен, как Суранши,
На фашиста огнем дыши
И мечом летучим кроши.
Кулаком покруче круши,
Пятерней могучей души,

Охнуть ты ему не давай,
В землю ты его забивай,
Чтоб дошла голова до ног,
Чтоб вовеки он встать не мог.

5

Если и будет неравен бой,
Если сдавит аркан тугой,
Если вороны над тобой
Соберутся на черный той,
Будь бесстрашен, как Махамбет,
Ты ни слова врагу в ответ
И на пытке не говори,
Плюнь в глаза ему и умри.
И тебя полюбит народ,
И воздаст он тебе почет,
И бессмертье к тебе придет,
Песню славы седой Джамбул
О тебе, мой сын, запоем!
Ты, мой сын, в грозные дни,
Дружбу сталинскую храни,
В сече смелой будь вожаком,
Как бесстрашный Амангельды,
Будь батыром-большевиком!

У отчизны светлой моей
Много соколов-сыновей,
Сыновья летят в облаках
На крылатых аргамаках
И в стальном, боевом седле
Мчатся, грозные, по земле...
Дал им силу отец-народ.
Сталин в битву сынов ведет,
Смелых к подвигам он зовет,
Час расплаты с врагом настал, --
Кто добычи у нас искал,
Тот могилу свою найдег.

Июль 1941 г.

ЛЕНИНГРАДЦЫ, ДЕТИ МОИ!

Ленинградцы, дети мой!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скользну, --
Вижу своды ваших мостов,
Вод балтийских голубизну.
Фонарей вечерних рон,
Золоченых крыш острия...
Ленинградцы, дети мой!
Ленинградцы, гордость моя!

Не затем я на свете жил,
Чтоб разбойничий чують смрад,
Не затем вам, братья, служил,
Чтоб забрался ползучий гад
В город сказочный, город-сад.
Не затем к себе Ленинград
Взор Джамбула приворожил!
А затем я на свете жил,
Чтобы сброд фашистских громил,
Не успев отпрянуть назад,
Волчьи кости свои сложил
У священных ваших оград.
Вот зачем на север бегут
Казахстанских рельс колени,
Вот зачем Неву берегут

Ваших набережных края...
Ленинградцы, дети мои.
Ленинградцы, гордость моя!
Ваших дедов помнит Джамбул,
Ваших прадедов помнит он:
Их сослали в его аул,
И кандалный он слышал звон.
Пережив четырех царей,
Испытал я свирепость их;
Я хотел, чтоб пала скорей
Петербургская крепость их;
Я лод рокот моей струны
Воспевал, уже поседев,
Грозный ход балтийской волны.
Где бурлил всенародный гнев.
Это в ваших стройных домах
Проблеск ленинских слов-лучей
Заиграл впервые впотьмах!
Это ваш, и больше ничей,
Первый натиск его речей
И руки его первый взмах!
Ваших лучших станков дары
Киров к нам привез неспроста:
Мы родня вам с давней поры,
Ближе брата, ближе сестры
Ленинграду Алма-Ата.
Не случайно Балтийский флот,
Славный мужеством двух веков,
Делегации моряков
В Казахстан ежегодно шлет.
И недаром своих сынов
С юных лет на выучку мы
Шлем к Неве, к основе основ,
Где, мужая, зреют умы.
Что же слышит Джамбул теперь?
К вам в стальную ломится дверь,
Словно вечность проголодав,
Обезумевший от потерь
Многоглавый жадный удав...
Сдохнет он у ваших застав!
Без зубов и без чешуи
Будет в корчах шипеть змея.
Будут снова петь соловьи,

Будет вольной наша семья,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Как владычицу меж владык
Почитать я землю привык.
Ныне страшный в ней выжжен след,
Причинен ей огромный вред,
Беслощадно ее грызет
Окровавленный людоед, —
Но последний близок расчет,
И земля в преддверье побед.
Вся страна идет на врага,
Поднимается весь народ,
И не сломит наших свобод
Гнет фашистского сапога,
Не коснется вражья нога
Вас, наследственный наш оплот,
Ленинградские берега!
Вы громили врага и встарь:
Не одна враждебная тварь
Свой могильный нашла покров
У прославленных островов.
К вам в разгар гражданской войны
Подбирался царский холоп, —
Вы его увидали в лоб,
Увидали и со спины.

Ленинград сильней и грозней,
Чем в любой из прежних годов,
Он напор отразить готов!
Не расколют его камней,
Не ростопчут его садов, —
К Ленинграду со всех концов,
Направляются поезда,
Провожают своих бойцов,
Наши села и города.
Взор страны грозиво-свинцов,
И готова уже узда
На зарвавшихся полмечов.
Из глубин казахской земли
Реки нефти к вам потекли,
Черный уголь, красная медь

И свинец, что в срок и впопад
Песню смерти готов пропеть
Бандам, рвущимся в Ленинград.
Хлеб в тяжелом, как дробь, зерне
Со свинцом идет наравне,
Наших лучших коней приплод,
Груды яблок, сладких, как мед, —
Это все должно вам помочь
Душегубов откинуть прочь.
Не бывать им в нашем жилье!
Не жиреть на нашем сырье!

Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!
Слышат пастбища Сыр-Дарьи
Вой взбесившегося зверья.
Если б ныне к земле приник,
Только ухом приник Джамбул, —
Обрела бы земля язык,
И дошел бы сквозь недра гул,
Гул Отечественной войны
На просторах родной страны.
Всех к отпору Жданов призвал,
От подъемных кранов призвал,
От огромных станков призвал,
От учебных столов призвал.
В бой полки Ворошилов ведет,
Вдоль холмов и долин ведет,
Невских он новоселов ведет,
Невских он старожиллов ведет.
Беспечален будь, Ленинград —
Скажет Сталин: — В путь! В Ленинград! —
Все пойдут на выручку к вам,
Полководческим вняв словам.
Предстоят большие бои,
Но не будет врагам житья!
Спать не в силах сегодня я...
Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои,
Ленинградцы, дети мой,
Ленинградцы, гордость моя!

Сентябрь 1941 г.

СОВЕТСКИМ ГВАРДЕЙЦАМ

Есть в языке такие слова,
Чье назначенье пламенем жечь:
Если услышишь, — вздрогнешь сперва,
Выше поднимется голова,
Станет певучей скромная речь...
Эти слова, как молния, жгут,
Сердце пьянят, на подвиг влекут,
Старцев пленяют, тешат ребят,
Недруга вяжут сотнями пут,
Трубами смерти над ними гремят.

Сколько прекрасных воинских слов
Ни озаряло Джамбулов кров,
Сколько он сам их ни находил, —
Громче, чем «гвардия», не слышал,
Ярче, чем «гвардия», не встречал,
Слаше, чем «гвардия», не твердил,
Тверже, чем «гвардия», не чертил,
Чище, чем «гвардия», не вдыхал.
Если такое слово из слов
Стало наградой целых полков,
Если в трудах и в муках оно
Красным знаменам присуждено,
Если победный дедовский чин
Стал достоянием наших дружин, —
Значит, врагов постигнет скорей
Кара земель, небес и морей;
Значит, достигла новых вершин

Доблесть советских богатырей;
Значит, злодеям приходит срок,
Сражает их метко гвардейский стрелок.

Праздник сегодня удвоен мой:
Почести край удостоен мой!
В части гвардейцев частью восьмой
Входит и собственный воин мой,
Входит мой родич, входит мой внук,
Входит, на шлеме своем храня
Прикосновение старческих рук,
Им унесенное от меня.
Сын Казахстана мечом сверкнул,
Ветер гвардейский стяг натянул, —
Поступь победы слышит Джамбул.
Ярость бойца, священная страсть!
Денно и ночью в битвах владей
Теми, кто жизни дарует власть,
Теми, кто выше тысяч смертей!
Слава джигитам лучших частей!
Множься и крепни, гвардейская часть!
Нечисть фашистскую сокрушай,
В бегство разбойников обращай,
Мрази немецкой ужас внушай!
Сталинской гвардии путь открыт,
Путь, что тяжелым плугом изрыт,
Путь, что горячей кровью омыт.

Октябрь 1941 г.

ДРУЖБА НАРОДОВ

Там, где Джамбул родился и рое,
Где до седых он дожил волос,
Там, где он песни свои слагал,
Там, где он родине помогал,
Там по раздолью древних степей
Бродят несметные табуны;
Там в бечеве озерных сетей
Рыба выходит из глубины,
Там поглощают влагу дождей
Борозды вспаханной целины;
Там для расчета с лютым врагом
Уголь пылает, плавя руду;
Там управляет и стариком
Воля к борьбе и воля к труду;
Там научились владеть штыком
Наглому Гитлеру на беду;
Там — кладовая силы земной,
Там — колыбель бесстрашных людей,
Там — Казахстан неоглядный мой
Во всеоружье славы своей!
Сталинской дружбой со всей страной
Спаян мой доблестный Казахстан,
Стал он любимцем в семье родной,
Стал образцом для дружеских стран.
Внуки мои! Мои земляки!
Я не однажды за этот год
Мощные ваши воспел полки
И проводил в священный поход.
Каждый из вас меня вдохновлял,

Вас я на битвы благославлял.
Под Ленинградом и под Москвой
Стали вы сказкой вечно живой.
Многих из вас на горе врагу
Славный Панфилов вел за собой.
Горд я и счастлив — скрыть не могу! —
Тем, что казах на русском снегу
Знамя гвардейцев, дар боевой,
Поднял среди первых над головой.
Горд я и счастлив тем, что казах,
Берег заветный вернув стране,
Пал на колени, целуя прах,
Степь Украины, как пишут мне...
Берег реки под ливнем свинца
Он целовал, как руку отца.
«Жарко он, — пишут, — к земле прильнул.»
Что же скрывать? — ты сладко всплакнул.
Слыша об этом, старый Джамбул!

Время идет и недолго ждать —
Мы людоедов начали жать.
Но, чтобы скорей погибли враги,
Силы свои вдвойне напряги,
Слитый с отчизной, мой Казахстан!
Слышат народы наши шаги,
Видят грядущих битв ураган.

Июнь 1942 г.

ДЕВУШКИ НА СТАЛЬНОМ ТУЛПАРЕ

Я помню, когда в старину
Казах уходил на войну,
Когда на войну уходил
И сына с собой уводил,
Тогда поручал он жене
Заботу о доме своем, —
О мирном своем табуне,
О тучной родной целине,
Покрытой густым ковылем.
Покуда мечом и копьем
Отечество он защищал,
Он матери скот поручал,
К охоте сестру приучал,
И еле подростую дочь
Обязывал зерна толочь.
Об этом старинном труде,
О твердости женской руки
Поныне всегда и везде
Седые поют старики,
Об этом над вешней водой
Джамбул вспоминает седой.
Чтоб лопнула вражья броня,
Как черный болотный пузырь,
Чтоб схлынуло море огня,
Что лижет советскую ширь, —
Взнуздав вороного коня
Народный лихой богатырь.
Он скачет и песню поет,
Он в синий небесный пустырь

Уводит стальной самолет,
Он грозные танки ведет,
Он танками давит врагов,
Немецкие топчет полки,
Как топчут гадючьи клубки
Копыта могучих быков.
Он силой карающей стал,
А кем он вчера еще был?
Он зерно урожая считал,
Он силою мирною был.
И вот он от дома далек ...
Кому же теперь невдомек,
Что сеятель, пахарь и жнец
Средь недругов сеет свинец,
В дугу их, как дерево, гнет,
Их косит, и давит, и жнет?
Он в смертном кровавом бою
Семью защищает свою,
За правое дело стоит,
За Родину смело стоит,
Стоит за свободу и честь.
И всюду на быстрых крылах
За вестью разносится весть
О им совершенных делах.

Где землю лахал он вчера,
Его заменила сестра;
Сражается пахарь и жнец,
Но мать его, дочь и жена
Постигли всей глубию сердец,
Что помощь их фронту нужна.
Родимая! Трактор веди,
С машиной хозяйственно ладь,
За винтиком каждым следи,
Работай танкисту подстать
И, с ним соревнуясь, гляди —
Горючего даром не трать...
Подруги, трудитесь в тылу!
Все думы теперь об одном:
Чтоб землю готовить к теплу,
Чтоб колос был полон зерном!
На помощь в заветном труде
И школьник спешит и старик.

И пусть мальчуган невелик,
А дед с сединой в бороде,
Но будут в порядке хлеба!
Ведь нынче повсюду борьба,
Ведь с трактором дружит ружье,
И Сталин, чье слово — судьба,
На запад теснит воронье.
Вот выйдешь ты, дочь, на жнивье
И, пот утирая со лба,
Воскликнешь: «Уж я ли слаба?
Уж нам ли зимой не житье?
А вот они — наши хлеба!
А вот оно — дело мое!».

Июнь 1942 г.

ПРОВОДЫ

Благословенье отца над тобою,
Мой сын,
Садись на коня, приготовившись к бою,
Мой сын.
Полыхая седой бородою,
Вослед я тебе погляжу,
И песни, рожденные вместе с домброю,
Я в уши твои вложу.
Мой сын Алгадай, ты честным, почтительным был.
Ты слову отца не перечил и труд ты любил,
И черным поступком, позорящим имя семьи,
Ни разу седин моих не осквернил.
На фронт я тебя провожаю,
Мой сын,
Тебе я здоровья и силы желаю,
Мой сын.
Умножь нашу гордую славу,
Не сбивайся с прямого пути.
Окрылившую песню акына державу
От врагов защити!
Единству и братству народов пришел
испытания срок,
И доблести мужа пришел испытания срок...
Слова мои слушайте воины-юноши все,
Поймите сердцами преподанный сыну урок.

ПРИКАЗ РОДИНЫ

Грозный день, о сын, наступил!
Горе! К горлу враг подступил!
Нам дыханье хочет пресечь,
Все с землею сравнять и сжечь,
Осквернить святыни отцов!..
Враг вступить посмел на Кавказ.
Хочет лучшее взять у нас!
Хочет пить Кубань, Волгу, Дон —
Кровь и плоть веков, радость глаз!
Каждый город и каждый дом
Создавались нашим трудом,
Это — наше с древних времен!
Все отнять у нас хочет он!
Все, чем жизнь была дорога,
Разве ты берег для врага?
Если над головою гроза,
Разве смерти не взглянем в глаза?
И важней разве что-нибудь есть,
Чем народа и Родины честь?
Разве честная медлит рука
Вырвать жизнь из груди врага?
Каждый, каждый земли вершок, —
Это тело твое, кровь и пот!
Здесь по жилам железных дорог
Протекает жизни поток.
Там, где слышишь, как дышит завод, —
Сердце Родины бьется, живет,
Там, где руды в земле залегли,
Видишь светлую душу земли!

Где зеленый раскинулся луг —
Это — сила трудящихся рук,
Это — радости мирной жилые,
Это — верное счастье твое!
На тебя с надеждой глядел
Каждый памятник дедовских дел!
Если враг это рушит сейчас,
Если это он топчет, кичась, —
Чья душа не вспыхнет огнем?!
Разве в пропасть врага не столкнем?!
Где берет он хоть малую пядь, —
Он спешит в себя силу впитать! —
Там, где верх он над нами берет, —
Сил лишить он стремится народ!
О, скажите! Кто это поймет, —
Разве можно еще отступать?
Разве есть у нас лишний вершок,
Полвершка, самый малый лишок,
Что не жалко врагам уступать?
Нам разбойники рабством грозят!
Помни воин: ни шагу назад!
Чем позорного рабства печать, —
Смерть не легче ли нам восток крат?
О великое племя! Вы,
Наши юноши, наши львы,
Никогда еще о себе
Не слышали дурной молвы,
Не терпели еще обид,
Вас не жег униженья стыд!
Гордой матери молоком
Вскормлен родины сын — джигит!
О, свободной земли сыны,
Гляньте в дымную даль войны:
Там прекрасные города
Топчет вражеская орда!
Там казненные без вины
Дети раненые видны,
Пощадить дитя молит мать,
Стонут женщины — плач кругом!..
Как придавленную врагом
Честь, достоинство сохранять?!
Жгучей жалости боль в груди
Разве можно стерпеть? — Иди!

Счастье мщения впереди!..
Кто не знает усталости, тот
По врагам побежденным пройдет!
Помни: трус не останется цел,
Себялюбец себя не спасет,
Будет прятаться, будет слабей
Дикой курицы в травах степей!
О мой сын, только трусом не будь,
Этой чаши горчайшей не пей!
Разве может народу помочь
И спасется ли в грозную ночь
Жалкий заяц, пустой воробей?
Прочь, кто трусит и плачется, — прочь!
О, послушайте старца призыв!
Если дышишь еще, если жив,
Если двигаться в силах рука,
Не подрублины ноги пока, —
Бей врага, милый сын, бей врага!
Чтобы выстоять, чтобы не сдать,
Можно, сын мой, каменным стать!
В сталь, в железо себя обратить,
Чтоб от Родины смерть отвратить!
Сыновья! Нет дороги иной, —
Наступайте, волна за волной!
Чтобы враг захлебнулся волной,
Чтоб задохся и выдохся он,
О боец, бей врага! Ты не слаш!
Как стоит горнокаменный кряж,
Надо встать, сыновья, надо встать!
Нами созданный мир будет наш!
Если гнев твой остер, как меч, —
О, зачем свою кровь беречь?
Бей врага, мой сын, бей врага! —
Это Родины нашей речь!
Сын мой, тверже будь, чем гранит,
Будет вдребезги враг разбит!
Бей врага, мой сын, бей врага! —
Это Сталин тебе велит!
Будет счастье и будет свет!
А для воина смерти нет!

Сентябрь 1942 г.

НЕСОКРУШИМАЯ КРЕПОСТЬ

Про дела счастливой страны
Пел я в мирные времена,
Но, друзья мои, в дни войны
Песня гнева больше нужна.
Мне покоя гнев не дает!
Ночи целые напролет
Я тревожный мысленный взгляд
Устремляю на Сталинград.
Хочет враг занять берега
Нашей славной Волги-реки...
Руки коротки у врага! —
Обломаем ему клыки,
Поскользнется его нога!
Сталинград... не каждый ли дом
Повествует здесь о простом
Славном воине-смельчаке,
Что с ружьем, сжатым в руке,
Защищает волжский простор
И свободу казахских гор?!
Ты не дрогнешь, воин-смельчак!
Вспомни в дни тягчайших невзгод
Как когда-то русский народ
Защищал свой каждый очаг.
У могучей нашей реки
Сталин братьев твоих сплотил,
И отец, что тебя взрастил
Всем лишениям вопреки,
Под Царицыном победил.
Твердо знают и стар и млад:

Враг наш скоро будет разбит.
Совесть мира на Сталинград,
Затаив дыханье, глядит.
Защищай же волжскую ширь,
Безупречный мой богатырь!
Высоко над краем родным
Сталин знамя борьбы вознес,
В Сталинграде — пламя и дым,
Но стоит он прочней, чем утес,
Там сражается и казах,
Мой сородич неустрашим.
Знаю — выстоит он в боях,
Будет Сталин доволен им.
Я не белый клочок оторвал
От седой моей бороды, —
Я родного сына послал,
Сталинградцы, в ваши ряды!
Провожая его в поход,
«Алгадай! — сказал я ему. —
Бей как следует вражий сброд,
Докажи, что ты не урод,
Что в Джамбуловом вырос дому!»
Я сказал ему: «Алгадай!
Будь подобен живому письму —
Мой привет бойцам передай!»
Сталинградцы! Песни мои
Алгадай мой вам пропоет,
Пусть в бурленье волжской струи
И Джамбул свой голос вольтет.

Октябрь 1942 г.

КЛЯТВА ПОД ЗНАМЕНЕМ

Казах-скотовод! Мы вместе росли,
Мне с детства знаком твой мудрый нрав,
Мне песни о славе родной земли
Нашептывал ты под шорох трав.
Итти, отвлекая порчу и вред
От блеющих и от мычащих стад,
Все время за ними итти вослед, —
Вот жизни твоей вековой уклад.
Грозили им бури и холода,
И волки, и воры, и тьма невзгод,
Но, сил не щадя, ты холил стада
И ночью и днем, казах-скотовод!
Прикрывшись полой, щекой к рукаву,
Промокнув от темени и до ног,
Под ливнем, ты все же держал бечеву,
Вполглаза дремля, добро ты стерег.

Я видел, колхозник, твои стада,
Но счесть их мне было неумоготу...
Колышется степь, как в море вода,
И в этой степи раздолье скоту,
Здесь выпаски всех четырех родов.
Средь шерсти, рогов, горбов и грив
Я гикать, как в молодости, готов,
И грудь мне вздымает мощи прилив!
Меж всадников статных, домброй звеня,
Сквозь эти богатства, сквозь их нагул
Направил шаги гнедого коня,

Качаемый иноходью, Джамбул.
Вдоль гор продвигаются табуны,
И лоснится волос, как мех бобра;
Пылят годовалые шалуны,
Во всю жеребья идет игра.
У каждой буренки, гордой на вид,
Запас молока и свеж и тяжел;
Вот вымя ее сосун теревит,
И радует взоры знатный отел.
На пастбищах звуки щедрой весны:
О песнях горбатеньких верблюжат
Ягнята младенческой белизны
По-своему высказаться спешат...
Табунщик, телятница, овцепас!
Кто лучше, чем вы, их речи поймет?
В труде напряженном я видел вас,
И в старческой песне ваш труд живет.

Когда ненасытный и лютый враг
Вломился на наш священный простор.
Казах-скотовод все силы напруг,
Он жаждой отмщенья зажег свой взор.
Табунщик на фронт коня снарядил,
Ему расчесав и гриву и хвост.
Он в мирное время табун растил,
Но знал, что и в бурях будет прирост.
Я вижу, телятница, что и ты
Для кухонь походных растишь приплод.
А если в бою пересохли рты, —
Вот сливки для них, густые, как мед!
Проживши без малого сотню лет,
Я хрупок, но силы все же припас.
Друзья-скотоводы, пусть мой совет
Приказом и клятвой звучит для вас!

Давайте же силы соединим,
Чтоб доблестный воин досыта ел!
Пусть вашим трудом он будет храним!
Пусть немцев гуртом берет на прицел!
Давайте на части рубить змею,
Что в наше отечество заползла!

Вернемте всех тех в родную семью,
Чьим мукам нет меры и нет числа!
Клянись, казахстанец, помочь в бою
Советской Отчизны славным сынам,
И Сталин услышит клятву твою
Под знаменем чести, врученном нам!
Будь верен присяге! Где стал, там стой!
Всегда мы такие, из рода в род.
Тебя поздравляет акын седой,
Он знает твой нрав, простой скотовод!

Апрель 1949 г.

УТЕГЕН-БАТЫР

Вольно, просторно, вдохновенно,
Как арык играет пеной,
Я, Джамбул, пою поэму
Про батыра Утегена.

Я не сам ее слагаю.
Где я взял ее — не знаю.
Мне ее пропели ветры,
Что степями пролетают.

В криках дикого оленя,
В соловьином нежном пенье,
В гордом клекоте орлином
Я слышал об Утегене.

В плеске волн и в шумной пене,
В тихих шелестах растений,
У зари, у звезд падучих
Я узнал об Утегене.

По горам и по долинам
Я бродил, аул покинув,
И слышал об Утегене
От жирши и от акынов.

Век за веком шли бесценно,
Но хранила Утегена
Память нашего народа,
Что бессмертна и нетленна.

Я домбру звенеть заставлю,
Утегена я прославлю,
Но к народному преданью
Я ни слова не добавлю.

Не лукавя, буду петь я,
Чтобы встал в правдивом свете
Этот образ величавый,
Пронесенный сквозь столетья.

Утеген родился летом,
Теплой ночью, пред рассветом,
В Джетысу, в роду Дулата
И в семействе Сырымбета.

Ветры теплыми ночами
Колыбель его качали.
Два крутых, упрямых рога
Ясный лоб его венчали.

С детства счастье с ним дружило.
Говорили старожилы,
Что рога его крутые —
Верный знак батырской силы.

Светлый ум и жар стремлений
Покоряли в Утегене.
Статный, гордый и красивый,
Был похож он на оленя.

Развились в батыре рано
Ловкость барса, слух джейрана,
Зренье беркута и сила
Непокорного арстана.

Был он первым среди сотен
На байге и на охоте,
А в кругу друзей на тое
Весел, прост и беззаботен.

Так, как любят мать родную,
Он любил страну степную,
Горечь трав, цветов дыханье,
Жизнь казахов кочевую.

Джетысу, земля казахов,
Знала много бед и страхов
И была залита кровью
Человеческой, как плаха.

Споры в тех краях решались
Силой мускулов и стали.
И киргизы, и калмыки,
И казахи враждовали.

Сабли острые свистели,
Кони ржали, стрелы пели.
К свежим трупам после сечи
С криком коршуны летели.

В восемнадцатом столетье
Степь постигло лихолетье:
Белый царь грозил походом,
Кандалы суля и плети.

Над кочевьями, как птицы,
Вились крыльями зарницы,
И в зловещих предсказаньях
Быль сплеталась с небылицей.

Стоны плыли над степями,
Над джайляу, над горами:
— Джетысу к царю отходит.
Горе нам! Что будет с нами?

В Утегене зазвучали
Струны гнева и печали,
Но в огне беды народной
Воля стала тверже стали.

То, о чем не знали люди,
Утеген, бывало, судит, —
Он имел в себе чудесный
Дар предвидеть то, что будет.

Он предвидел: царь с ордою
Кровь в степях прольет рекою,
И народ родной застонет
Под тяжелою пятою.

Ханы, хитростью богаты,
Предадут народ за плату —
За кокарды, за медали,
За парчовые халаты.

Страху он не предавался,
Только силы набирался
И в далекие походы
Терпеливо собирался.

И когда закончил сборы,
Засверкал орлиным взором,
Как батыр, повел с народом
Он такие разговоры:

«Мой объятый тревогой народ,
Белый царь собирает поход,
В Джетысу его войско придет
И казахов в бою разобьет.

Кровь джигитов он хищно прольет,
Жен и девушек в плен уведет,
Скот угонит и землю возьмет,
Оттеснит тебя, бедный народ,

В глубь страны, где трава не растет,
Где лишь солнце с бескрайних высот
Беспощадно и гневно печет,
Где вода и весной не течет,

Где лишь огненный ветер плывет
И песок по барханам ползет,
Где мираж над песками цветет,
Обещая журчание вод.

Кто же к кристальным водам пойдет,
Тот могилу в пустыне найдет.
Мое сердце тревога берет —
Неизбежен царя к нам приход.

Кто из вас в себе силы найдет
Разорвать в себе паутину дремот?
Кто коней в табунах отберет
И пойдет с Утегеном в поход?

Утегена не слава влечет
И не кровью добытый почет.
Утеген целый свет обойдет,
Но удобные земли найдет,

Где вода ключевая течет,
Где трава, зацветая, растет,
Где невиданный даст приплод
Потучневший на пастбищах скот,

Где вздохнет от беды и невзгод,
Где забудет насилье и гнет
И заветное счастье найдет
Мой любимый казахский народ».

Смолк батыр, зовущий к славе,
На коне седло поправил.
Речью жаркою он многих
Призадуматься заставил.

Речь держал он не напрасно,
Призывая в путь опасный.
Вышли пятьдесят джигитов
И сказали: — Мы согласны.

Сразу смолкли разговоры,
Сникли ссоры, стихли споры,
Зазвучали причитанья,
Начались в кибитках сборы.

Утеген для нужд похода
Взял с собою много меда,
Чая, риса, белой соли,
Чтоб хватило на два года.

Взял табун коней ретивых,
Тонконогих, длинноногих,
Как джигиты, огнеглазых,
И как девушки, красивых.

Звонко цокнули копыта, —
Начал путь батыр со свитой.
Воздух подвигов вдохнули
Утеген и с ним джигиты.

Пылью путников встречая,
Шла дорога в царство чая,
На восток, где солнце всходит,
В земли желтого Китая.

Ехали, как едут в Мекку,
Через горы, через реки,
Наконец, предстал их взорам
Золотой от солица Пекин.

Там, как пышные павлины,
Восседали мандарины,
На полях под жарким солнцем
Земледельцы гнули спины.

И земли там мало было,
А людей так много было,
Что в глазах у Утегена
С непривычки зарябило.

Там народ, терпя невзгоды,
Вел борьбу за рис и воду.
Места не было в Китае
Для казахского народа.

Хоть джигиты утомились,
Пылью серою покрылись,
Не найдя земли заветной,
Все ж в обратный путь пустились.

Степи, горы, перевалы,
Свет от звезд да тень от тала.
В Утегене и джигитах
Сила воли не упала.

Путь они держали долго...
Наконец, в долине волглой
Запылал большим пожаром
Широко закат над Волгой.

Вот отсюда в путь разбоя
Белый царь пойдет с ордою,
Чтоб казахские кочевья
Сделать вечною тюрьмою.

Жаден царь, свиреп и страшен.
Табуны угонит наши,
Уведет с собой в неволю
Стройных девушек-казашек

«Дальше, дальше!» — крикнул страстно
Утеген, и окрик властный
Послужил для всех сигналом
Продолжать поход опасный.

Снова горы, перевалы,
Ветер горький, одичалый.
Где кибитка Утегена
В эти дни не побывала!

Утеген бродил по свету
В стужу зим и знойным летом
Как Коркыт, домбрист чудесный.
В песнях родины воспетый.

Розовой, росной ранью
Гасло в небе звезд сиянье.
В земли бедные хазаров
Привело его скитанье.

Увидал вожак похода:
Тощи травы, ржавы воды...
Нет и здесь земель привольных
Для казахского народа.

Накормив коней досыта,
Наварив побольше жита,
Утеген неутомимый
К Актюбе повел джигитов.

Кони тронулись, гарцуя,
Словно жар, горела сбруя,
И отточенные сабли
Засияли, словно струи.

Степи, балки, перевалы,
Дальний крик гусей усталых...
Как серебряные слитки,
Актюба им засверкала.

И тогда косем упорный,
От дорожной пыли черный,
Приказал разбить кибитки
У реки в степи просторной.

Сел косем. Река бежала,
Степь прохладой дышала.
И кумыс струей душистой
Лился, горло освежая.

Утеген молчал. Как птицы,
Мысли легкой вереницей
Отгоняли сон и дрему,
Трепетали, как зарницы.

«Я жену оставил дома
И, пространствами влекомый,
Как Коркыт, в степях скитаюсь
В блеске молний, в гулах грома

Но народ родной люблю я,
Землю для него найду я,
И земля удобной будет,
Как коню седло и сбруя».

Так он думал, и молчали
Степи, полные печали.
Под шатром ночного неба,
Утомясь, джигиты спали.

Месяц строен был и тонок,
Как красивый жеребенок.
Он по звездному джайляу
Набирался сил для гонок.

Тишина весь мир обвила,
И, казалось, слышно было,
Как звезда с другой звездой
Тихо в небе говорила.

Вдруг все травы зашумели,
Кони жарко захрапели,
И джигиты, просыпаясь,
Поднялись с своих постелей.

И почувствовали сразу,
Как тлетворную заразу,
Душный, чадный запах гнили,
Не дающий видеть глазу.

Запах едкий и смердящий,
Словно дым кошмы горящей,
Слезы вызвал у джигитов,
В темном ужасе дрожащих.

Тяжело дышать им стало,
Сердце каждого шептало:
«Ой-бай-яй! На чужбине
Смерть меня подстерегала».

Все джигиты вокруг косема
Собрались, от страха немые,
И один джигит промолвил:
«В эту ночь погибнем все мы».

Утеген, стрелок отличный,
К бедам с юности привычный,
Не дрожал, не волновался,
Вид имел совсем обычный.

Как батыр, прошедший войны,
Уважения достойный,
Утеген сказал джигитам
Тоном ровным и спокойным:

«Клубы гнилостного пара —
Это запах айдахара,
Но чудовище, должно быть,
Не затеет с нами свары.

Айдахар пришел к нам сытым,
Где-нибудь поодаль спит он.
Подождем. А страх впустую
Не пристоеен для джигита!

Будь он зол, — давно напал бы,
Растерзал и всех сожрал бы,
Как пылинка пред горою,
Пред чудовищем мы слабы.

Если ж нас он не тревожит,
Значит, можем мы спокойно
Отдыхать под синним небом,
Положив на землю войлок.

Задымит восток пожаром,
Мы увидим айдахара.
Я его повадки знаю,
Он пришел сюда не даром.

Безотчетный, темный ужас
Поселил в джигитах стужу,
Утро ясное им стало
Черной, страшной ночи хуже.

Тряс коней смертельный ужас,
Круг сжимался уже, уже,
И моча коней дымилась
Кровяной багровой лужей.

Утеген, батыр казахов,
Без сомнения и страха,
Даже брови не нахмурил,
Сел в седло свое сразмаху.

С видом гордого батыра,
Кто хранит желанья мира,
Он подъехал к айдахару,
Как таксыр в аул таксыру.

Осадил батыр тулпара,
Грозен вид у айдахара.
Он дышал, и жаркий ветер
Из ноздрей клубился паром.
Вид горы большой имело,
Было влажно и блестело,
Вздыбленной сто раз волною
Громоздилось его тело.
Он пестрел, лучом пригретый,
Шерстью всех цветов одетый,
Два стеклянных мертвых глаза
Зеленели тусклым светом.

Приготовившись к удару,
Глаз рукой закрыв тулпару,
Утеген сказал спокойно,
Обращаясь к айдахару:

«Эй, чудовище, мощен твой рот!
Ты лежишь, подперев небосвод.
В твой разъятый дымящийся рот
Весь табун лошадиный уйдет.

Твой тяжелый медлительный ход
Степь от края до края трясет,
Почему ты закрыл нам проход?
Не пускаешь джигитов вперед?

Я — батыр Утеген. Мой народ
В Джетысу изумрудном живет.
Я пустился в далекий поход
Как орел в поднебесный полет.

Меня знойное солнце печет,
Меня дождь беспощадно сечет,
Суховой меня пламенем жжет
И песком набивает мне рот.

Я брожу не один уже год
Средь степей, диких гор и болот,
И где желтого солнца восход,
И где красного солнца заход.

Я ищу не один уже год
Край, где жизнь без насилья цветет.
Где родной мой казахский народ
Землю, воду и счастье найдет.

Ведь печаль в твоём сердце живет.
Как во мне. Дай свободный проход.
Новый путь меня властно влечет.
И народ моих подвигов ждёт...».

Приоткрыв глаза и уши,
Айдахар батыра слушал,
Развалиясь цветисто-пестрый,
Как гора, огромной тушей.

Он одобрил в Утегене
Смелость, ум и жар стремлений
И, собрав все тело в складки,
Дал дорогу в две сажени.

Солнцем радости облиты,
Поскакали в путь джигиты,
Страх и горе темной ночи
Были сразу позабыты.

Но шесть верст не проскакали,
Словно вкопанные, встали,—
Снова прямо пред собою
Айдахара увидали.

Утеген, грозы суровой,
Меч для битвы приготовил
И к чудовищу подъехал,
Смоляные хмурия брови.

А чудовище лежало,
Воздух свистом оглашало,
По земле хвостищем било
Так, что степь под ним дрожала.

Брызжась яростно и гневно
Ядовитой теплой пеной,
Айдахар стремился в горы,
Увлекая Утегена.

Утеген с надежной свитой
Из пяти своих джигитов
В горы синие поехал
За чудовищем сердитым.

Перед их спокойным взглядом
Встали дикие громады.
С гор спадали в блеске радуг
Два кипящих водопада.

А в седых горах открылся
Вход в пещеру. Пар клубился.
Айдахар перед пещерой,
Задрожав, остановился.

Утеген подъехал ближе
К валунам, что пена лижет,
И, блеснув ружьем на солнце,
Подав знак: «Входи! Входи же!»

Айдахар вошел и воем
Известил начало боя,
Шум и свист, и хруст и скрежет
Стали слышны под землею.

Утеген был наготове, —
Смел, могуч и хладнокровен.
Бой затих. На воздух вышел
Айдахар, залитый кровью.

После этой страшной сечи
Айдахар боялся встречи,
Но батыр тут обратился
К айдахару с тихой речью:

«Смой водою крови пятна
И скорей ступай обратно.
Выгоняй врага смелее, —
Я готов на подвиг ратный».

Айдахар ушел. И снова
Вой и скрежет с силой новой
Раздались, и из пещеры
Кровь пошла рекой багровой.

Появились в клубах пара
Два свирепых айдахара,
Нанося друг другу в гнев
Беспощадные удары.

Был один из них моложе, —
Белоклыкий, пестрокожий,
Он хотел отбить пещеру
Ту, где старый юность прожил.

Бил он старого клыками,
Злобно рвал его когтями,
Старый, кровью истекая,
Утегена звал глазами...

Утеген, следя, как старый
Получает в грудь удары,
Выстрелил, пуская пулю
В молодого айдахара.

Пуля лоб ему пробила,
Сразу наземь повалила.
Эта ловкость Утегена
Всех джигитов восхитила.

Айдахар, что жив остался,
В водопаде поплескался
И, водой оmyвши раны,
Провожать гостей собрался.

По отрогам и камням
Он повел их с уваженьем,
Воздавая Утегену
Славу, честь и восхищенье.

Шли они дорогой ровной,
Степью знойной и огромной.
И увидели под вечер
Хвойный лес густой и темный.

Айдахар тут вострепенулся,
В горы синие вернулся,
На батыра и джигитов
Не взглянул, не обернулся.

Лесом шла тихонько осень.
Тих был вечер, хмур и росен.
Утеген-батыр заметил
Белый дом средь стройных сосен.

С темным страхом незнакомым
Утеген подъехал к дому
И услышал тихий голос,
Словно дальний рокот грома.

«Ты ли это, герой Утеген,
В хвойной чаще, у каменных стен?
Ты ли это, кто тысячный день
В мире странствует, словно олень?»

Отчего потерял ты покой?
Почему ты не едешь домой?
И везде, кроме сизой воды,
Ты свои оставляешь следы?

Пусть джигиты тебя подождут
Под сосновый размеренный гуд,
Если смелое сердце в груди, —
Слезь с коня ты и в дом заходи!»

Слез с коня батыр бесстрашный,
В белый дом вошел отважно,
Там его радушно встретил
Кайберен, седой и важный.

Были в этом доме стены
Белоснежной пышной пены.
Утеген с поклоном низким
Обратился к Кайберену:

«Слушай исповедь сердца, отец,
Сединой убеленный мудрец.

Предо мною дорог миллион,
Я в дороге, — и я утомлен.

Да, ты прав, потерял я покой,
Нет пути мне обратно домой.

Нет мне в мире иного пути:
Иль погибнуть, иль землю найти.

Я в родные края — в Джетысу —
На коне своем весть принесу, —

Весть о новых цветущих краях,
Где найдет свое счастье казах.

Муравей, жук, кузнечик — и те
О своем помышляют гнезде.

Даже серенький воробей
Ищет лучшего места себе.

Цапля ищет зеленых болот,
Рыба в синие глубины плывет,

Как же лучшего мне не желать,
Для народа земли не искать?

Я, как странник, по свету брожу,
Ни здоровья, ни сил не шажу.

Горе, боль, даже смерти приход —
Все приму за родной мой народ...».

И ответил ему Кайберен:
«Честь и слава тебе, Утеген!

Ты, как беркут, могуч и удал,
Быстроног, как алтайский марал.

Тебя ждут по дороге бои,
Ты послушай советы мои:

По ночам не являйся ты в дом,
Приезжай обязательно днем.

Будь в работе, в боях и в беде
Хладнокровным всегда и везде.

Удержи, если гневен собой,
Руку правую левой рукой».

Утеген пред ним склонился,
По-сыновнему простился,
Старику сказал спасибо
И в обратный путь пустился.

Снова степи, перевалы,
Ветер горький, теплый, шальный,
Чернобурое предгорье
Перед ними поднималось

И по ветру, над предгорьем
Лился, плакал на просторе —
Не людской и не звериный —
Дикий голос, полный горя.

Утеген сказал джигитам:
«Слышен голос страшных пыток.
Я один во тьму поеду
И узнаю, что там скрыто.

Если враг, — убью на месте,
Если друг, — вернемся вместе,
В темноте на крик ответить —
Это долг батырской чести».

Взяв ружье и саблю в руки,
Утеген пошел на звуки
И увидел айдахара,
Что стонал от страшной муки.

Он изранен был поганым
Белым змеем — абжиланом,
Что стрелой в него вонзился.
Углубляя к сердцу рану.

Если сердце змей достанет,
Сердце биться перестанет.
Айдахара, чудо-зверя,
На земле тогда не станет.

Утеген подумал быстро:
«Если зверя сгубит выстрел, —
Белый зверь тогда метнется
На меня, подобно искре.

Если ж выстрел сгубит змея,
Белошкурого злодея, —
Айдахар освобожденный
Благородным быть сумеет».

Грянул выстрел. С дикой силой
Эхо грохот повторило.
У злодея-абжилана
Пуля голову пробила.

Утеген-батыр вернулся
И джигитам улыбнулся.
Стали спрашивать джигиты:
«С кем же ты, батыр, столкнулся?»

Отвечал батыр им с жаром:
«Я во мрак ходил не даром,
Погубил я абжилана,
Спас от смерти айдахара.

Спите мирно. Ночь в разгаре.
Я уверен в айдахаре.
Чудо-зверь до смерти будет
За спасенье благодарен.

Если ж воздух будет жарок
От дыханья айдахара, —
Не тревожьтесь. Это значит —
Он принес нам свой подарок.

Благородно сердце в звере,
Впрочем, мы его проверим.
Эта хитрая уловка
Не доставит нам потери:
В степь мы дерево положим,
Что с джигитом спящим схоже,
Дав селло под изголовье
И покрыв халатом ложе».

Так и сделали. И скрылись,
Тихо в травах притаились
И, огня не зажигая,
Ожиданием томились.

Ночь. Возня мышей летучих,
Тихий шорох змей ползучих.
Ни одной звезды не видно,
И луна в косматых тучах.

Показались клубы пара —
Верный признак айдахара.
Затревожился джигиты:
Смерть несет он? Иль подарок?

Утеген могучий, стройный,
Как батыр, прошедший войны,
Не дрожал, не волновался,
Ожидал зари спокойно.

Птицы, встав с зарею вместе,
Спели утренние вести.
Человек бревно был виден
Все на том же самом месте.

Подошли к нему джигиты.
В изголовье были скрыты
Голова змеи и с цею
Золотой тяжелый слиток.

Светлый слиток подняв золотой,
По размерам, как чайник большой.

Утеген им сказал: «Этот дар
Благодарный принес айдахар.

Если мы совершаем добро, —
Шлют нам золото и серебро.

Если ж зло совершаем, тогда
Ожидает нас зло и беда.

Надо быть справедливым всегда, —
Не страшна тогда будет беда.

Будем биться везде за народ,
За обиженных вдов и сирот.

Всем, кто трудится, жизнь принесет
Честь и славу, добро и почет,
Им везде уважение всех,
А лентяям — презренье и смех».

Перевалы, перевалы,
Горный кряж гнедой и чалый...
Утеген повел джигитов
По дороге к Кент-Аралу.

В Кент-Арале пастбищ мало.
Через камни Тас-Арала
Утеген повел джигитов
По пустыням Кум-Арала.

Сквозь пески и волны зноя
Он дорогою прямой
Вел их к водам в царство цапли,
В синий край Бирказантоя.

В глубине большой долины
Встали сосны-исполины.
Лес густой, нахмутив брови,
Пел старинные былины.

Быстро сумерки сгустились,
Травы росами умылись.
Утеген и с ним джигиты
На ночлег остановились.

Лес в дремоту погрузился,
Над костром дымок струился,
Казаны дышали жаром,
В них баран в сурпе варился.

Вдруг из тьмы лесной и черной
Подшли к костру проворно
Две красавицы чудесней,
Чем рассвет степной и горный.

Щеки их зарей пылали,
Звездами глаза сияли.
Их прекрасные одежды,
Как жемчужины, мерцали.

Было много нежной лени
В обольстительных движеньях,
И журчали голоса их,
Как ручьи среди камней.

У костра они сидели,
На джигитов не глядели,
А джигиты от красавиц
Отвести глаза не смели.

Хлебосолен и радушен,
Предложил батыр им ужин,
Но красавицы сказали:
«Жирный ваш баран не нужен!»

Золотилось мясо в сале,
Все джигиты мясо взяли,
А красавицы с насмешкой
За едою наблюдали.

Вот джигиту кость попалась,
А красотка засмеялась:
«Почему живую костью
Неживая кость ломалась?»

О траву он вытер сало,
А красавица напала:
«Почему джигит неумный
Вытирает сало салом?»

Посмеялись и в мгновенье
Скрылись, словно сновиденье.
Лишь манили, удаляясь,
Звоном струн телодвиженья.

И когда затихли в мраке
Шелест, шопот, шорох всякий,
Утегел сказал джигитам:
«Эти были жез-тырнаки.

Племя их порой ночью
Манит светлой красотой
И алмазными когтями
Жадно губит все живое.

Жизнь идет у них ночами,
Рвут сердца они когтями.
Когти их острей булата,
Тронут — прахом станет камень.

Мы беседуем. Однако
Их глаза горят из мрака:
Будьте бдительны. Настала
Ночь охоты жез-тырнаков.

Жез-тырнаки злее зверя,
Мы коварность их проверим.
Эта хитрая уловка
Не доставит нам потери.

В лес мы дерево положим,
Что с джигитом спящим схоже,
Дав седло под изголовье
И покрыв халатом ложе».

Так и сделали. И скрылись,
На деревьях притаились...
В темноте, держась за ветки,
Ожиданием томились.

Ночь. В дупле пищат совыта,
Серый волк бредет куда-то,
Звезд не видно. Бледный месяц
В тучах рваных и косматых.

Утеген, укрытый тьмою,
Дожидался под сосною,
Он ружье свое проверил,
Был готов к ночному бою.

Вот в густом зловещем мраке
Свет взметнулся, словно факел.
Выстрел грохнул. Снова выстрел, --
Так погибли жез-тырнаки.

Птицы, встав с зарею вместе,
Спели утренние вести,
Ни седла и ни халата
Больше не было на месте.

И бревно, и ткань халата,
И седла царяд богатый
Под когтями жез-тырнаков
Стали пылью сероватой.

Утеген собрал джигитов,
Снова вспомнив про Коркыта,
В путь пустился. Жез-тырнаки
Скоро были позабыты.

Степи, реки, перевалы,
Лес и горные увалы...
Море темной синевою
Перед ними засверкало.

Ветер мчался на просторе,
Волны бились, с ветром споря,
Пена хлостью взбивалась,
Бушевало гневом море.

Сорок суток, ветра полных,
Бились яростные волны,
Утеген, смотря на море,
Ехал строгий и безмолвный.

А за морем сквозь туманы
Встали желтые барханы.
Синий зной висел проклятьем
Над пустыней бездыханной.

В этом мертвом царстве каждый
Был не больше, чем однажды.
В тишине, в песках горячих
Находил он смерть и жажду.

Там стоял, как нар горбатый,
Город, вымерший когда-то,
Серый, выветренный, страшный,
Как скелет, песками сжатый.

Там пески ползли и пели
Чуть заметно, еле-еле,
На песках верблюжьих кости
Ослепительно белели.

От колодца до колодца
Сгубишь десять иноходцев,
Месяц мчишь там и не встретишь
Ни реки и ни болотца.

Утеген, песком овитый,
Сорок суток вел джигитов
Сквозь безводные пустыни
И поил их всех досыта.

За песками в сизых тучах
Встал пред ними лес дремучий.
Мрачный и непроходимый,
Многошумный и певучий.

Сосны, ясени и клены,
Черный дуб, чинар зеленый
Пред джигитами стояли,
Словно войско, непреклонно.

Сорок суток через чащи,
Через лес, листвою шумящий,
Утеген с отрядом ехал
В край заветный и манящий.

Наконец, в начале лета
Начались в лесах просветы.
За лесами степь лежала,
Вся цветами разодета.

Все вокруг благоухало,
В тишине вода журчала.
Пред батыром Утегеном
Жиделы байсын предстала.

... Утеген! Вот мечтаний венец!
Ты нашел край чудес, наконец!
Посмотри, как лазурь высока,
Как привольно плывут облака!

Посмотри на разливы зари,
На степные цветы посмотри!

Посмотри, как тенисты сады,
В них душистые спеют плоды,

Они слаще, чем липовый мед,
Они, падая, просятся в рот.

Без поливки и без кетменя
Колосятся поля ячменя.

Белый хлопок блестит серебром,
Земляника алеет ковром.

Ты глаза хорошенько протри
И на дичь, Утеген, посмотри!

Здесь кояны крупнее козлов,
Воробьи здесь размером с орлов.

Посмотри на джейраньи стада,
Их никто не сочтет никогда.

Посмотри на опушке леска
Козы черные — кара-каска.

Они ростом крупнее коней,
А их мясо ягненка нежней.

Выбрал домом себе этот край
Легендарный чудесный домбай.

Посмотри, многоводна, сильна,
Разливается речка Мана,

В камышах и на светлой воде
Стаи уток, гусей, лебедей.

А в степях, среди трав и цветов,
Много пестрых фазанов и дроф.

Ты смотри и любуйся, батыр,
Пред тобою нетронутый мир,

Где родной твой казахский народ
Земли, воды и счастье найдет.

Запах трав, Утеген, ты вдохни,
От скитаний своих отдохни...

Утеген не хотел отдыхать,
Слез с коня он и начал искать.

Он искал сорок дней и ночей
Трав, пригодных для корма коней.

Степь от края до края прошел, —
Только трав этих он не нашел,

Что за ценность стране, если в ней
Нет травы для казахских коней?

Ведь казах без степного коня,
Как осенний костер без огня.

И заплакал в степи Утеген,
Как герой, заарканенный в плен,

Как в песках раскаленных седок,
Конь которого рухнул, издох.

Обступила его темнота,
Умирала в батыре мечта.

И пошел Утеген в темноту
Хоронить золотую мечту.

... Утеген, Утеген! Где же ты?
Отзовись из немой темноты!

Я, Джамбул, из степей Джетысу
Тебе новые вести несу.

Если б мог из могилы ты встать
И сейчас Джетысу увидеть, —

Не узнал бы родной стороны,
Перед явью померкли бы сны.

Посмотри — озарен, осиян,
Встал одетый в лучи Казахстан.

От Тянь-Шаня его простор
До Уральских яшмовых гор.

У казахов своя страна,
Слов земли на все времена

У казахов цветет свой флаг,
Как горячий пурпурный мак.

У казахов сияет свой герб —
В солнце слитые молот и серп.

У казахов, как сбывшийся сон,
Свой счастливый и мудрый закон.

У казахов журчит, как арык,
Свой живой и свободный язык.

Урожай у казахов богат,
Молодые заводы дымят.

И своя в водоемах вода,
И свои по степям города.

Посмотри, мой джолдас, посмотри,—
В чистом пламени ясной зари

Пред хозяевами сполна
Все богатства раскрыла страна!

Кара-Тау дает свинец,
Кокче-Тау гонит овец.

Тянет с золотом руки Алтай,
Медь обильно дает Карсакпай.

Белый хлопок дарит Чимкент,
Предлагает руно Джаркент.

Золотые, как в сказке, хлеба
Для народа растит Актюба.

Скачет так, что трясется земля
По степям, где лишь ветер гулял,

Меж озер и меж каменных глыб
Вороной, с дымной гривой, Турксиб.

Дни и ночи грузит поезда
Черным золотом Караганда.

В Эмбе гордые вышки стоят,
И кипит нефтяной водопад.

В Кармакчинской степи зреет рис,
В Ала-Тау сады поднялись,

А в садах, слаще сна и мечты,
Спеют яблоки Алма-Аты.

А в степях, где душисты цветы,
Вольно бродят овечьи гурты.

С белой шерстью нежней облаков
Табуны вороных скакунов.

Табуны золотых скакунов,
Чалых, сивых, гнедых скакунов

Под железное пенье подков
Скачут степью быстрее ветров.

На закате, что сиз и багров,
Над стадами молочных коров

Пыль клубится и пахнет кругом
Теплым, сладким парным молоком

А когда отпылает закат,
И начнется во тьме звездопад.

Чабаны, как детишек, хранят
Теплых, мягких, безрогих телят,

Тонкорунных, кудрявых ягнят,
Тонконогих степных жеребят,

Неуклюжих смешных верблюжат,
Черноглазых мохнатых козлят.

И они от росы не дрожат,
Потому что теплыню богат

Край народной заветной мечты,
Край обилия и красоты.

Ты глаза хорошенько протри,
Посмотри, мой джолдас, посмотри

На фазанов, на дроф, на гусей,
На трубящих весной лебедей.

На Алтае плодится марал,
Рыбой плещется синий Арал.

По степям, где трава и вода,
Вольно бродят джейраньи стада.

Все, что щедро цветет и поет,
Это наше — твое и мое!

Вся страна, что мужала в боях,
Она наша — твоя и моя!

Разогнул свою спину казах
И почувствовал солнце в глазах.

За спиной не стало горба,
Человеком он стал из раба.

Эту правду и солнечный свет,
Эту звонкую радость побед,

Эту жизнь без насилья и слез
Сталин мудрый и добрый принес.

Он — батыр из батыров. О нем
Песни грянули ветры и гром,

И кипящий горный поток,
И звенящий в барханах песок,

И на ветках весенних листы,
И ручьи, что звонки и чисты.

И серебряный грозный буран,
И жирши и акыны всех стран.

Сталин — солнце! Гори и свети!
Богатырским здоровьем цвети!

И неси — всемогущ и силен —
Счастье людям всех стран и времен!

СУРАНШИ БАТЫР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В руки белую домбру
Вдохновенно я беру,
Льются чистые потоки
В море песен звоном струн.
Море свежести полно,
Как булат, блестит оно,
Солнце в нем отражено,
Как тростник в озерной глади,
Ветерком возмущено.
Никогда оно не спит,
А на дне морском лежит
Камень редкий, драгоценный,
И волшебный свет струит.
Море песен звонким гулом
Омывает этот камень —
Камень, прозванный Джамбулом,
Не стареющим веками...

2

Песни сердца я слюгал,
Ветром песен я летал,
Был, как лед, рекой гонимый,
Как руда не иссякал.
Десять дней словесный бой

Вел, приехав я на той.
Как зерно на поле птица, --
Собирал народ родной.
Этих песен дар степной.
Алатауские хребты,
Травы, пчелы и цветы
Эхо песен поднимали
До орлиной высоты.
Песне признанной — простор:
Шире степи, выше гор
Песня смелая, и вечен
Золотой ее узор.

3

Званья стоит ли река,
Если в ней вода мелка,
Если в ней мутна вода,
Если в ней журга горячий
Не напьется никогда?
Званья стоит ли ученый,
Если слово не точено,
Если сам он не остер,
Если сказанное людям
Не пылает, как костер?
Званья стоит ли певец,
Если в песнях он скупец,
Если песни не тревожат
Миллион других сердец?

4

Званья стоит ли поэт,
Если в нем таланта нет,
Если он не может лететь,
Если жажду он в пустыне
Не поможет одолеть?
Если сам он языком
Не сравнится с родником
Если песня в перепутье
Не прольется чище ртути,
Если песня с сердцем в лад,
Грохоча, как водопад,

Заглушая рокот рек,
Не пробудит мысли, чувства
В миллионах человек?

5

Званья стоит ли поэт,
Если в песне силы нет,
Если песня лед не плавит
И смеяться не заставит
В час, когда бушует вьюга,
Обездоленного друга,
Если песня, как джигит,
В смелой схватке не разит?
Званья стоит ли поэт,
Если страсти в песне нет,
Если песня черепахой
Одинокою ползет,
А певец ее со страхом
В угождение поет
Полушепотом навзрыд
Под бречание домбры?
Сердца нет, — и голос тонок
И величья в песне нет, —
Он, как блеющий козленок,
Он козленок, не поэт!

6

Лук — домбра, а песни — стрелы.
Ими пользуйся умело!
В кочевых моих долинах
Суюмбай — акын акынов,
Так говаривать любил,
Если песнею поэта
Для народа, плохо спетой,
Недоволен старец был.

7

Эта песня о былом
О далеком, но родном,
Это памятник батыру

С златогривым скакуном.
Перегнувшись на боку,
Брал он скалы на скаку.
Он прокладывал дороги
По сыпучему песку.
Он в степях врага разил,
Кровью недруга поил...
Степь родная, со вниманьем
Слушай ты мое сказанье.

8

С той поры, как я Джамбулом
Стал на свете, а в аулах
Ураган поднял песен,
Сердце сокола проснулось.
У киргизов, у казахов
Был напев мой одинаков,
Суюмбай в неволе горькой
Научил меня не плакать.
Знаменосец дум непетых,
Суюмбай пришел с советом.
Он сказал: воспой батыра,
Вдохновением согретый.

9

Четверть века бушевала
Силой страсти небывалой;
Ой, рука моя, — железо
Закаленное сгибала.
Без пера и без чернил
Песня звонкая рождалась,
Мне домбра, моя пезунья,
Лист бумаги заменяла.
Жил я долго в лихолетьях...
Были дни — хотел не петь я,
Но желание народа
Не исполнить мог ли сметь я?

10

Если, сын, направишь взоры
Ты на небо и на горы,
Если голову подымешь

Над бессмертием просторов, —
Ты увидишь Ала-Тау,
Гор крутых небесных славу,
Лед, как шлем, а снег — кольчуга
На вершинах Ала-Тау.
А внизу, в степной долине
Запах мускуса — полыни,
И смородина густая
По лесам в предгорьях стынет.
Ала-Тау в мирозданье
Стар. Народ хранит в преданьях
Много дум и много споров
О его былых названьях.

11

Распорол живот небес
Острый пик Суук-тюбе.
Каргалы до звезд восходят,
Держит тучи Кок-тюбе,
Уш-коныр и Куртыш-бас,
Кзыл-Кунгей, летовка Ас,
И Хан-Тенгри — пик всех пиков.
И угрюмый Кызыл-тас.
И во всех живут паречьях
Семь хребтов крутых, как плечи,
Называют их в народе
Полной грудью — Семиречье.

12

Если тучи соберутся, —
У подножья реки льются,
На вершинах снег холодный,
А в долинах травы вьются.
На вершинах льдина виснет, —
Молоко в долинах киснет...
Разве это не пробраз
Многолетней нашей жизни?
Если радость день гостила,
Смерть по месяцу ходила...
Сколько здесь прошло столетий,
Сколько здесь батыров было!
Сколько ханов и народов

Совершили здесь походов,
Сколько здесь событий было
Под холодным небосводом!
Об одном из них спою я...
Не горюя, не тоскуя,
Пой, домбра, поэму эту
О батыре звонко лью я.

13

Говорили так со вздохом:
— О эпоха, ты эпоха,
Ну, а кто ж хозяин ей?
Человек, который охал?
Ты вини его. Не тесен
Мир. Эпоха — ветер песен!
Но тогда хребет труднее,
Коль и грозен и отвесен.
На хребты народ глядел,
На народе хан сидел...
Мраком выткана эпоха,
Шел народ, терпел и пел.
Караваном тихим годы,
Кочевым потоком воды
Протекали, пролетали
Со страдающим народом.

14

Белый царь эпохе рад,
Он собрал своих солдат,
Царь надел на них шинели:
И погнал на Шубарат.
На чужой земле скорее
Он зажить хотел добрее,
Торолился сесть покрепче
На простой народной шее.
Старый лук тянул казах,
Царь пошел на Семиречье
В стопудовых сапогах.

В юртах страх гулял убогих,
 А хозяева и боги,
 На отборных сев коней,
 Поскакали по дороге.
 На привалах отдыхали,
 Безворотки одевали,
 Пили крепкий чай, как воду,
 Самопалы заряжали.
 У холодных стен Копала
 Пушка их свинцом стреляла
 И волосья на знаменах
 Разрывала, разметала...
 Царь в степях прошел не просто,
 Постелил он смерти простынь,
 Дети, матери и жены
 Пели песню над логостом.
 Свора царская гуляла,
 Свора ханская гуляла,
 Юрты старые кромсала,
 Табуны брала с собою
 И аулы поджигала.

16

Не просил народ пощады,
 Он смотрел усталым взглядом
 На Ормана с Худояром,
 Наливалось сердце ядом.
 Знал народ свое реченье:
 — Кто к врагу идет с прошеньем
 О пощаде, тот бессилен
 И не стоит уваженья...
 Кто, о чести забывая,
 Просит милости у бая, —
 Жалок тот и безнадежен
 И о нем молва худая.

17

Шли одни и за горами,
 Окруженные врагами,
 Протоптали к Ай-Қарыну

Путь худыми сапогами.
Шли другие, скарб бросая,
Шли, костров не зажигая,
Шли измученные дети
Шапрашты и Карасая...
Тень врага была сокрыта,
Степь не знала, что джигиты
Из родных степей Дулата
Принимали с ханом битвы.
Третьи шли, их непогода
Привела к илийским водам --
Там аулы Майамыра
В лес несли мечты парода.
Но в лесу их ждали ханы,
Звон мечей и свист аркапов.
Непокорные джигиты
Умирали, как арстаны.

18

Семь отважных сыновей,
Семь красавиц дочерей
На верблюдах одногорбых
Убегали от зверей.
На пути у них река --
Буйный враг без языка ---
В пене бешеной гудела,
Разбивала берега.
Нары гордые легли,
Нары слышат рев реки...
Сорок воинов взметнули
Обнаженные клинки,
Сорок ханских удалцов
Настигали беглецов.
Слышит берег грозный клич:
— Вот добыча из добыч,
Нар жену привез джигиту,
Со счастливица магарыч!
Травы берега близки,
Но, завидев вдруг клинки,
Нары головы склонили
И легли на дно реки.
Семь отважных сыновей,

Семь красавиц дочерей
Шли на дно и смерть встречали,
Честь свою оберегали.
Волны буйные сходились,
Птицы вешие кружились
Над султанским черным станом,
Бурей тучи разразились.
Семь отважных сыновей,
Семь красавиц дочерей
Так погибли, оберегая
Честь поруганных степей.
Шла молва от уха к уху,
Нарастала злоба глухо,
С горьким плачем у реки
Шла безвестная старуха.

19

Шумный спор вели метели,
Вихри буйные свистели.
Хан кромсал, колол и резал,
Стели жег, они горели.
Хан стадами гнал народ.
Думал хан, что рабский род,
Кроме плача, кроме стона,
Ничего не пронесет.
Раздувал пожары ветер,
Шли измученные дети
Жангараса и Жантая,
Проклиная все на свете.

20

Горько девушки рыдали...
Молча слезы утирали
Старики в своих кибитках
И батыра-сына ждали.
, И рыдали даже горы
В ожидании опоры...
Из Коканда заходила
Тучей черной ханов свора,
На земле не умещалась,
И земля лод ней трещала.

Табуны, детей, кибитки
Свора ханская сжигала,
Правил пир кровавый хан
На долинах Тас-Токан.
Он шатры свои раскинул,
Он разбил кровавый стан,
Правил пир владыка новый.
Он цветы давил подковой.
Муллы с беками кокана
Угощали льстивым словом.
Пьяны были без вина,
Кровью степь напоена,
Вились пестрые знамена,
И звенели стремена.
Между тем видали люди:
Мать-старуха на верблюде
Степь звала на месть святую,
Разрывая в клочья груди,
Кровь горячая вскипала,
Рядом девушка дрожала.
— Замолчи, слепая ведьма! —
Свора ханская кричала.
Волновалась степь, шумела,
Волчья стая песни пела,
Мать-старуха, степь родная,
О сынах своих скорбела.

21

У народа в час беды
Всломинается батыр,
Он развязывает узел,
Опоясывает мир.
Опустив глаза понуро,
В обездоленных конурах
На земле чертили люди
Завещание Даура.
И смотрели люди косо
На угрюмые утесы.
Вот он спустится, вернется
Богатырь черноволосый..

Суранши в утесах жил,
 Он с орлятами дружил.
 Сердце барса в львином теле
 Суранши родной носил.
 Отчего там жить ему
 На утесах одному?
 Аль красавица степная
 Не понравилась ему?
 Рассказал в аулах ветер —
 Все он видел, все заметил —
 Неспроста в утесах место
 Суранши себе приметил.
 Ветер в песне рассказал,
 Отчего в гнездовьях скал
 Суранши, батыр народа,
 Одиноким стан избрал.
 Пастбищ он своих не знал,
 Табуны султан забрал.
 Коротки батыра руки,
 Царь султану помогал.
 Е Уш-Коньуре жил, как рысь,
 Кочевал зимой в Арысь,
 Но дорог таких не видел,
 Чтоб у радости сошлись.
 Был отцом его Каске,
 Жил он вечно на песке,
 Он во сне лишь видел травы
 И мечтал о них в тоске.
 Прадед — старый Карасай,
 Прячась в норах, как лиса,
 Проклинал судьбу кедея,
 Ненавидел небеса.
 К рабству черному привык
 Он в ярме чужих владык...
 И один был сильный в роде,
 Был бесстрашный Саурык.
 Люд степной его любил,
 В сердце сокола носил.
 Сын народа, сын батыров,
 Саурык бесстрашен был.
 Он, как пусло горной речки,
 Он, как выстрел, без осечки.

Для казахов Улы-жуза
Он зимой теплее печки.
Если ветер загудит, —
Он от ветра защитит.
Если буря налетает,
Он от бури—верный щит.

23

На крутой скале ночуя,
Суранши смотрел тоскуя,
Как уходят без подвод,
На джайляу не кочуя,
Не укрыв себя чапаном,
Род Дулата, род Албана
Да Шапрашты, забитый род.
Обворованные ханом...
Шел батыр с ружьем в каменьи.
Он выслеживал оленя.
С вольным беркутом в охоте
Находил он утешенье.
А народ батыра ждал,
Он, измученный, стонал,
Он, врагами окруженный.
Покоряться не желал.
Будь — мечта его души —
Рядом смелый Суранши
Затрещали бы султаны,
Как в пожарах камыши.
Для кого большая честь,
Кто найдет, чтоб отвезть
В скалы грозные к батыру
От родных аулов весть?
Кто найдет тропу к нему,
Миновав туман и тьму?
Кто взойдет на пик суровый.
Недоступный никому?

24

— Не поглотит нас река!
Сила есть еще в руках!
Гэворили так в кибитке
Два седые старика.

Стынут слезы на песке,
И лежит рука в руке.
Поздно ночью ускакали
Карибоз и Мауке.
По неезженным увалам,
По безвестным перевалам
За посланцами седыми
Гыль густая подымалась.
— Если ехать прямиком,
Не столкнуться бы с врагом,
Не равна борьба джигита
С поседлым стариком.
Орды хана здесь прошли,
Повернем коней к Или! —
Карибоз свернул, и кони
К голубой реке пошли!

25

В гнездах скал садилось солнце,
Будет ночь. И вот предстали,
Как суровые виденья,
Мироздания камня,
Скалы грозные, как крепость
Гамерланова сиденья...
Справа виден Кара-Бас,
Слева — хмурый Жаланаш.
Мауке сказал: «Здесь двери,
Выйдет сокол, встретит нас!»
Иноходцев расседлали,
Ночью след в горах искали.
Но ни шороха, ни звука
На пути не услышали.
И вели совет у скал
Два седые старика.
— Это пик Қалмык-Ойгана?
Да! Дорога нелегка!
— Вот ущелье черных сайг!
— Здесь джайляу — Карасай...
— Там хребет с отсветом солнца
Подымает небеса!
— Мауке, родной, смелей,
Это виден Қзыл-Кунгей,
Это стойбище батыра.

Мауке, седлай коней!..
И долинами скакали,
И хребты крутые брали,
Чтобы стан найти батырский,
Где мечты степей летали,
Путь тяжелый позади,
Сердце гулко бьет в груди,
Вот он виден, стан батыра.
Счастье видно впереди.

26

Распрямив крутые плечи,
Суранши идет навстречу.
И попадали с коней
Два посланца Семиречья.
Мокры бороды от слез.
Суранши ковер принес.
Львиный стан согнул. Дрожали
Мауке и Карибоз..
А батыр рукой могучей,
Достающий в небе тучи,
Обнимает стариков.
На крутой орлиной круче
С ними он в молчанье скал
О степях затосковал.
Бидел он посланцев горе,
В их глазах укор читал,
Представлял свои долины
Без кровавых властелинов
И мечтал о том, чтоб лился,
Как река, напев акынов.
Знал он, степь батыра ждет
С окольцованных высот..
Был любимцем он в аулах,
Он, как жизнь, любил народ..
И рукой своей могучей,
Достающей в небе тучи,
Приласкал батыр отцов
На крутой орлиной круче.

27

Сел и снова загрустил,
Молча руки опустил.

Брови черные насупил
И седых гонцов спросил:
— Кто народ обидел мой?
Кто послал, отцы, за мной?
Кто осмелился нарушить
В горе найденный покой?
Осушив глаза от слез,
Тихо молвил Карибоз:
— Нас народ послал, а горе
Худояр с огнем принес.
Слышишь, степь тебя зовет!
Твой народ тобой живет.
Он родил тебя и холил —
Твой страдающий народ.
Он, голодный и раздетый,
Песней волчьей отпетый,
Ждет тебя в тревожный час,
Слышишь зов его, мой светоч?
Слышишь, сын мой дорогой,
Как одна страшной другой
За эпохою эпоха
Правят смерти черный той?
Видишь ханские законы?
Вместо песен, слышишь стоны?
Съел медведя воробей,
Обратился волк в дракона!
Отравил колодцы враг,
Стал глухим узун-кулак.
Ханов, беков и султанов
Стало больше, чем собак.
Стонет степь от их грызни,
А народу в эти дни
И от дерева гнилого
Тени больше, чем от них.
Нашу кровь, как воду, льют,
Нашу землю продают,
На большом народном горе
Вырос войлок ханских юрт.
С шими вместе царь идет.
Пушки с грохотом везет.
Смотрят жерла этих пушек
На испуганный народ.
Стал народ царю игрушкой,

Стала хану степь подушкой,
Царь и хан друзья по крови.
Степь застыла перед пушкой,
Смотрит черная в лицо,
А вокруг врагов кольцо.
Кто сегодня непокорен, —
Завтра будет мертвецом!
Царь дорогу нам дает —
Собирать в степи помет.
Посмотри: ошейник царский
На себе несет народ!

28

Худояр в халатах ханских
Кровью пьян рабов кокандских,
Превратил в кокпар таджиков
На пирах Азрет-султанских.
Он хотел, как царь российский,
Быть владыкой орд каспийских
И владеть с Орманом вместе
Даром выпасов илийских.
Знал блудливый этот хан:
Не изменит друг Орман;
Утопив в крови киргизов,
Золотой он сшил чапан.
Лютым бешенством объаты
Худояровы солдаты,
Кровью налиты глаза
У разбойников богатых.
Степь слыхала этот вой:
Шли шакалы на разбой.
Как собаки, чуя мясо,
Жгли аулы за собой.
Меж Алтаем и Арысью
Конн их горячей рысью
Загоняли люд степной,
Загоняли в нору лисью.
Разве думать о коне?
В небе дым. Земля в огне,
Как трава, легли казахи
На своей же стороне.

В день тяжелый тяжек мир.
 Сапытай, степной батыр,
 Бросил степь и скрылся где-то
 На отрогах Сар-Кемир.
 Степью шел голодный волк,
 Сапытай-батыр умолк.
 Испугался он пришельцев,
 Променял кошму на шелк.
 Низко, густо шли туманы...
 Племя длинного аркана
 Узкой тропкой побрело,
 Оласаясь мести хана,
 Суранши народ зовет:
 — Ты готовь коня в поход,
 Ты избавь, батыр, от ханов
 Свой ограбленный народ!

В гневе грозном Суранши.
 Он поднялся с алаши,
 Он, как беркут в пору злости,
 С волком встретиться спешил.
 Острый взор горел огнем,
 Бушевала сила в нем.
 И земля дрожала глухо
 Под оседланным конем.
 На крутой вешун-горе
 В нетерпении горел,
 Сотрясая Ала-Тау,
 Звал своих богатырей.
 Звал Андаса, Туматая,
 Звал батыра Шымырбая,
 Звал джигита Нар-Боту —
 Сына снежного Алтая.
 Он друзей отважных звал
 И кольчугу одевал.
 Он в ружье подарки смерти
 Торопливо забивал.

Кони потные храпят,
 Пики острые блестя,
 Триста воинов к батыру
 На могучий зов летят.
 И сигнал к походу дан.
 Мчит батыр на Чемолган.
 — Выходи на поединок
 Из шатра, трусливый хан!

Виден стан врага вдали,
 Баи столько привели
 Волчьих орд, что на Кемете
 Нехватило им земли.
 — Суранши, не в добрый час
 Ты повел на битву нас.
 Нашей силы здесь нехватит, —
 Робко вымолвил Андас,
 — Не управиться с врагом...
 Если бросить пыль в него,
 То нехватит даже пыли —
 Тысяча — на одного.
 Зуб у нас еще тупой,
 Мы, как мышь перед горой
 Разве выкопать колодец
 На крутой горе иглой?

Суранши побагровел.
 Малахай лежит в траве,
 Поднялася тюбетейка
 На батырской голове.
 Меч блеснул, как волчий клык:
 — Придержи, Андас, язык,
 Не тебе ли знать, как с трусом
 Я беседовать привык.
 Нет преград для бегунца,
 Страха нет для молодца.
 Если ты рожден батыром, —
 Будь батыром до конца.

Разве войско хан ведет?
Разве сила с ним идет?
Сила там, где за джигитом
Подымается народ.
Я на ханскую орду
Против тысячи пойду,
Я клинком своим горячим
Счет батырский поведу.
Станет хан тогда кояном,
Я ворвусь к нему сыртаном.
И, как тысяча ворон,
Разлетится войско хана.
Кровью он залил страну
И слезами захлестнул.
Стали куклами у беков
Наши девушки в плену.
Тот джигит, кто за народ
В битве сердце отдает.
Трус пощады не дожидается,
Богатырь найдет почет.
Мой отец — народ родной,
Мать родная — степь со мной,
И за них я кровь по капле,
Вздых отдам последний свой!

33

В этот день с Сибирь-земли
Девять беглых в стан пришли,
Восемь русских и татарин
Девять ружей принесли.
Их привел с Уральских гор
Рудокоп седой Егор.
Суранши гостям неожиданным
Расстелил в шатре ковер
И спросил: — Не от беды ль
Забрели в степной ковыль?
Вы не сбились ли с дороги,
Вы не спутали ль следы?
— Нет, батыр, не сбились мы.
Мы бежали из тюрьмы.
Из тюрьмы Уральской царской,
Из глухой таежной тьмы,
А в далеком Актюбе

Мы узнали о тебе
И пришли помочь, как братья,
Мы твоей святой борьбе.

34

Обнимал батыр друзей,
Он седлал для них коней.
— На лихом ахал-текинце
На врага итти верней!
Ночью мы в поход пойдем,
Ночью хитростью возьмем
Войско ханов ненавистных,
Победим или умрем.
План, друзья мои, таков:
— На горах немало дров, —
Пятьдесят моих джигитов
Разведут пятьсот костров.
Пусть Ормана бросит в жар,
Пусть трусливый Худояр,
По кострам считая силы,
Будет ждать со скал удар.
Но... не все еще в кострах, —
Ночью вдвое больше страх,
Мы обтянем свежей кожей
Двадцать два пустых ведра.
Двадцать два моих сыртана
Пусть ударят в барабаны,
Чтобы дрожь пошла по шкурам
Худояра и Ормана.
Вы ж, друзья, из-за бугра
Гряньте русское ура!
Гряньте, чтобы долетело
До султанского шатра.
Ночь в степи не подведет.
Хан халаты подберет,
Хан подумает, что это
Войско русское идет.
И тогда на Ак-Туяк
Хану в тыл ударю я,
Чтоб летели малахай
С худояровых вояк!
Суранши не досказал,
Закипела в нем гроза,

Как разбросанные угли,
Гневом искрились глаза.

35

Выплыл месяц молодой
С путеводною звездой.
Солнце мутное садилось
В раскаленное гнездо.
На закат батыр взглянул
И подпруги подтянул.
Взял клинок тяжелый в руки.
На друзей своих взглянул,
Выпил чашку кумыса
И, как беркут в небеса,
Был готов взлететь, чтоб видеть
Горы, степи и леса.
А когда сгустился мрак,
Он сказал: — Друзья, пора!
Дал сигнал — и запылали
Скалы черные в кострах.
С гиком бросился батыр
На врага из темноты.
Разбегались часовые,
Сберегая животы.

36

Потерял рассудок хан,
Бьет тревожно барабан.
Бросил друга Худояра
Перепуганный Орман.
Ала-Тау весь в кострах,
Худояра давит страх:
— Это войско, тысяч двести
Там раскинулось в горах!
Видит хан в глаза беду,
Будит он свою орду.

Ни коня, чтоб в бой лететь,
Ни одежды, чтоб одеть,
Ни ружья, ни острый пики

Он не может разглядеть.
Верных слуг не видит он,
Шум ночной со всех сторон
Оглушает Худояра,
И бежит в испуге он.
Как бараны на песках
Стонут ханские войска...
Суранши ведет джигитов
На лихих аргамаках.
Он, как первый гром, гудит,
Он, как молния, разит,
Вихрем грозным он летит,
Все сметая на пути.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Скакуном в степях резвясь,
Солнцем в зной воспламенясь,
Я, Джамбул, продолжу песню,
Светлой думой вдохновясь.
Мчусь весенним ветром я,
Снег в мгновенье плавлю я,
Как веслом, что режет волны,
Так домброю правлю я.
Борода моя, как шелк,
Девяносто дней я шел
Иноходцем к состязанью,
Славу я в байге нашел!
Слово мудрое народ
На весы ума берет,
Пустота наверх уходит,
Слово в глубь сердец идет!
В песнях я не иссякал,
Ураганом пролетал,
Я алтайским самородком
На дождях весны сверкал.
Песни я свои несу
О батырах Джетысу.
Этих песен нет милее,
С кем сравню я их красу?

В битвы мой батыр ходил,
В битвах славу находил,
Он клинок точил о камень,
Он с плечом Сункара был,
Со стальным копытом был
И на кручах не скользил.
Три подъема без отдышки
Он, упрямый, проходил.
Он бесстрашен и велик,
Он поэм моих родник.
Богатырь мой в спорах смелых
Покоряться не привык.
Он — начало дум моих,
От него веду я стих.
Май-тюбе, батыр мой краше
Светлых родников твоих!

2

Был налет батыра яр,
Хан Орман и Худояр
Лето целое лежали, —
Был о них плохой хабар.
Дни в молчанье пролетали,
Беки глухо зароптали,
Хану молвили они:
— Ты бы, хан, с постели встал.
Ты коня бы оседлал,
Ты б своим манапам верным
Собираться приказал.
Вмиг мечи отточим мы,
На тулпаров вскочим мы,
Разве лежа на лопатках
Власть твою упрочим мы?
Слух плохой до нас дошел —
И Кебек и Нарынкол
За казаха встать готовы.
Свата там казах нашел.
Ты манапов собери,
С ними ты поговори,
Чапанами, скакунами
Ты манапов одари,
Пусть, довольные тобой,

Возвращаются домой,
В Нарынколе и Кебеке
Пусть народ подымут свой.
«На казахов налетим,
Мы казахов победим!» —
Так в степях манапы скажут,
Не жалея подарков им.
Ты бозы им не жалея,
Чтобы было веселей.
Созови ходжей, ишанов,
Керсени полней налей.
Ты святым отцам вели,
Чтоб манапов развлекли
Сказами о предках наших,
Повелителях земли.
Сам же время не теряй,
Войско быстро собирай,
Осквернить себя при жизни
Ты врагу не позволяй!
Ты батыру Суранши
В степь посланье напиши,
Пусть он смелую загадку,
Не задумаясь, решит.
Ты батыра вызывай:
«Коль мужчина, — приезжай,
Если ж бабе ты подобен,
Живота не утруждай!».

3

Ставка ханская ждала —
Гости едут с Миргала,
Из степей Жалалабада...
По дорогам пыль пошла.
Дар манапы хану шлют,
Еле движется верблюд,
От поклажи горб согнулся,
Великан от злобы лют.

Едут бай из Арки
Толстые, как турсуки.
Принимает хан подарки —
Кошмы, деньги, сундуки,
Беки гонят табуны,

Хан готовит казаны.
Э-э, на тое ханском гости
Будут сыты и пьяны!
Синий дым ползет кругом
И трепещут под ножом
Шелкогривые двухлетки,
Вскормленные молоком.
Мясо варится в котлах,
С кумысом хмельным пошла
По рукам гостей дородных
Круговая пиала.
Кумыса один глоток
Даже бая валит с ног.
Свеж кумыс, густые сливки
Сладки, как урючный сок.
Быть на тое ханском честь.
И охотников поесть
Столько съехалось, что места
Нехватало, чтобы сесть.
Льются реки кумыса,
Льется крепкая боза,
У гостей от угошенья
Затуманились глаза.
От веселья далеки,
Пели песню старики.
Соловьи-акыны пели
Песню горя и тоски.
Подымаясь, как волна,
До сердец дошла она,
И кончалась эта песня
Словом горестным — война!
Э-э, киргизы любят мир,
Э-э, джигит, взгляни на мир:
Не к добру у всех манапов
С бород их стекает жир.
Выжидали муллы час
Совершить святой намаз,
Тасбихи в жемчужных корках
Заблестели, как алмаз.
Хану честь они продав,
Ноги под себя поджав,
На резню народ толкали,
К небу бороды задрав:

— Кто от пуль врага умрет,
Тот в раю удел найдет.
Кто живым из битвы выйдет, —
На земле тому почет.
Э-э, джигит, узнай обман,
Хитрый пир задумал хан...
На резню тебя толкает
Вместе с ханом и коран.
Порешил манапский той
Собирать полки на бой.
К Суранши с гонцом отправил
Хан коварный вызов свой.

4

«Не батыр, а баба ты,
Как теленок, слабый ты,
Ты кафир, не мусульманин,
Осквернил аллаха ты!
Ты разбойников собрал,
Ты слугой урусов стал,
Укрепился в Ала-Тау
И последним трусом стал.
Докажи нам делом ты,
Что отроду смелый ты,
Что батыр ты, а не баба, —
Честь найдешь уделом ты!
Чтоб не мучить нам коней,
Приезжай ты сам скорей,
В стане ты у нас увидишь
Настоящих батырей.
По-батырски смерть встречай.
Голову свою склоняй,
Отруби ее дурную
И на месте нам отдай...»
Так писал седой Орман.
Оскорбил батыра хан.
Приказал батыр джигитам
Собираться на котан,
Он советоваться стал,
Он друзьям своим сказал:
— Никогда народ любимый
Я беде не подвергал.

Хан позор задумал смыть,
Старый вор пришел травить
Нас, казахов и киргизов,
Никогда тому не быть!
Сборы долги ли в поход?
Я пойду — народ пойдет,
Только буду ль я батыром,
Утопив в крови народ!
Больно мне и тяжело,
Но готовлю я седло.
Я один поеду к хану
Без джигитов и послов.
Не поеду — он пойдет,
Степи кровью он зальет,
Он детей налетом волчьим
Под копытами сомнет.
Скажет мой народ тогда:
«Суранши, идет беда.
Ты Ормана испугался,
Ты родной народ предал,
Стал беде виною ты,
Нам не стал стеною ты,
Трусом был, а не батыром,
Выходя войною ты».
Я возьму свою камчу,
К хану я один помчу.
Слышать стон родных аулов.
Я в долинах не хочу.
Если мне итти войной, —
Для народа груз двойной,
Степь отдаст коней любимых,
Потеряет свой покой.
Собираясь в поход,
Я возьму в аулах скот.
Разве скажет мне спасибо
Обездоленный народ?
Я один к врагу пойду,
Я народ не поведу.
В поединке с Орман-ханом
Правду я свою найду.
Степь поднимет честь мою,
Будет хан в бессилье лют,
А мечом с манапской сворой

Я один поговорю.
Несговорчив Суранши,
Будет так, как он решил.
К встрече с ханом за Курдаем
Суранши родной спешил.
Бозкаску батыр поймал,
Нож блеснул, баран упал...
Головой его батыр мой
Аксакалов угощал.
Ак-туяка он седлал,
Он в карманы малта брал,
Брал мешок овса в дорогу
И кольчугу одевал,
Молча пику брал свою,
Корамсал вязал к ремню,
Боевыми стремями
Он бока сжимал коню.

5

Ак-туяк стрелой летел,
Суранши в седле сидел,
Как голодный волк, согнулся,
Ветер сзади лишь свистел.
Пика режет синий дым,
Спорит с яркостью звезды,
С расстояньем, что по счету
Равно дню лихой езды.
Эхо грозное гудит,
В страхе враг в горах лежит,
Суранши родной, как беркут,
По степи стрелой летит.
Ала-Тау позади,
Мчится Суранши один...
На вершину Каражола
Вышли ханские кади.
С войском хан батыра ждет,
Весть ему гонец везет:
«Свой народ батыр жалея,
На тебя один идет.
Он киргизам — друг и брат,
Ты киргизам — первый враг.
Кто клеветет на батыра,
От того не жди добра».

Слово правды хана жгло,
Вынул меч он тяжело,
И у ног его холодных
Сердце пылкое легло.
За правдивые слова,
Как под молнией трава,
С плеч бесстрашного жигита
Покатилась голова.
Призадумались полки,
На могучего батыра
Не поднял народ руки.
Восемь тысяч хан собрал,
Обманул и запугал.
А за час до ратной встречи
Восемь сотен насчитал.
Душат хана гнев и страх,
Не горит огонь в кострах,
В степь разъехались джигиты
На своих аргамаках...
Лишь одни манапы ждут,
Малахаи лисьи мнут,
Солнце скрылось за холмом.
Заклубилась пыль столбом,
Мчится витязь одинокий,
Конь храпит под седоком.
Блещет пика, как огонь,
Под рукою у него.
Стыдно стало и манапам:
Восемьсот на одного!
Меч у хана обнажен
Хан войсками окружен,
Миргалинские владыки
У своих стоят знамен...
Стременами он звеня,
Осадил вдали коня.
«Я — батыр степей казахских...
Хан, ты звал к себе меня? —
Молвил смелый Суранши, —
Я на вызов твой спешил,
Я, рожденный для народа
Встретиться с тобой решил.
Я слугой твоим не стал,
Голову я не склонял,

Я тебя, кровавый ворон,
Никогда не уважал.
Чтобы свой турсук набить,
Ты задумал степь спалить,
Ты казахов и киргизов
Вздумал не к добру травить.
Кровь народную ты пил,
Степь в крови ты утопил,
Сколько ты голов невинных,
Ненавистный, отрубил.
От тебя, вершины бед,
Как от волка, пользы нет,
Ханскою поганой кровью
Будешь ты держать ответ.
Не кумыс я ехал пить,
Ехал меч я обнажить.
Отточил его, чтоб лучше
Голову твою срубить.
Ты не хан, а трус и вор,
На тебя смотрю в упор,
За народ свой рассчитаться
Я мечтаю с давних пор.
Я — родных степей батыр,
Поднимай же лапу ты,
Выходи на поединок
Без своих манапов ты!».

6

Хан испуган, как щенок,
Слова он сказать не мог.
Призадумались беки:
Час расплаты недалек,
И как тучи на ветрах,
Разъезжались от шатра.
Хан, встревоженный, остался
У потухшего костра.
Он движеньем бороды
Подал знак — и от орды
На коне горячем, черном
Отделился богатырь.
Это был Бокан-герой,
Он чапан откинул свой,

Рукава заткнул за пояс,
Поднял знамя над собой,
Спину он согнул дугой,
Был в седле, как дуб кривой,
Он в руках своих могучих
Сжал тяжелый щит стальной.
Пикой в сердце целил он,
И в победу верил он,
Суранши презренья взглядом,
Подъезжая, смерил он:
«Бойся, Суранши, меня,
Я собью тебя с коня.
Ты, проклятый, свою душу
Будешь долго догонять.
Мало жить тебе дано,
Мне б убить тебя давно,
Ты, как перекасти-поле,
Как в крутой волне бревна!
Силу ты узнай мою.
Как нечистую змею,
Острой пикой богатырской
Я тебя к земле пришью.
С давних пор я часа ждал,
Чтобы ты меня узнал!».
Так сказав, Бокан к батыру
В черной пене подскакал.
Как вершина Куртыбас,
Не спуская с пики глаз,
Смелым, статным и могучим
Был батыр в последний час.
Как мороз, он был суров,
Грудью львиною здоров,
Он Бокана даже мухой
Не считал в орде врагов.
Пику он не наклонял,
Палец он большой поднял
И Бокан, как от удара,
Круто осадил коня.
Конь поднял копыта ввысь.
«Э-э, Бокан, себя стыдись,
Если ты остановился,
То скорей домой вернись.
Ты поправься животом,

Стал ты мышью, я — котом,
Ты силен лишь языком.
Бойко ты меня ругал,
Ты меня не испугал.
Нехватало, чтобы пику
Я в крови твоей марал.
Знайте вы, худой Бокан,
Байтекей и Байтуган,
Снова я бросаю вызов,
Мне нужны не вы, а хан!».

7

Мчался первым Байтуган,
Он кричал: «Ты трус, Бокан!
Зуб у мертвого острее.
Ты боишься одного,
Дай, разделаю его,
Я возьму его на пику,
Раздавлю его ногой!
Суранши, послушай, эй!
Разве ты меня сильней?
Не один я еду, рядом
Едет смелый Байтекей.
Знает ханская орда
Первый я у ней всегда.
Ты батыр, я в битвах тоже
Хуже не был никогда.
Как и ты, я всюду смел,
Щит от крови не темнел,
Только я иду за хана,
Ты ж на хана налетел!
Но сбылсь мой мечты,
Ненавидистный, рядом ты,
Помнишь, бороду отрезал
Ты манапу Торгельды...
И тебя ли мне жалеть,
Ты за бороду ответь,
Смерть сама тебя пригнала —
Здесь тебе и умереть.
Нет горы, к которой я
Не прошел в седле коня,
Нет врага, который в битве

Уходил бы от меня.
Вырву душу я твою,
Не с такими я в бою
Силой грозною тягался.
Сердце я твое пробью!..
И раздался звон стремян,
На батыра налетели
Три манапа с трех сторон.
Не укрылся за щитом
Байтуган в бою крутом,
Как хорек, упал на землю
С переломленным хребтом.
Пика в грудь ему вошла,
Кровь густая потекла.
Два манапа иноходцам
Опустили удила.
Побелевший, видит хан:
Поражен батыр Бокан,
Он упал коню на гриву,
Обессиленный от ран.
Хан на помощь поспешил,
Ветер знамя распустил,
Сто манапов окружили
Волчьей стаей Суранши.
Разразилась гроза,
Раскалилася найза,
Раны острые горели,
Заливала кровь глаза.
Суранши неодолим,
Счет ведет с врагом своим.
В спину ханскую вонзилась
Пика, брошенная им.
Свежих сил запас иссяк,
Чует верный Ак-туяк,
Как сайга, он закружился.
Не дает пробиться враг.

8

Вдруг ударил гром в горах,
Охватил манапов страх.
Мчат джигиты Ала-Тау
На своих аргамаках.

Бьет походный барабан.
Задрожал от страха хан.
Бурей русский — друг батыра —
Налетел на ханский стан.
Он врагов батыра смял,
Он голов немало снял.
Из кремневых грозных ружей
Он манапов поливал.
Здесь немногие спаслись,
Еле ноги унесли.
Еле раненого хана
С поля битвы унесли.
Хану не помог и бог,
Рану залечить не мог.
Дни бесславно он закончил,
Кровью черною истек.
Так закончилась война
В те глухие времена.
Суранши вернулся в горы,
Отзвенели стремяна.
Он, как беркут, смелый был,
Он народу послужил...
И народ его с почетом
В Ала-Тау схоронил.

МОЯ РОДИНА

Джамбулу сейчас девяносто лет,
Но крепко Джамбул сидит в седле.
Приехал он в радостный, новый стан,
Встречает певца родной Казахстан!
С почетом певца встречает аул,
Песни пой во весь голос, Джамбул!
Пришли и мои немере-шубере:
«Спой нам, отец, и сыграй на домбре!».
Народ мне настроил душу мою,
И я для народа песню пою:

...Девяносто лет табуны паслись,
Девяносто лет ковыли цвели,
Девяносто лет в облаках несли
Песни свои журавли.
Девяносто лет стремена звенят.
Девяносто лет согнули меня,
Девяносто лет я берег коня,
Чтоб подъехать к новым дням...

Смотрите — моя голова седа,
Смотрите — бела моя борода,
Смотрите — в глазах кровь и вода.
Много я в жизни видал.
Мой род не седлал степных бегунков,
Тавро украшало мое лицо,
Но я в состязаньях песней отцов
Побеждал степных певцов.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же вспомню я сум-заман?
Семьдесят лет в старом седле
По чужой я проехал земле,
По чужой я проехал стране
На усталом и бедном коне.
Пропасть путь преграждала мой,
Тучи сходились над головой,
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Много ханов ты знала, степь моя,
Море слез пролила ты, степь моя.
На плечах своих пронес мой народ
Суровых законов гнет.
Врывалась коканов волчья орда,
С пастбищ наши сгоняли стада,
Бешеный хан Худояр налетал,
Кровь его ядом была налита,
В глазах его вечно стояла ночь.
Хан у народа любимую дочь
В жены насильно к себе уводил.
Сердце он вырвал из нашей груди.
Тогда с джайляу пыль поднималась,
Тогда в озерах вода волновалась,
Тогда над степями с клекотом злым
Тревожно летали орлы...

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же вспомню я сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.
Был хан Аблай. Как голодный шакал,
Он по аулам добычу искал.
Юрту хана датки окружали,
Нукеры хана оберегали...
Баям с Аблаем привольно жилось,
Баям он дал золотое седло,
А тем, чьи плечи сдавила сума,
Был он, как злая степная зима.
Память открыла мне повесть одну...
Любимому сыну вез хан жену.

Красавица ехала на коне,
Рабыни усталые шли за ней,
Судьба им хомут тяжелый дала —
Дешевле овцы их жизнь была.
Слушала степь их беспомощный стон
И проклинала ханский закон.

Эй, скажи мне; судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.
Джангера какой забудет аул?
В степях проносился далекий гул,
И змеи ползли из разных концов,
Край мой сжимало тугое кольцо.
С русским царем принес Джангер-хан
В подарок народу плеть и аркан.
Как волки, зубами арка рвали,
Раны горячие оставляли,
Лучшие выпасы наши брали,
Лучшие реки у нас украли,
Лучший табун из степей увели,
Наши родные кибитки сожгли.
Оставили нам пески да пустырь,
Душу народа они на пласты
Резали. Ханское было кадэ,
Защиты народ не нашел нигде...

Эй, скажи мне, судьба-великан.
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Царских приказов хитрый вершитель,
В степь пришел волостной управитель,
Коварный и злой, как сам сатана.
С ним появились мирза, старшина.
В байскую юрту сам бий приезжал,
На мягких подушках бий ночевал,
На бийской груди блестела медаль...
Кипели котлы. Бурлила вода...
В юрте белее, чем вымытый мел;

Бай на коврах сыр-дарьинских сидел.
Керсень дорогой, с узорами лис,
Пенился в нем золотистый кумыс.

Кедей-бишара был похож на тень,
На голом теле — колючий чекмень.
Малай-бишара с домброй да кнутом
В долинах ходил за байским скотом...
Сжигал его летом солнечный зной,
Бураны его заметали зимой.
Родная жена и две сестры
Для байбише разводили костры.
Сынишка любимый ласки не знал, —
Отцовская доля и сыну верна, —
Пас он в отарах байских ягнят,
С детства на сердце обиду храня.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Когда перешло мне за семьдесят лет,
Ленин, Сталин открыли мне свет.
Труб золотых разносился зов, —
Армия вечных рабынь и рабов,
Сильная, грозная армия шла,
Дворцы захватила и троны снесла,
Волчьих законов разрушила строй...
В грязь покатился венец золотой.
Тогда над степями, ярко горя,
Взошла моего народа заря!
Верных коней казахи седлали,
На гребнях гор костры зажигали,
Чтоб родная Москва увидала,
Как по горам, долинам, увалам
Степь выходила к бунтарским гонцам.
С именем Ленина бились сердца!
С именем Сталина радость пришла!
С именем Сталина степь зацвела!
Их имена кедеи несли,
Байскую свору, как падаль, жгли,

С байских халатов кедеи сорвали
Царские золотые медали!
Я в песнях прославил тот смелый год.
С ним вместе родился и мой народ,
Источники жизни забили в нем,
Смел и велик он в движенье своем!
С тем годом воскресла моя душа,
Я счастье нашел, и бодр мой шаг.
Проклятый заман отошел, как буран.
Спасибо, Сталин, тебе, данишпан!
Расстался Джамбул с своей горькой судьбой.
Спасибо тебе, Сталин родной!

Едет Джамбул в богатом седле,
Едет Джамбул по родной земле,
Едет Джамбул по родной стране
На сытом степном скакуне.
С почетом певца встречает аул:
«Пой свои песни громче, Джамбул!
В них молодость, сила и слава побед
За двадцать советских лет!».
В колхозном ауле радость живет,
В колхозном ауле сердце мое,
В богатом ауле звонко поет
Старик, проклинавший недавно судьбу,
Счастливый певец, Джамбул!

Сталин! Ты крепость врагов сокрушил!
Любимый! Ты житель моей души!
Сравнений тебе не найдут жирши,
И у акынов, степных мастеров,
Таких не найдется жемчужин-слов.
С пророком хотел я тебя сравнить, —
С пророком не мог я тебя сравнить:
Правду пророк не умел говорить!
В словах твоих, Сталин, правда и свет,
Меркнут пред ними фарыз-сундет.
Хотел с океаном тебя сравнить, —
Не мог с океаном тебя сравнить:
И в океане порой корабли
С распоротым дном сидят на мели...

С полярной звездой хотел сравнить, —
С полярной звездой не мог сравнить:
Она, как прибитая гвоздем,
Вечно стоит на месте своем...
С горами хотел я тебя сравнить, —
Из гор тебе не равна ни одна:
У каждой горы вершина видна...
Хотел тебя с полной луной сравнить, —
Не мог тебя с полной луной сравнить:
В небе она холодна и бледна,
Свет свой струит лишь ночью луна.
И с солнцем хотел я тебя сравнить, —
Не мог тебя я и с солнцем сравнить:
Может и солнце порой изменить,
Светит оно лишь в ясные дни.
Сталин! Сравнений не знает старик...
Сталин, как вечный огонь, горит.
С родной домброй по степям я пройду,
Сокровище слов в народе найду.

Я песни посею в пылких сердцах,
И вырастут песни степного певца.
В песнях этих найдут поколенья
Достойное Сталина сравненье!

Спасибо тебе, Сталин мой!
Расстался Джамбул с горькой судьбой.
Едет Джамбул в богатом седле,
Едет Джамбул по родной земле,
Едет Джамбул по родной стране
На сытом степном скакуне.
С почетом певца встречается аул:
«Пой свои звонкие песни, Джамбул!
В них молодость, сила и слава побед
За двадцать советских лет!».

СТАЛИН

Если бесплодна земля и бедна,
Золотом разве заблещет она?
Если с народом герой не живет,
Разве полюбит героя народ?
Если не плещется море волной,
Если у моря виднеется дно,
Разве ты морем его назовешь?
Разве на дне его жемчуг найдешь?
Если горячее солнце умрет,
Если над миром оно не взойдет,
Разве увидит вселенная свет,
Разве найдет человечество след?
Если рождения слышного нет,
Если цветения пышного нет,
Может ли яблоня плод принести,
Может ли сильное племя расти?
Если, как солнце, батыр не рожден,
С солнцем найдет ли сравнение он?
Разве прольет он, как солнце, лучи,
Разве найдет он от счастья ключи?
Если батыр от рожденья велик,
Если могучий батыр солнцелик,
Может ли он на земле умереть
Раньше, чем солнце устанет гореть?
Он солнцеликим явился на свет,
Месяца ярче, луны и планет,
Замер в тревоге дряхлеющий мир.
Пела земля: — Он родился, батыр,

Счастье родилось, родился герой,
Крылья народной мечты вековой!
Травы в долинах вели разговор,
Шумно орлята спускалися с гор.
Нежен, как бубен, реки перезвон,
Светлой улыбкой снял небосклон,
Стал, огрякнувшись от вечного зла,
Гордый Кавказ колыбелью орла.
Шел из берлог и ущелий народ
Встретить рожденного солнца восход.
Встретить грядущего счастья зарю,
Сына увидеть — опору свою.
Шел и Джамбул. Это было давно,
Будто в байге шестьдесят скакунов
Годы промчались. От горя устав,
Шел я, и вдруг мне дыхание трав.
Птиц косяки, переливы струны
И золотые степей катуны,
Горы, ручьи, камыши, ковыли
Песню о вечной мечте принесли.
Пела земля. Он родился, герой,
Крылья народной мечты вековой,
Ростом он выше заснеженных гор,
Ум его, как океана простор,
Речь его пламенем ярким полна,
Слово его, как в прибое волна,
Светлой улыбкой взор озарен,
Сталин на счастье народов рожден!
Грудью орлиной в грозу и пургу,
Смелый и грозный, он страшен врагу.
Нас он в счастливое время взрастил.
Нас он бесстрашью в борьбе научил,
Нас он в богатое платье одел.
Душу Джамбула любимый согрел
Он теплотой жизнедарных лучей;
Кровь моя стала еще горячей.
Память верна мне. То было давно.
Будто в байге шестьдесят скакунов,
Годы прошли. Это годы борьбы...
Тридцатилетним скитальцем я был,
Ветёр холодный меня подгонял,
Степью голодной от бурь я бежал.

На хромоногом своем ишаке
Воду искал я в горячем песке.
Кто же считал человеком меня?
Камни я грыз, чтобы жажду унять.
Разве напьешься, коль камень сожмешь?
Разве тропинку в пустыне найдешь?
Сталин родился, — с восходом зари
Зазеленели в степях пустыри.
Сталин и Ленин родные пришли,
Силу народа с собой принесли.
Освободили рабов от оков
И вековых победили врагов.
Солнце видало с орлиных высот:
Выпрямив спину, поднялся народ,
Ленин и Сталин его в Октябре
В бой повели на владык и царей.
Золото хлынуло реками с гор,
Жемчугом блещут просторы озер,
Садом весенним пустыня цветет,
Дар свой народу земля отдает...
Все, что у нас воровала в ночах
Ханская свора, орда палача, —
Все мы вернули в суровой борьбе,
Все мы вернули и взяли себе...
Стали мы молоды, стали сильны,
Стали, как беркут в полете, вольны,
Дышим свободно, свободно живем,
Песни о счастье народном поем.
У Ала-Тау, под крепостью скал,
Город насилья и рабства стоял —
Верный. Он верным служакою был
Черным хозяевам нашей судьбы,
Город без света, поросший травой
Был в нем хозяином городской.
И поднимались из мрака и тьмы
Церковь, мечеть и дувалы тюрьмы...
Жил я от города невядалеке,
Ездил я в город на ишаке.
Страшен был город, был глух он и нем,
Ехал я молча и кланялся всем
Так, что касалась седла борода.
— Будьте вы прокляты, господа! —
С каждым поклоном я тихо шептал,

Я ненавистных господ проклинал.
У Ала-Тау, в тенистых садах,
У Ала-Тау, в душистых цветах, —
Новая, радостная, как мечта,
Наша любимица Алма-Ата.
Там, где слепая вздыхала сова,
Мчится веселый и шумный трамвай;
Там, где вороны кормили птенцов,
Вижу колонны народных дворцов;
Там, где верблюды отдыхал за бугром,
Вижу я солнечный аэродром.
Сколько в ней радости, песен, огней—
В светлой столице моих сыновей.
У Ала-Тау, под крепостью скал,
Нет распаленного зноем песка.
Там, где в безводье верблюды умирал,
Плещет Урало-Кушумский канал.
Я у домбры и у сердца спросил:
— Кто вековую мечту воскресил?
Кто неустанно и ночью и днем
Думой живет о народе своем?
Разве в бескрайних, как море, степях
Грамоту знали мои сыновья?
Разве голодный и нищий пастух
Был на высоком, почетном посту?
Кто же из вечных степных батраков
Вырастил летчиков, профессоров,
Вольных джигитов, отважных бойцов,
Славой народной овитых певцов,
Учителей, агрономов, врачей,
Знатных и смелых советских людей?
Кто неустанно и ночи и дни
Полон отцовской заботы о них?
Кто в пятилетках борьбы и труда
Служит народу, с народом всегда?
Кто свою Ленину клятву давал?
Кто ее выполнил, свято сдержал?
Кто для народа Закон написал —
Счастья и дружбы великих племен —
Вечный и мудрый Советский Закон?
Кто наш в столетьях отысканный клад?
Кто всенародный родной депутат?
Струны и сердце ответили мне:

Сталин, которому равного нет!
Родина! Сталинский солнечный сад!
Славой и силой красуясь, стоят
В этом саду, где акыны поют,
Гордых, богатых одиннадцать юрт.
Ты среди них, мой ликующий стан,
Солнечный мой золотой Казахстан.
Снежные горы блестят серебром,
Степи покрыты цветистым ковром,
Каспий привольные воды несет,
Скалами небо Алтай достает.
Необозрима родная земля,
Неисчислимы мои сыновья.
Вижу — он множится, вижу — растет
В братстве и дружбе великий народ.
Я направляю свой радостный взгляд
К светлой столице, к созвездью Кремля
Там мои думы, там сердце мое,
Там мой великий учитель живет —
Сталин, опора и солнце людей,
Вождь всенародной державы моей.
С именем Сталина сердце поет,
С именем Сталина панщины гнет
Сбросив, скрепили наш братский союз
И украинец и белорус.
С именем Сталина гордый Китай
Бьется с нашествием вражеских стай;
С именем Сталина брат мой монгол
Черную свору налетчиков смел...
Сталин — он юность мою воскресил,
С ним я, столетний, про старость забыл.
Силу его не измерят века,
Нет ей преграды, она велика.
Сталин, как вечный хрустальный родник.
Он, как отточенный солнечный пик.
Выше хребтов и утесов стоит.
Он — величавый, могучий джигит!
С ним ни седин, ни усталости нет,
Сталин — бессмертное знамя побед!
Сталин любимый, в весенние дни
Ты в Казахстан приезжай, отдохни
В солнечной радостной юрте моей,
В дружной счастливой колхозной семье.

Мы б угостили тебя кумысом,
Свежим колхозным густым кумысом,
Трубку б набили твою табаком,
Свежим колхозным своим табаком.
Мы бы тебе оседлали коня,
Ветра быстрее, горячее огня,
Чтоб в золотом каскеленском седле
Ты по любимой проехал земле
Да посмотрел, как богато живет
Твой возрожденный казахский народ.
Сталин любимый, с народом Джамбул
Ждет тебя в гости в счастливый аул!

МОЯ ЖИЗНЬ

Из автобиографической поэмы

1

Степью метель одичалая вилась,
Снежная, вьюжная с воем кружилась.
Оползни с гулом ползли по горам,
Выли шакалы у скал Байкара,
Лаяли лисы, норы покинув,
Волки от страха бежали в долины.
Небо укрылось покровом тугим,
С пиками степь обходили враги.
В черное время, в нерадостный год
Шел, кочевал мой любимый народ.

2

В ночь у подножья Джамбула горы,
Сжавшись комочком у снежной норы,
Мать моя, рабскую жизнь кляня,
В столах и муках родила меня.
Молча собрался голодный аул,
Дали казахи мне имя Джамбул.
Пели акыны под звуки домбры
Песню о мальчике, в бурю рожденном,
Песню о мальчике, нареченном
Именем гордой и древней горы.

3

Мать понесла на усталом плече
 Выюк драгоценный и сорок ночей
 Мазала мазью меня, укрывала
 Нежной мерлушкой, от выюги спасала.
 Мыла в соленой, как море, воде...
 Ветер угрюмо в кибитках гудел,
 Выюга крепчала, пурга завывала.
 Войлоком снежным следы застилала
 И обжигала открытую грудь...
 Горький, безрадостный путь!

4

Глаза я открыл. Вместо солнца и дня,
 Ночь и рыданья встречали меня.
 Слезы кровавые бурно текли,
 Тучи лукавые хмуро ползли,
 Слышал я режущий посвист кнута.
 Люди бежали, как стадо скота,
 Реки холодные вброд проходили,
 Грудью пожары степные тушили.
 Голод косил за аулом аул...
 Рос и скитался с народом Джамбул.

5

Минуло время десятой луны,
 Вышел на джайляу пасти табуны...
 Мне звонкая песня подругой была,
 И жизнь мне радостный голос дала.
 Когда на холмах зацвели цветы,
 И травы от рос становились густы,
 Товарищи — дети степной бедноты,
 Жалкого, рабского детства друзья,
 В степь выбегали послушать меня.

6

Я в сердце лелеял мечту, я хотел,
 Чтоб голос мой звонче Бухара звенел,
 Чтоб песни любимые к солнцу неслись,

Чтоб крылья орла за плечами росли,
Чтоб взлетом беркутьим я ринулся ввысь
И чтобы аулы со мной поднялись
В просторы, где счастье находит кедей,
Где нет ожиревших султанских свиней.
Где реки и сочные травы степей
Приносяг дары для бедных людей.

7

Седые певцы мне за песни и труд
Дали волшебницу кюев — домбру,
Я счастья бескрайнего чашу испил,
Я душу свою с иноходцем сравнил,
Я верил на свете — счастливее нет
Такого джигита пятнадцати лет.
Кровь бушевала, как пламя огня.
Семнадцати лет оседлал я коня.
И мне показалось, что этой порой
Сравнился я с гордой Джамбул-горой.

8

С волчихами шли шестьдесят волков,
С волчатами семьдесят шли волков,
Кровь выступала из их клыков.
Бай, манапы, муллы и ханы,
Ханы кипчакские, ханы коканы,
Ханы калмыцкие и худояры
Сеяли голод, чуму и пожары,
Чортово игрище с воем вели,
Морем народные слезы текли,
Травы народною кровью цвели.

9

С неба тревожно смотрели орлы
На богатства кедеев в Каркаралы.
Силы теряя, корова рябая
Ташила пожитки седого Джабая,
Арбы скрипели, верблюды кричали,
Шакалы голодные им отвечали...
Горе тому, кто бежать не успел:

Ханское рабство... Позорный удел,
Вечное рабство и замкнутый рот.
Черное время! Страдалец-народ!

10

Когда мне исполнилось двадцать лет,
Поехал я счастье искать по земле...
Сидели кази у султанских ворот,
Терзая когтями голодный народ.
Уездный начальник с манапом вели
Подсчеты награбленной ими земли.
Царь за «труды» им медали дарил,
Луга и озера для них отводил,
Чтоб у байского стада всегда
Травы цвели и струилась вода.

11

Я ехал за счастьем дорогой Асана...
Менялись манапы, султаны и ханы,
Чиновники, приставы и атаманы,
А жизнь не менялась. В бесправных степях
Рабы и рабыни стонали в цепях,
Голод полынью они утоляли,
В шкуры вонючие одевались,
Слезами горячими умывались.
У старых курганов, на кучах костей
Матери в столах рожали детей.

12

Шли годы, — народ умирал и редел.
Шли годы, — чиновник султанский жирел.
Шли годы, — в скитаниях я постарел,
И юность прошла верблюжонком в песках.
Мутнели глаза, и слабела рука,
А сердце стучало, как два молотка.
Но верил и знал я: свобода близка,
Народная правда не тонет в песках,
Устали не было в песне моей,
Домброй подымал я степных сыновей.

Шли годы. Я ехал, не зная куда,
 В скитаньях седела моя борода,
 А жизнь крутая, как выступы гор,
 На хмуром лице рисовала узор.
 Народ изнывающий тихо просил:
 Прибавь нам горячею песнею сил!
 Я пел от души, и неслась по долинам
 Поэма о славных походах Таргына,
 О сыне народов, вожде Утегене,
 О горных батырах, о смелых сраженьях.

14

Я пел Кокше-Тау, я пел Актюбе, —
 Джигиты ковали оружие к борьбе...
 Я песнею гнева, зовущей в поход,
 В степях поднимал угнетенный народ.
 Я славил суровый и праведный суд,
 Я пел о батырах, что скоро придут
 И силу могучую в бой поведут
 За землю, за реки, за счастье степей,
 За наших в берлогах рожденных детей.

15

И грянула буря. Набат загудел.
 Седой Ала-Тау побагровел.
 Гневно кипучие волны бросал
 Вспененный бурей Арал.
 Тигры метались в сухих камышах,
 Слушая грозный прибой Балхаша.
 Степь бушевала, в пожарах горя,
 Вышла из берегов Сыр-Дарья.
 Октябрь-батыр по земле проходил,
 Осинные гнезда он жег и давил.

16

Вставали рабыни, вставали рабы,
 Под знамя великой, священной борьбы,
 Их Ленин и Сталин вели за собой

В последний горячий, решительный бой.
В борьбе восходила заря Казахстана,
Пылали дворцы и мечети султанов.
Бежала, как жалкая свора хорьков,
Порода манапов, султанов, князьков.
Я с песней борьбы выходил на котан,
Я в бой отправлял молодых партизан.

17

Проходит столетье. Мне память верна,
Я проклял минувшие времена.
Я вижу, как горная серна стройна,
Идет красоты и величья полна,
Лучами жемчужными озарена,
Моя молодая страна.
Я вечный скиталец, я стал имешт,
И песнями сердце по свету звенит.
Попутчица радости, песен, добра —
Моя золотая домбра.

18

Иду я, счастливый, дорогой цветов,
Пою я о мудрости большевиков,
Я славлю богатство колхозов родных,
Я славлю героев любимой страны,
Я славлю привольный разлив Зайсана.
Я славлю большие огни Джезказгана
И медь Карсакпайской руды,
И уголь красавицы Карагапды.
Я славлю чарующий солнца восход
И весь мой счастливый советский народ!

19

Иду я степями свободен, богат,
Мне вестер приносит цветов аромат.
Вернулась волшебная юность моя,
Меня окружает родная семья;
Со мною в богатстве кастекских доли
Любимые братья — узбек и грузин,
Татарин и русский, уйгур и киргиз,

Для них моя юрта, для них мой кумыс,
Для них моя песня и сердца привет,
И дружба святая на тысячи лет.
А самая лучшая песня моя
На крыльях души долетит до Кремля
И скажет чарующим голосом струн:
«Я — песня народа, что славен и юн,
Что горд и могуч, как орел молодой,
Готовый на подвиг, готовый на бой».
И Сталину скажет: «Любимый отец,
Тебе посылает столетний певец
И сердце, и думы, и песни свои
В счастливые светлые дни!».

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Жалоба. Перевод П. Кузнецова.	3
Сарыбаю. Перевод П. Кузнецова	4
Девушка Кемшат. Перевод П. Кузнецова	5
Доля бедняка. Перевод П. Кузнецова	6
Шалтабаю. Перевод П. Кузнецова	7
Манке. Перевод П. Кузнецова	8
Завещание. Перевод П. Кузнецова	9
Собака бая Кадырбая. Перевод П. Кузнецова	10
Айтыс Айкумыс. Перевод П. Кузнецова.	14
Айтыс Джамбула с Кулмамбетом. Перевод М. Тарловского.	17
В мавзолее Ленина. Перевод П. Кузнецова	31
Ленини Сталин	33
Клим-батыр	36
Аксакалу Калинин. Перевод М. Тарловского	39
Песня народу	41
Песня при получении ордена	47
Умер большой человек	49
Я слышал Сталина	51
Великий Сталинский закон. Перевод П. Кузнецова	53
Песня о Москве	55
Песня о Ленине	58
Песня съезду. Перевод П. Кузнецова.	60
Славься в песнях, СССР	63
Первомайская песня. Перевод П. Кузнецова	65
Песня с весне народов	67
Песня о кумысе	69
Обращение к детям	71
Колыбельная песня	73
К Красной Армии	76
Я избираю Сталина. Перевод П. Кузнецова	78
Песня о большом караване	81
Гимн Октябрю. Перевод П. Кузнецова	85
Песня о братстве народов	87
Песня ликования	90
Песня про батыра Чапая	92

Советский союз	95
Мой Сталин, тебе эту песню пою. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	98
На родине Сталина. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	102
Песня о Сталинской Москве	105
Алма-Ата	107
Песня об искусстве. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	109
Клячи и конь	111
Я народу служу. Перевод <i>Дм. Снегина</i>	115
Комсомолу. Перевод <i>М. Исаковского</i>	118
Здоровье народа. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	121
Да здравствует Сталин! Перевод <i>П. Кузнецова</i>	123
Песня о выполненной клятве. Перевод <i>П. Кузнецова</i> .	124
Тарас. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	127
Съезду победителей. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	129
Песня победы. Перевод <i>Дм. Снегина</i>	132
Пусть Сталин в песнях живет. Перевод <i>П. Кузнецова</i> .	137
Наш Киров. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	139
Закон счастья. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	142
Учись малыш. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	144
Съезду большевиков. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	146
К портрету Абая. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	149
Видела я родной Казахстан. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	150
В час, когда зовет Сталин. Перевод <i>П. Кузнецова</i> .	152
Поэма любви и гнева. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	154
Ленинградцы, дети мои. Перевод <i>М. Тарловского</i>	157
Советским гвардейцам. Перевод <i>М. Тарловского</i>	161
• Дружба народов. Перевод <i>М. Тарловского</i> .	163
Девушка на стальном тулпаре	
Перевод <i>М. Тарловского</i>	165
Проводы. Перевод <i>Дм. Снегина</i>	168
Приказ Родины. Перевод <i>А. Адамс</i>	169
Несокрушимая крепость. Перевод <i>М. Тарловского</i>	173
Клятва под знаменем. Перевод <i>М. Тарловского</i>	174
Утеген-батыр. Перевод <i>К. Алтайского</i>	177
• Суранши-батыр. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	206
• Моя родина. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	240
Сталин. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	246
Моя жизнь. Перевод <i>П. Кузнецова</i>	252

